

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

МАКАРЕВИЧ Ольга Владимировна

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ
Н.С. ЛЕСКОВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х – 1890-х гг.:
ВОПРОСЫ ПРОБЛЕМАТИКИ И ПОЭТИКИ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор Уртминцева М.Г.

Нижний Новгород – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Цикл сборников-антологий, составленных Н.С. Лесковым на основе религиозных текстов во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг.	14
1.1. Проблема выявления источников составленных сборников	18
1.1.1. История издания Н.С. Лесковым «Молитвенных возношений к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского»	18
1.1.3. Библия и творения святых отцов как источник текста сборников	31
1.1.2. Метафора «зеркало жизни» в антологии Н.С. Лескова и в проповеднической литературе	39
1.2. Традиция издания антологий и новаторство подхода Н.С. Лескова к их составлению	48
1.3. Композиционные и структурные особенности сборников	59
1.4. Мотивная структура антологий и ее отражение в повестях, рассказах и публицистике 1880-1890-х гг.	63
Глава 2. Житийные топосы imitatio в художественных произведениях Н.С. Лескова	71
2.1. Imitatio как принцип поэтики Н.С. Лескова	71
2.2. Цикл Н.С. Лескова «Византийские легенды»: к вопросу о функциях лейтмотива imitatio в «переложениях» Пролога	84

Глава 3. Художественные и публицистические произведения Н.С. Лескова второй половины 1870-х – 1890-х гг. в контексте западноевропейского богословия.....	97
3.1. Поиск «истинной веры»: точки соприкосновения народной религиозности и теологии.....	100
3.2. Повесть «На краю света» и очерк «Великосветский раскол» в свете идей о «нравственных основах» религии Ж.Э. Навиля.....	114
3.3. Теория «нравственного долга» в творческой истории цикла «Праведники».....	129
3.4. Интерпретация идей западноевропейской христологии (Ф.В. Фаррар, Ф. Шаф, Р. Голлард) в творчестве Н.С. Лескова.....	146
3.5. Позиция Н.С. Лескова в дискуссии о роли религии и науки (на материале маргиналий в книге Дж.У. Дрейпера, рецензий и художественных произведений).....	163
Заключение.....	179
Библиография.....	185

Введение

Русская литература XIX века была тесно связана с христианской моделью мира, и религиозный контекст, в котором она развивалась, обусловлен не только учением и деятельностью Русской Православной Церкви, но и в целом той культурной традицией, которую Р. Пиккио называет *Slavia Orthodoxa*¹. Тезис о христианской нравственно-философской направленности русской литературы неоднократно доказывался еще в трудах ученых и философов рубежа XIX-XX вв., и современное литературоведение нередко обращается к проблемам интерпретации и осмысления вопросов веры в художественных и публицистических произведениях писателей. В трудах М.М. Дунаева, И.А. Есаулова, А.П. Дмитриева, В.А. Котельникова, И.А. Виноградова, А.М. Любомудрова, А.Г. Гродецкой и мн. других исследователей освещаются вопросы, связанные с воплощением в произведениях русских классиков христианских ценностей и духовных традиций.

Исследование различных вопросов, связанных с интерпретацией христианского учения, занимает важное место и в лесковедении. Николай Семенович Лесков – один из тех русских писателей, кто избрал свой особый путь воздействия на общественное самосознание, которое во второй половине XIX века переживает кризис, проявивший себя не только в экономической, но и в нравственной сфере. Идея писателя о переустройстве общества далека от радикализма революционной демократии, «почвенничества» Ф.М. Достоевского, связанной со взглядами декабристов либерально-демократической позиции И.С. Тургенева, антитринитарной по сути позиции Л.Н. Толстого и т.д. В публицистике и художественном творчестве Лескова постепенно формируется особая философская система, корни которой – в творческом переосмыслении религиозных категорий, в идее возрождения «забытых» официальной идеологией, в том числе и религиозной, нравственных ценностей христианства. Лесков

¹ См. Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003.

настойчиво ищет пути выхода русского общества из духовного кризиса, обращаясь к религиозной философии не только православия, но и других христианских учений.

В работах А.А. Горелова², Г.А. Косых³, Н.Н. Старыгиной⁴, Г.А. Шкуты⁵, И.В. Долининой⁶, О.Е. Майоровой⁷ осмысливается лесковская концепция «праведничества», семантическое наполнение понятия «праведник», принципы характерологии героев-«праведников», а также генезис данного образа в литературе. Проблема отношения писателя к официальной церкви поднимается в работах М.М. Дунаева⁸ и А.А. Новиковой⁹. К вопросу о своеобразии религиозных

² Горелов А.А. Лесков и народная культура. Л., 1988.

³ Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова 1870-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 1999.

⁴ Старыгина Н.Н. Образ праведника как художественное воплощение христианской концепции человека // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: материалы. М., 1998. С. 112-121.

⁵ Шкута Г.А. Евангельские мотивы и символы в творчестве Н.С. Лескова // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 333-339.

⁶ Долинина И.В. Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н.С. Лескова // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. Иваново, 2010. Т.1. №1. С. 67-73.

⁷ Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. Сборник статей. М, 1983. С. 196-232.

⁸ Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках. М., 2003.

⁹ Новикова А.А. Религиозно-нравственные искания в творчестве Н.С. Лескова 1880-1890х гг.: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2003.

воззрений писателя обращаются И.В. Столярова¹⁰, П.Г. Жирунов¹¹, иеромонах Филарет (Кулешов)¹², Ю.Н. Кольцова¹³ и др.

С другой стороны, немаловажным представляется и исследование интереса писателя к еретическим и сектантским учениям. Отношение Лескова к религиозному расколу освещено в работах Е.А. Макаровой¹⁴, Х. Маклейна¹⁵, И.В. Трофимова¹⁶, Н. Морозовой¹⁷ и др. Интерес писателя к пашковству анализируется в исследованиях В. Эджертона¹⁸ и Ю.Л. Сидякова¹⁹. Автобиографический и творческий диалог Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым, как и отношение Лескова к толстовству рассматриваются в трудах В.А. Туниманова²⁰, И.П. Видуэцкой²¹, Г.Б.

¹⁰ Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. Л., 1978.

¹¹ Жирунов П.Г. Аксиологическая триада в контексте творчества Н.С. Лескова: К вопросу о религиозности писателя // II пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. М., 2004. С. 119-126.

¹² Иеромонах Филарет (Кулешов). Использование русского перевода Священного Писания в отечественной литературе XIX века // Вышенский паломник. М., 1997. №4. С. 124-129.

¹³ Кольцова Ю.Н. Духовные искания Н.С. Лескова. Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 70-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 87-95.

¹⁴ Макарова Е.А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 1992.

¹⁵ McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art. Cambridge, Massachusetts, 1977.

¹⁶ Трофимов И.В. Социально-психологический портрет старовера в творчестве Н.С. Лескова // Международные заволокинские чтения. Сб. 1. Рига, 2006. С. 195-207.

¹⁷ Морозова Н.А. Старообрядчество в оценке Н.С. Лескова // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия IV: Русские староверы за рубежом. Тарту, 2000. С. 85-97.

¹⁸ Edgerton, W.B. Nikolai Leskov: the Intellectual Development of a Nonconformist: doc. dissertation for Columbia Un. – 1954.

¹⁹ Сидяков Ю.Л. «Великосветский раскол» и народные этические искания в публицистике Н.С. Лескова 1870х гг. // Ученые записки Тартуского университета. 1987. Вып. 748. С. 110-119.

²⁰ Туниманов В.А. Лесков и Л. Толстой. // Туниманов, В.А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи. СПб., 2013. С. 347-366.

²¹ Видуэцкая И.П. Толстой и Лесков. Нравственно-философские искания (1880-1890-е годы) // Толстой и литература народов СССР. Ереван, 1978. С. 146-159.

Курляндской²², Б.Я. Бухштаба²³ и др. Принципиальный характер имеет недавно появившаяся работа Т.Б. Ильинской²⁴, посвященная феномену «разноверия» в творчестве Н.С. Лескова, в которой автором собраны и детально проанализированы материалы, касающиеся интереса писателя как к «мужицкой вере», так и к «ересям барственного измышления».

С другой стороны, большое внимание в лесковиане традиционно уделяется поэтике интертекстуальности в прозе Н.С. Лескова. К исследованию фольклорных и древнерусских образов, сюжетов и мотивов в произведениях Н.С. Лескова обращались А.А. Горелов²⁵, Г.А. Шкута²⁶, М.В. Антонова²⁷, О.Е. Майорова²⁸, И.В. Бобровская²⁹, Т.Б. Ильинская³⁰, Ю.Н. Ковалева³¹, Н.В.

²² Курляндская Г.Б. Н.С. Лесков и Л.Н. Толстой // Творчество Н.С. Лескова. Курск, 1986. С. 86-111.

²³ Бухштаб Б.Я. Тайнопись позднего Лескова // Творчество Н.С. Лескова. Курск, 1977. С. 79-92.

²⁴ Ильинская Т.Б. Русское разноверие в творчестве Н.С. Лескова. СПб., 2010.

²⁵ Горелов А.А. Лесков и народная культура. – Л., 1988.

²⁶ Шкута Г.А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 2005.

²⁷ Антонова М.В. Патериковая манера в «Заметках неизвестного» Н.С. Лескова // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н.С. Лескова. Орел, 1991. С. 22-23.

²⁸ Майорова О.Е. Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // Русская литература. Л., 1987. №3. С. 170-179.

²⁹ Бобровская И.В. Элементы агиографии в рассказе Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 2002. Вып. 6. С. 127-131.

³⁰ Ильинская Т.Б. Религиозно-фольклорные мотивы в творчестве Лескова (1860-1875) // Петербургские чтения. СПб., 2007. С. 122-129.

³¹ Ковалева Ю.Н. Роль образов русского фольклора в раскрытии национальной самобытности героев Н.С. Лескова («Очарованный странник») // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Волгоград, 2005. С. 512-116.

Лукьянчикова³² и др. Особое внимание уделялось интерпретации Н.С. Лесковым «картин», заимствованных из Пролога, в работах А.М. Ранчина³³, Ю.В. Барковской³⁴, И.Н. Минеевой³⁵, М.Г. Уртминцевой³⁶ и др. В работах О.В. Евдокимовой³⁷ «чужое слово» в прозе Лескова исследовано в контексте мнемонической поэтики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ни в одной из известных нам работ не ставится задача исследования религиозно-нравственных поисков писателя через изучение влияния текстов религиозной литературы на формирование художественного сознания Лескова. Несмотря на ряд статей, ставящих вопросы своеобразия цитирования текста Библии в хрониках, повестях и рассказах Лескова, исследователи не связывали проблемы интертекстуальности ни с различными толкованиями библейского текста, ни с работами современных писателю теологов и проповедников, однако, как художник слова, Лесков постигал заветы и догматы христианства именно через книгу. Поэтому определение круга чтения богословской литературы, изучение форм и принципов работы писателя с текстами религиозного содержания (которые не сводятся только к цитированию) представляется нам значимым для углубления

³² Лукьянчикова Н.В. Влияние агиографической традиции на формирование образа литературного героя в творчестве Н.С. Лескова (на материале «Жития одной бабы») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2008. Вып. 4. С. 44-46.

³³ Ранчин А.М. К поэтике литературной мистификации: Легенды Н.С. Лескова по старинному Прологу // Тыняновский сборник: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. Вып. 10. М., 1998. С. 96-117.

³⁴ Барковская Ю.В. Особенности произведений Н.С. Лескова на темы Пролога // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. М., 2006. С.105-106.

³⁵ Минеева И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб, 2003.

³⁶ Уртминцева М.Г. Н.С. Лесков – интерпретатор проложных сюжетов // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 326-333.

³⁷ Евдокимова О.Е. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб., 2001.

представлений о мировоззрении Лескова и его места в литературном процессе, а также при анализе поэтики художественной прозы и публицистики.

Цель данного исследования – установить характер и степень влияния на творчество Н.С. Лескова второй половины 1870-х – 1890-х годов различных религиозных текстов: Священного Писания, богословских сочинений, агиографии, гимнографии и др.

Под *религиозными текстами* мы будем понимать феномены культуры, имеющие текстовую природу и обладающие определенным статусом, который обусловлен выполняемыми текстом функциями. Понятие *религиозный текст* шире понятий сакральный текст или духовный текст, хотя, подобно им, характеризуется такими чертами, как полисемантическая, притчевый характер повествования, внутренняя полнота и непротиворечивость, основанные на христианской этике и гносеологии и т.д. В то же время религиозный текст не обладает священным статусом и не во всех случаях неизменен. Границу, разделяющую религиозный и светский текст, можно провести, если воспринимать присущую тексту религиозность как атрибут не субстанциональный, а функциональный, подразумевающий включенность текста в определенную коммуникативную и акциональную среду³⁸.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить круг чтения религиозных текстов Лескова в 1870-1880-х гг., а также характер их рецепции в художественных произведениях и публицистике данного периода;

2. Провести комплексный анализ антологий Лескова, основанных на проблемно-тематическом подборе цитат из религиозной литературы, исследовать способы выражения в них авторской позиции;

³⁸ Подробнее о возможных подходах к определению понятия религиозный текст см.: Балабушевич В.Ю. Религиозный текст: диалектика содержания и интерпретации: дисс. ... канд. филос. наук / Виктор Юрьевич Балабушевич. – Новосибирск, 1997. – 153 с.

3. Установить место и значение данных антологий в дальнейшем творчестве Лескова, путем анализа мотивно-образной структуры сборников и малой прозы 1870-1890-х гг.;

4. Рассмотреть творческую историю цикла «Праведники» в контексте интерпретации Н.С. Лесковым идей Ж.Э. Навиля;

5. Проанализировать особенности восприятия и интерпретации образа Иисуса Христа в произведениях Лескова 1870-1890-х гг.;

6. Доказать тезис о структуро- и смыслообразующей функции мотива *imitatio*, повлиявшего на формирование структуры художественных произведений 1880-1890-х гг.

Предметом исследования являются способы выражения в художественных и публицистических произведениях писателя его концепции нравственного совершенствования человека и общества, его апологетика и христология.

Объектом исследования в данной работе стали: рассказы и повести Н.С. Лескова 1870-1890х гг., антологии «Зеркало жизни истинного ученика Христова», «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Святой Библии», «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания», «Молитвенные возношения к Богу св. отца нашего Кирилла, епископа Туровского»; записные книжки писателя, книги из мемориальной библиотеки писателя в Орловском государственном литературном музее им. И.С. Тургенева; выпуски журналов и газет «Православное обозрение», «Странник», «Церковно-общественный вестник», «Новое время», «Исторический вестник» и др.

Впервые в научный оборот вводятся материалы, ранее практически не привлекавшиеся к исследованию творчества Лескова: неопубликованные материалы записных книжек писателя из фондов Российского государственного архива литературы и искусства, а также материалы фонда Н.С. Лескова в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН; впервые проанализированы маргиналии на переводах Ветхого и Нового Завета, книгах Фомы Кемпийского, Дж.У. Дрэпера, А.Н. Афанасьева и др. в мемориальной библиотеке в ОГЛМТ и подготовленный писателем к публикации

конволют оттисков молитв Кирилла Туровского; кроме того, впервые подробно рассматриваются составленные и изданные писателем во второй половине 1870-начале 1880х гг. антологии.

Научная новизна диссертации определяется тем, что на основе материалов, впервые вводимых в научный оборот, корректируется представление о религиозно-философской составляющей творчества Лескова, определившей особенности его художественного метода, жанровый состав созданных им в 1870-1890-е гг. произведений.

Практическая значимость диссертации обеспечивается тем, что проделанный анализ и полученные выводы могут использоваться при подготовке комментариев к публицистике и художественным произведениям Лескова, а также в вузовском курсе истории русской литературы XIX века и в практике преподавания в средней школе.

Метод исследования основывается на достижениях структурно-типологического, историко-функционального и сравнительно-исторического методов, с использованием текстологического и источниковедческого подходов и в целом может быть определен как системный. Анализ проблемно-тематического своеобразия произведений Лескова строится на основе выявления особенностей поэтики, аксиологии, жанровой и мотивно-образной структуры рассматриваемых текстов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Н.С. Лескова, начиная со второй половины 1870-х гг., свидетельствует о целенаправленном стремлении писателя наметить возможные пути преодоления обществом духовно-нравственного кризиса через переосмысление экзегетики христианства и аксиологии христианской культуры.

2. В основе составленных Лесковым антологий лежит идея «разумного исполнения Священного Писания» (Нил Сорский), художественным воплощением которой является композиционный принцип «лествицы», а также проблемно-тематическая группировка цитат из религиозных текстов.

3. Проблематика и поэтика антологий определяется их адресованностью не массовому, а образованному читателю, который мог оценить не только дидактические, но и литературные достоинства произведения.

4. Идея *подражания* подвигу Иисуса Христа и святых становится мировоззренчески значимым компонентом поэтики произведений Н.С. Лескова 1880-1890-х гг. Элементы традиционных для агиографии топосов *imitatio* используются как принципы характерологии и сюжетно-композиционной структуры рассказов и сказок, что позволяет писателю описать чудо нравственного возрождения каждого отдельного человека.

5. Значительную часть круга чтения Н.С. Лескова 1870-1890-х гг. составляет христианская, в т.ч. и протестантская, проповедническая и богословская литература. В публицистике и художественных произведениях Лескова прослеживается рецепция идей Ж.Э. Навиля, Ф. Шафа, Ф.В. Фаррара, Дж.У. Дрейпера, Р. Голларда, Б.Н. Чичерина и др.

6. Смысловое наполнение категории «праведничества» в творчестве Лескова трансформировалось на протяжении 1870-1890-х гг. в соответствии с эволюцией его взглядов: в первой половине 1870-х *праведничество* синонимично *патриотизму*; в сборнике «Три праведника и один "Шерамур"» (1879) одной из ключевых для *праведничества* была идея *долга*; в собрании сочинений 1889 г. объединяющей для цикла стала идея *христианской милосердной любви*.

Апробация исследования. Основные положения работы и полученные в ходе исследования результаты были обсуждены в докладах на научных конференциях в России и за рубежом: «Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов"» (Москва, МГУ, 2011, 2012); Международная летняя школа по русской литературе (Санкт-Петербург, 2011, 2012, 2013); Международная конференция, посвященная юбилею международных летних школ по русской литературе (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 2013); Международная конференция молодых филологов в Тарту (Тарту, Эстония, 2013); «Жизнь провинции» (Нижний Новгород, 2011); «Лесковиана.

Творчество Н.С. Лескова в современном изучении» (Москва-Орел, 2010); «Лесковиана. Документальное наследие Н.С. Лескова: текстология и поэтика» (Москва, 2011); Международная конференция молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках» (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 2011, 2012); Международная конференция молодых филологов (Таллин, 2014); Поволжский семинар по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла (Нижний Новгород, ННГУ, 2011) и др. Исследование было поддержано грантами ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 14. 132. 21. 1050 «Библейская и христианская аксиология как основа поэтики художественного творчества и публицистики Н.С. Лескова 1870-1890-х гг.») и РФФИ (проект 11-06-97013р_поволжье_а «Факторы и стимулы развития региональной литературы: когнитивный аспект»). Материал диссертации использовался автором при чтении курсов: «История русской литературы XIX века», «Жанры литературы и фольклора», «Литературная сказка: национальные традиции и авторские модели».

Структура диссертации определяется поставленными задачами: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и двух приложений. Общий объем – 230 страниц. Библиографический список включает 410 наименований.

Глава 1

Цикл антологий, составленных Н.С. Лесковым на основе религиозных текстов во второй половине 1870-х – начале 1880-х гг.

Вопрос о роли и значении многочисленных и различных по структуре и содержанию включений текста Библии в художественные и публицистические произведения Н.С. Лескова нередко ставится в лесковиане, хотя чаще всего обращения исследователей к этой проблеме носят единичный, фрагментарный характер и не претендуют на какого-либо рода обобщения. В разное время в различном контексте исследовался библейский интертекст в хрониках «Соборяне» (Т.В. Иванова³⁹, Е.П. Березкина⁴⁰ и др.) и «Захудалый род» (Н.И. Озерова⁴¹, П.Г. Жирунов⁴² и др.), рассказах и повестях (М. Лукашевич⁴³, А.А. Коробкова⁴⁴, А.А. Новикова⁴⁵, Л.В. Савелова⁴⁶, Г.А. Шкута⁴⁷,

³⁹ К вопросу о цитате в хронике Н.С. Лескова «Соборяне» // Интерпретация художественного текста. Петрозаводск, 2001. С. 112-116.

⁴⁰ Березкина Е.П. «Соборяне» Н.С. Лескова: (К проблеме евангельских мотивов) // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте. Улан-Удэ, 1999. С. 57-63.

⁴¹ Мудрое смирение: влияние книги Екклесиаста на концепцию смысла бытия в хронике Н.С. Лескова «Захудалый род» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 381-399.

⁴² Концепция веры в «Соборянах» и «Захудалом роде» Н.С. Лескова // Православие и русская литература. Арзамас, 2004. С. 52-62.

⁴³ Библия в художественном мире рассказа Н.С. Лескова «Однодум» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2012. С. 259-266.

⁴⁴ Мотив СЛЕПОТЫ и ПРОЗРЕНИЯ в рассказе Н.С. Лескова «Павлин» // Сравнительное и общее литературоведение. М., 2006. Вып. 1. С.176-185.

⁴⁵ Евангельский эпиграф в поэтике святочного рассказа Н.С. Лескова «Отборное зерно» // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер.: Рус. филология. М., 2006. №2. С. 234-238; Новозаветная концепция преображения мира и человека в творчестве Н.С. Лескова (Повесть «Некрещеный поп») // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. М., 2007. Ч. 2. С. 361-373.

А.А. Федотова⁴⁸ и др.), а также в публицистических произведениях (Т.Б. Ильинская⁴⁹ и др.).

В большинстве случаев исследователями ставится вопрос о значении и роли тех или иных библейских *цитат* в структуре того или иного произведения. Однако включение фрагментов из Священного Писания, святоотеческой, раннехристианской и богословской литературы в повести, хроники и рассказы – не единственная форма представления религиозного текста в творческом наследии Н.С. Лескова. Во второй половине 1870-х гг. он выступает в качестве составителя ряда сборников-антологий:

1876 г. – «Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского»;

1877 г. – «Зеркало жизни истинного ученика Христова»;

1878 г. – «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Ветхого Завета»;

1878 г. – «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания» (отдельное издание – 1881 г.);

1879 г. – «Указка к книге Нового Завета».

Кроме того, на протяжении всей жизни Н.С. Лесков прибегал к проблемно-тематическому подбору цитат как к способу доказательства мысли в художественных и публицистических произведениях. В 1891 году подбор четырех цитат из Нового Завета становится своеобразной формой авторского ответа на просьбу А.Е. Кауфмана написать текст для сборника «в пользу

⁴⁶ Евангельский фон в структуре повести Н.С. Лескова «Юдоль» // Литература и христианство. Белгород, 2000. С. 66-68.

⁴⁷ Евангельские мотивы и символы в творчестве Н.С. Лескова // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 333-339.

⁴⁸ Поэтика поздней прозы Н.С. Лескова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ярославль, 2012.

⁴⁹ «Власть тьмы» – библейское и толстовское в интерпретации Лескова: (Неизвестная статья Лескова «О дурацких обычаях») // Мир русского слова. СПб., 2009. №4. С. 64-70.

голодающих». Кроме того, в архивах писателя в Рукописном отделе ИРЛИ РАН и РГАЛИ нами обнаружены «Памятный листок»⁵⁰, «Выписки из Библии, относящиеся к вегетарианству»⁵¹, «Выписки из евангельских текстов»⁵².

В данной главе мы подробно рассмотрим историю создания данных текстов, особенности их проблематики и поэтики, а также попытаемся ответить на вопрос о причинах обращения писателя к данному жанру.

Термины *антология* и *сборник* в данном случае мы будем понимать как синонимические, основной жанрообразующей чертой при этом будет их циклическая форма. Составленные Лесковым произведения опираются прежде всего на чужой текст (молитвы, Библию, творения святых отцов), но оригинальными авторскими в каждом случае являются принципы объединения фрагментов религиозного текста в единое целое.

В лесковиане традиционно считалось, что причиной публикации антологий послужили материальные затруднения Лескова, возникшие после разрыва с «Русским вестником» М.Н. Каткова. Единственная из известных нам статей, где была предпринята попытка рассмотреть место и значение этого проекта Н.С. Лескова в контексте творчества и публицистической деятельности писателя, принадлежит Inès Muller de Morogues⁵³.

С нашей точки зрения, можно говорить об определенном «цикле» антологий, среди которых первой можно считать издание «Молитвенных возношений к Богу св. отца нашего Кирилла, епископа Туровского». Дальнейшее создание Лесковым указанных сборников обусловлено духовным кризисом писателя, о котором он упоминает в письме к Гольцеву в связи с публикацией статьи М.А. Протопопова «Больной талант», желая высказать свою благодарность

⁵⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 612. Оп.1. Ед.хр.117.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 275. Оп 1. Ед. хр. 390.

⁵² РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 391.

⁵³ Muller de Morogues I. N.S. Leskov: propagandiste religieux et critique de littérature édifiante // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1996. Vol. 37. № 4. P. 381–395.

автору, отвергая лишь избранную публицистом ключевую метафору, Лесков отмечает в письме к В.А. Гольцеву: «Замечание его о переломе с момента "хорошо прочитанного Евангелия" очень верно. Тут я увидел неправды тех, от кого ранее ждал правды, и, бросив помочи, пошел на своих ногах, и иду так. Произошло не "выздоровление", а "возраст"»⁵⁴.

⁵⁴ Письмо от 20 декабря 1891 г. Приводится по изданию: Памяти В.А. Гольцева. М., 1910. С. 250-251.

1.1. Проблема выявления источников составленных сборников.

1.1.1. История издания Н.С. Лесковым «Молитвенных возношений к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского»

Работа Н.С. Лескова по составлению и публикации антологий, судя по всему, была начата с молитв Кирилла Туровского. Как отмечал еще Л.Н. Афонин⁵⁵, в библиотеке писателя сохранились переплетенные страницы с напечатанными молитвами Кирилла Туровского, на обложке которых рукой Н.С. Лескова написано «Избранные молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. Памятник двенадцатого века»⁵⁶. Источник данного конволюта оттисков исследователю установить не удалось, однако анализ проведенной текстологической правки показывает, что Лесков готовил данные молитвы к изданию.

С одной стороны, расположение текстов в имевшемся у писателя экземпляре напоминает вырезки из нескольких номеров периодического издания, так как в тексте «Молитв» дважды встречается заголовок «Молитвы на всю седмицу СВ. КИРИЛЛА Епископа Туровского». С другой стороны, сплошная нумерация страниц (с 235 по 351, отсутствуют страницы с 261 по 272), казалось бы, опровергает это утверждение. Однако, обратившись к истории издания произведений «русского Златоуста» в XIX веке, мы можем без труда установить, что в поле зрения Лескова с наибольшей вероятностью могло оказаться лишь одно издание – предпринятое редакцией «Православного собеседника» издание молитв, которые были напечатаны в 1857 году, а затем получили определенное распространение и в форме отдельных оттисков. Такие оттиски хранятся в фондах

⁵⁵ Афонин Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И. С. Тургенева // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890-х годов. Т. 87. М.: Наука, 1977. С. 514.

⁵⁶ Инв. 610/130 оф. РК. ф. 2. оп. 2. 81.

Российской национальной и Российской государственной библиотек⁵⁷. Представленный в библиотеке Н.С. Лескова конволют оттисков ничем от них не отличается. Таким образом, источник текста, оказавшегося в поле зрения писателя вполне установим. Гораздо сложнее ответить на вопрос: с какой целью решил Лесков изменить вполне качественно и научно опубликованный текст?

Прежде всего, отметим, что Лесков убирает из текста все подстрочные сноски научного характера, касающиеся разночтений по разным спискам, вариантам и редакциям древнерусского памятника, которые были приведены в журнале. Кроме того, Лесков исключает ряд текстов. Так, по разным причинам им исключены:

- *Молитва въ недѣлю по вечерии ко Ангеломъ* (предыдущая молитва читается в то же самое время – вечером воскресенья)
- *Молитва во вторник по вечерни* (из двух молитв, относящихся к одному времени суток и дню недели, писателем исключена менее яркая)
- *Молитва в среду по вечерни* (из трех молитв, отнесенных к этому периоду, Лесков сохраняет «Молитву в среду по вечерни святого Кирилла» и «Молитву в среду по вечерни святому Николѣ». Молитву, приводимую между этими двумя, Лесков опускает – как наименее выразительную, с его точки зрения)
- *Молитва в пяток по вечерни* (вторая из имеющихся в сборнике)
- *Молитва в субботу по заутрени всемъ святымъ* (помимо того, что она также дублирующая, большую часть текста молитвы составляют длинные списки имен собственных)
- *В субботу же по вечерни* (последняя из включенных в сборник, составленный «Православным собеседником»)

⁵⁷ Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровскаго. Казань: В типографии Губернского правления, 1857.

Материал, опубликованный в самом журнале: Православный собеседник. Казань, 1857. С. 212–260, 273–351.

Таким образом, если бы задуманный Лесковым сборник был напечатан, в него вошло бы 24 молитвы, как правило, по три молитвы на каждый день: по заутрени, полуденная и по вечерии. Тексты молитв, приуроченных к одному и тому же времени суток и дню недели, писателем сокращены, кроме трех случаев: приведены две вечерних молитвы в понедельник, две вечерних в среду и две вечерних в субботу. Каждый раз, публикуя «лишнюю», четвертую молитву на какой-либо из дней, Лесков убирает из заголовка ее отнесенность ко времени суток, оставляя лишь указание на день недели и, в некоторых случаях, указание на святого – «адресата молитвы» (например, «В среду святому Николе» – вместо «Молитва в среду по вечерии святому Николе»⁵⁸). Принципы выбора исключаемого текста достаточно прозрачны: Лесков выбирает наименее выразительную из молитв, а причиной для исключения может послужить краткость молитвы, перенасыщенность ее речевыми клише и устоявшимися формулами, а также длинные перечисления различных святых, к которым обращается молящийся. Таким образом, уже принцип отбора текстов свидетельствует о стремлении писателя показать выразительность и образность языка и украшенность стиля Кирилла из Турова.

Писатель делит сборник на семь разделов – по дням недели. Заглавием раздела служит название дня недели. Начинается предполагаемый сборник с воскресенья (Н.С. Лесков не предполагал изменить расположения молитв, как они и были составлены Кириллом Туровским, несмотря на то, что в сознании современников писателя начало недели с воскресенья ассоциировалось с еврейской или католической, но не православной традицией). Молитвы в сборнике пронумерованы, но это черновая нумерация, которая не должна была сохраниться в издании.

Проведенная Лесковым лексическая правка показывает стремление писателя приблизить язык, которым написаны молитвы, к тому варианту

⁵⁸ Инв. 610/130 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 81. С.297. Мы приводим номера страниц в том виде, как они пронумерованы в оттисках.

церковнославянского, который использовался в церкви в XIX веке. Стремясь избежать стилистической правки, сохранить стиль самого проповедника, Лесков тем не менее сокращает тяжеловесные обороты и заменяет церковнославянизмы и архаизмы понятными современникам лексемами. Так, вместо «лежу въ тимѣни дѣль моихъ» Лесков пишет «лежу въ тинѣ дѣль моихъ»⁵⁹; вместо «избави мя студа онаго и тмы кромѣшня, и не усыпающаго червѣя ядовитаго, и не угасающаго пламени» – «избави мя студа онаго и тмы кромѣшня, червя и не угасающаго пламени»⁶⁰; вместо «уклонився в дебри любосластныя, углебохъ въ тинѣ дѣль моих, и незаконнымъ терніемъ весь осужень быхъ» – «уклонився в дебри любосластныя, углебохъ въ тинѣ дѣль моих, и незаконнымъ терніемъ весь избодохся»⁶¹. Очевидно, что писатель сохраняет баланс между стремлением сделать текст понятным рядовому читателю и желанием сохранить всю метафоричность и символичность языка оригинала.

Непоследовательно исправляются писателем сочетания с гласной переднего ряда (или гласной, указывающей на мягкость согласного) после «ч», «ш», «ж». С нашей точки зрения, при публикации они все должны быть унифицированы и напечатаны по правилам, уже устоявшимся в XIX в. («душу» вместо «душо», «чудо» вместо «чюдо», и др.). Сложнее обстоит вопрос с исправлением окончаний прилагательных и причастий «аа» на «ая» и подобных: исправлены они Лесковым редко, и только в устоявшихся словосочетаниях. Писатель не исправляет и использование гласных непереднего ряда после заднеязычных согласных.

Наконец, и это представляется нам наиболее важным, Лесков значительно сокращает текст молитв. Некоторые из текстов Кирилла Туровского были сокращены едва ли не наполовину. В этом можно увидеть как необходимость сделать текст более кратким (следующий возникающий в этом контексте вопрос – зачем, для каких целей мог понадобиться сокращенный вариант молитв?), так и

⁵⁹ Инв. 610/130 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 81. С.274.

⁶⁰ Инв. 610/130 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 81. С. 252.

⁶¹ Инв. 610/130 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 81. С. 293.

стремление Лескова акцентировать в молитвах какие-то важные для него идеи. С нашей точки зрения, писатель не только сокращает текст, но и проводит содержательную правку.

1. Лесков сокращает количество упоминаний о «посредниках», к которым молящийся обращается с просьбой о «посредничестве» в молитве, обращенной к Богу. Например, вычеркнуты следующие строки:

Стр. 245: «и Ангела мирна подажь ми, отъ воздушныхъ князь избавляющаго мя, молитвами и моленіемъ Пресвятыя Богородица и святыхъ небесныхъ Силь, Михаила и Гавріила, Уріила и Рафаила и всѣхъ Святыхъ твоихъ, отъ вѣка угодившихъ Ти».

Стр. 259: «молитвами и моленіемъ пречистыя Богородица и Святаго Пророка Предтечи Крестителя Твоего Іоанна и всѣхъ святыхъ»

Стр. 260: «<Предтече> молебникъ ми тепль явися къ Христу Спасу Жизжителю; достойными плоды покаяніа покажи умиленныа ми молитвы; малое воздыханіе мое приими и руку моею воздѣяніе исправи; въ день осуженіа избави мя и Судію милостива сотвори. Тебе бо имамъ заступника и молю, яко помощника и надежду къ Богу...»

Стр. 281: «Христе, истинный Боже нашъ, молитвами Пречистыя ти Матере, Владычица наша Богородица и Святаго Пророка и Предтеча, Крестителя Іоанна, и всѣхъ святыхъ Твоихъ...»

2. Писатель стремится акцентировать указание на дистанцию между молящимся и Богом, к которому обращена молитва. Для этого он с помощью лексических средств (прежде всего антонимов) подчеркивает контраст между человеком и Богом:

Стр. 256: «Ты еси Богъ мой благий и азъ рабъ Твой грѣшный» (подчеркнутые слова дописаны Лесковым).

3. Лесковым было сокращено и большинство упоминаний о Страшном Суде:

Стр. 260: «Ужасаюся и трепещу будущего судища, но подъ Твою милость прибѣгаю и простираю къ Тебѣ очи мои»

Стр. 275: «Егда же вся тварь предъ страшнымъ предстанеть судищемъ Христовымъ, идѣже явятся кождо дѣла безъ испытанія, тогда Ангели предстоятъ со страхомъ, громи боятся, молнія трепещетъ, земля колеблется, огонь свирѣпый потечетъ <...> Тогда праведници возрадуются, преподобнии веселятся, дѣвственницы величаются, мученици вѣнчаются, Апостоли въ облацехъ восхыщаются, пророци прославляются, и вси святіи почиваютъ отъ трудовъ <...>».

Приведенные примеры сделанных писателем сокращений в тексте позволяют предположить, что данные молитвы должны были публиковаться в качестве одного из приложений к очерку Н.С. Лескова «Великосветский раскол» и выполнять функцию определенной альтернативы «Молитвам пастора Берсье», которые составили первую часть приложения. Этим может быть объяснено и стремление сократить текст, уравнив таким образом смысловый потенциал молитв Туровского и Берсье, которые намного короче молитв Кирилла Туровского. В тексте «Великосветского раскола» можно увидеть подтверждение этой мысли, объясняющей замысел Лескова:

Нынешнее же изложение многих наших молитв действительно трудно для понимания, и нечего скрывать, что многие, молясь этими молитвами, значительной доли слов их не понимают. При том же не всем одинаково по сердцу молитвы, печатаемые в синодальном молитвослове. Это дело вкуса, темперамента и вообще индивидуальности. Не привередливые дамы, а очень серьезные люди, например, всем молитвам нынешнего Молитвослова предпочитают старые (XII в.) молитвы Св. Кирилла Туровского, а другие переводят для себя молитвы Берсье. Что же тут за беда <...>?⁶²

⁶² Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. [С присовокуплением молитв пастора

Если наше предположение верно, то стремление сократить в тексте молитв Кирилла Туровского количество обращений к святым и Богородице может быть объяснено влиянием мнения Редстока, по которому молитва должна быть обращена только к Христу. Несомненно, что сам Лесков не разделял этого положения редстокизма, однако его целью было противопоставление молитв Берсье и молитв Кирилла Туровского, а не обращенности их к Иисусу Христу или к одному из святых. В основе молитв пастора Берсье лежит восхваление милосердия Христа, благодарение Его за указание на истинный путь, а также просьба о милосердии к близким, угнетенным, живущим в бедности, равнодушным к вере и т.п. По пафосу эти молитвы напоминают скорее оду, нежели молитву, а при чтении их вспоминается использованная Лесковым в повести «На краю света» метафора об «ожидании щеголеватого канареечного Христа под пальмами», несмотря на то, что авторские интонации в «Великосветском расколе» скорее иронические, нежели сатирические, а Лесков достаточно высоко оценивал проповеди Эжена Берсье. В молитвах же Кирилла Туровского преобладает пафос раскаяния, в основе их лежит осознание собственной греховности, которая всячески подчеркивается и раскрывается с помощью самых разных метафор. По стилистическим свойствам они похожи на плач, и могут быть названы плачем по собственной душе. Заключение в них ключевая идея антитетична основному положению теории Редстока: путь к Христу заключается не в одномоментном «прозрении», а в нравственной работе над собой, которая начинается с осознания своей греховности и постоянной молитвы – просьбы о прощении. Поэтому в молитвах «русского Златоуста» Лесков и стремится подчеркнуть непреодолимую для человека дистанцию между его греховной природой и искупительной жертвой, на которую был способен только Иисус Христос. Этим же, по-видимому, продиктовано и стремление писателя сократить картины Страшного Суда. В последнее десятилетие своей

Берсье, в пер. на рус. яз.]. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1877. С. 31-32. В дальнейшем в тексте работы все ссылки приводятся по данному изданию.

жизни Н.С. Лесков будет постоянно обращаться к теме смерти, к мысли о том, что человек должен жить так, как будто умрет в следующее мгновение. Постоянное напоминание о Страшном Суде (о котором последовательницы Редстока также отзываются негативно, по их словам, проповедники любят «запугивать» свою паству картинами Страшного Суда) для христианина означает необходимость постоянного подражания жизненному пути Иисуса.

В 1877 году выходит подряд три издания очерка «Великосветский раскол». В первом из них после текста очерка были приведены «Молитвы пастора Берсье»⁶³, во втором и третьем изданиях⁶⁴ очерк сопровождался приложением. Приложение состояло из: 1. Этюда «Сентиментальное благочестие», который ранее был опубликован в «Православном обозрении»; 2. Молитв пастора Берсье. Молитвы Кирилла Туровского не вошли в состав приложений. Однако в 1876 году был опубликован отдельный сборник – «Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского (Литературный памятник XII в.)»⁶⁵. И.В. Столярова⁶⁶ со ссылкой на семейный архив С.П. Шестерикова и

⁶³ Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. [С присовокуплением молитв пастора Берсье, в пер. на рус. яз.]. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1877.

⁶⁴ Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. [В прил.: 1. Сентиментальное благочестие. Великосветский опыт простонародного журнала (Этюд). 2. Молитвы паст. Берсье в русском переводе]. 2-е изд., вновь просмотр. и доп. прил. СПб.: тип. В. Тушнова, 1877.

Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. [В прил. 1. Сентиментальное благочестие (Этюд). 2. Молитвы паст. Берсье]. 3-е изд., вновь просм. и доп. прил. СПб.: тип. В. Тушнова, 1877.

⁶⁵ Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского (Литературный памятник XII в.). СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876.

К.П. Богаевской сообщает о том, что издание было подготовлено Н.С. Лесковым. Следует обратить внимание на подзаголовок, которым сопровождает писатель выпуск подготовленного им сборника. Ему важны не только духовная и нравоучительная составляющая молитв, но и поэтика публикуемых текстов. Он подчеркивает литературность, выразительность молитв, их поэтическую составляющую, что помогает ему как повлиять на целевую аудиторию своего издания, так и определить свое отношение к молитвам святого Кирилла. Достаточно очевидна здесь перекличка с названием более поздней статьи «Жития как литературный источник». Как в статье Н.С. Лесков отмечал, что «характеры лиц, о коих сложены те житийные повести <...> являют "духовную красоту" нашего народа»⁶⁷, так и в «Молитвах Кирилла Туровского» писатель, безусловно, увидел «духовную красоту» человека древней эпохи, красоту души, основанную на смиренном и осознанном следовании христианским заповедям.

Кроме того, жанровая основа молитвы как индивидуального, в определенном смысле даже интимного, обращения человека к Богу, дает возможность исчерпывающе раскрыть духовный мир личности. Несмотря на достаточно однородный изобразительно-образный ряд, каждая молитва индивидуальна и в литературном произведении могла бы быть в определенном смысле универсальным средством создания психологизма. Говоря о житиях как литературном источнике, Лесков сожалеет, что «в житиях русских святых, при большом их интересе, есть один давно замеченный большой недостаток – в них мало виден индивидуализм прославляемого человека»⁶⁸, в то время как молитва

⁶⁶ Столярова И.В. Молитва Кирилла Туровского в художественной системе рассказа Н.С. Лескова «На краю света» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 365-380.

⁶⁷ Лесков Н.С. Жития как литературный источник // Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 38.

⁶⁸ Там же, с. 39.

по самой сути своей индивидуальна⁶⁹. Даже устоявшиеся выражения, языковые клише в молитве становятся средством выражения эмоционального состояния молящегося и подчеркивают индивидуальность духовного пути человека. Поэтому к использованию молитвы как литературного приема Н.С. Лесков будет прибегать и в художественных произведениях: в романе «Обойденные», романе-хронике «Соборяне», рассказах «Павлин», «Повесть и богоугодном древоколе» и др.

В небольшом предисловии Лесков приводит небольшую характеристику литературного творчества св. Кирилла, данную составителем его жизнеописания: «“Многи послания князю Андрею (Боголюбскому) написа от Евангельских и пророческих указаний, а также мнги слова на праздники Господни и на душеполезные словеса написа и церкви предаде” Так как самое образование св. Кирилла совершалось при пособии святоотеческих творений, то во всех сочинениях его заметно сильное влияние святоотеческой литературы. В особенности же отразились в творениях св. Кирилла приемы и образцы творений св. Григория Богослова, св. Иоанна Златоуста, св. Епифания Кипрского и других»⁷⁰.

В изданном сборнике отсутствует привязка молитв к дням недели и времени суток. Последовательность текстов молитв писателя изменена как в сопоставлении с текстом-источником, так и в сравнении с первоначальной правкой, Лесковым были исключены и другие тексты, которые первоначально планировалось напечатать. Последовательность молитв в опубликованном сборнике следующая:

1. Молитва во вторник полуденная, 2. В понедельник полуденная, 3. В четверг вечерняя, 4. В пятницу утренняя, 5. В пятницу полуденная, 6. В субботу утренняя, 7. В субботу полуденная, 8. В четверг полуденная, 9. В неделю

⁶⁹ Невозможно не вспомнить в данном контексте хрестоматийный пример из «Детства» М. Горького, в котором молитвы бабушки и деда стали основой характерологии.

⁷⁰ Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского (Литературный памятник XII в.). СПб., 1876. С. 2-3.

утренняя, 10. В неделю вечерняя, 11. В пятницу вечерняя, 12. В субботу вечерняя, 13. В понедельник вечерняя, 14. В среду вечерняя, 15. Во вторник вечерняя, 16. В понедельник утренняя, 17. В понедельник молитва святому Предтечи, 18. В четверг утренняя.

Нам не удалось установить, чем был обусловлен данный порядок молитв. С помощью двух заставок (перед первой молитвой и перед девятой) писатель делит их на две группы. В первой группе молитв преобладает тема греха, покаяния человека в своей греховности, во второй – тема Божьего милосердия и прощения за грехи. Но эти темы настолько тесно связаны между собой, что деление на две группы представляется во многом условным.

Несомненно, что Лесков сохраняет *покаянный* характер молитв, что отличает цикл Кирилла Туровского от общеупотребительных уставных молитв. Древнерусский проповедник возлагает вину за грехи на самого человека, обвиняя его самого в собственном «недостойнстве». С помощью мотивов разделения души и тела, природной греховности, несовпадения внутреннего и внешнего Кирилл Туровский создает концепцию человеческой греховности. Вина за грехи лежит на самом человеке, и виноват человек даже не столько в том, что не сопротивляется собственной греховности, сколько в том, что по природе своей склонен к греху. Поэтому Лесков, редактируя молитвы Кирилла Туровского, и сокращает упоминание о Страшном Суде. Е.Б. Рогачевская, сравнивая молитвы древнерусского автора с молитвами Ефрема Сирина, утверждает, что св. Кириллу «важен не страх перед Судией, не описание всемирных катаклизмов, а сегодняшнее страдание молящегося»⁷¹. Лесков наибольшей правке подвергает именно начало каждой из молитв, стремясь акцентировать мотив страдания уже в вводной части каждого текста, даже если это нарушает *обращенность* молитвы, которая является жанровым атрибутом. Например, начало четвертой по порядку в итоговом сборнике: «Како свое паденіе нынѣ разумѣю? Како ли ся явлю лицу

⁷¹ Рогачевская Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. М., 1999. С. 56-57.

Твоему, Владыко Христе, полонъ сый всякія нечистоты и отъ рожденія моего и донынѣ ни единъ день истинного покаянія не покажахъ?..»⁷². Мотив душевного страдания, порожденного осознанием собственной греховности, получит дальнейшее развитие в антологиях Лескова: так, опубликованную на год позже антологию «Зеркало жизни истинного ученика Христова» можно понимать как своеобразный «рецепт» для каждого страждущего христианина. Внутренняя преемственность двух сборников подтверждается своеобразием представления о греховности души и тела. В человеческой душе происходит борьба Добра и Зла, но действует грех через плоть, поэтому путь преодоления собственной греховности начинается с раскаяния в мыслях и словах, затем в поступках, и лишь затем – в земных проявлениях («пищи и питии»).

Кроме того, именно мотив *страдания* как первой ступени на пути к раскаянию вступает в достаточно очевидное противоречие с концепцией Редстока, в теории которого вместо страдания выступает «страстный экстаз души влюбленной». Популярность редстокизма у великосветских дам Лесков объяснил именно стремлением избежать трудного пути преодоления своей греховности через страдание и раскаяние. Поэтому же молитвы Кирилла Туровского и оказались неуместны в контексте идей «Великосветского раскола», так как, по собственному признанию писателя в письме к Юлии Денисовне Засецкой, его задачей не была дискредитация или критика редстокизма.

Правка языка молитв в сборнике «Молитвенные возношения...» совпадает со стилистической правкой, проведенной в конволюте оттисков. Последовательно исправлены сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда, что соответствовало языку XIX века, унифицировано написание сочетаний ча, ща, чу, щу, а также написание гласной о на месте редуцированного непереднего ряда в сильной позиции (во веки векомъ вместо въ веки векомъ).

⁷² <Лесков Н.С.>. Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского. СПб., 1876. С. 14.

Принципы работы Н.С. Лескова с текстом «Молитв Кирилла Туровского» позволяют сделать вывод о том, что составленная им антология должна рассматриваться не только как самостоятельное произведение, но и как значимая часть очерка «Великосветский раскол», имеющая полемический характер. Издание сборника как самостоятельного текста свидетельствует о высокой оценке литературных достоинств издаваемого древнерусского памятника, который оказался важен Лескову не только с содержательной, но и со стилистической точки зрения. Не случайно в финале повести «На краю света» Лесков процитирует строки из молитвы Кирилла Туровского, в которых нашло отражение писателя о высшем христианском милосердии: «не токмо за свои молитися, но и за чужия, и не за единыя христианы, но и иноверныя, да быша ся обратили к Богу» (V, 512).

1.1.2. Библия и творения святых отцов как источник текста сборников.

Внимание Н.С. Лескова к Евангелию и, шире, ко всем текстам Священного Писания и творениям святых отцов, прослеживается с самого начала его творчества: неоднократно отмечалось, что первые две опубликованные писателем заметки касались Библии. В мемориальной библиотеке писателя в Орловском объединенном государственном литературном музее И.С. Тургенева сохранилось несколько различных изданий Библии, не только на русском, но и на французском языке. Практически все издания содержат собственноручные пометы автора, причем их анализ позволяет утверждать, что книги перечитывались писателем неоднократно. К сожалению, не сохранилась елизаветинская Библия, бывшая настольной книгой Н.С. Лескова и, по свидетельству его сына, вся испещренная пометами. Частично пометы, сделанные писателем в книгах Ветхого и Нового Заветов, уже привлекали внимание исследователей⁷³. Мы обратимся к анализу помет в другом издании Ветхого Завета, которое привлекло особое внимание писателя. Составляя «Памятный листок», Лесков обратился к изданию «Книги Священной истории Ветхого Завета» Общества распространения Библии в Британии и в других странах, переведенное с еврейского текста⁷⁴ (Лондон, 1875 г.), объяснив свой выбор в примечании:

Так как в известных слоях общества есть недоверие к тексту русской Библии синодального издания, то я, для соблазняющихся этою редакциею, беру

⁷³ Минеева И.Н. Материалы к издательскому проекту «Пометы Н.С. Лескова в "Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа (СПб., 1864)": Описание. Комментарии. Интерпретации» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. №6. С. 113-125.

⁷⁴ Отметим, что, несмотря на заявленный «перевод с еврейского текста», Ветхий Завет соответствует православному Александрийскому канону. Разница заключается лишь в выборе оригинала для перевода (общепотребительным на тот момент был сделанный в 18 веке перевод с древнегреческой Септуагинты, известный как «елизаветинская Библия»).

*тексты из русской Библии Лондонского издания 1875 г., к которой наши светские люди относятся доверчивее*⁷⁵.

Издание это сохранилось в библиотеке писателя⁷⁶. В издании есть три типа помет: сделанные синим, красным и графитным карандашом. Сделанные пометы отражают интерес Лескова к Ветхому Завету прежде всего как к историческому и историографическому тексту: он обращает внимание на родословную, временные соотношения событий, сопоставляет отрывки, относящиеся к схожим событиям и т.п. Подчеркиваются прежде всего имена героев, место действия, различные факты. Однако, по мере чтения текста, писатель начинает уделять все больше внимания стилю и поэтике, отчеркивает или отмечает галочками ёмкие по содержанию метафорические выражения или вошедшие в язык фразеологические сочетания.

Особое внимание Н.С. Лесков уделяет фигуре Господа, описанию его психологического состояния, отражению его эмоций, а также пророчествам об Иисусе. Пометы доказывают, что Лесков «вычитывает» в Библии образ Богочеловека; эта мысль впоследствии будет развиваться под влиянием Л.Н. Толстого.

Можно выделить несколько тематических групп помет, которые позволяют проанализировать особенности читательской рецепции Н.С. Лескова. Первая, и самая обширная, группа посвящена проблеме отношения мужчины и женщины. Маргиналии отражают интерес писателя к проблеме брака и особенностям брачных отношений, описанных в книгах Ветхого Завета. Н.С. Лесков отчеркивает фразы: «и сказала: ляг со мною», «что ты дашь мне, если войдешь ко мне», «и спал с нею, и сделал ей насилие», «тогда увидели сыны Божии дочерей человеческих, что они прекрасны, и брали себе в жены, какую кто выбрал» и т.п. Создается впечатление, что писатель ищет слова, подходящие для воплощения его собственных творческих идей. Не случайно отношения между Рыжовым и его

⁷⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 612. Оп.1. Ед.хр.117

⁷⁶ ОГЛМТ. Инв. 610/252 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 83.

женой названы в рассказе «Однорум» «библейскими». В то же время, иногда Лесков отмечает и непоследовательность в изложении мысли. Так, в строках из книги Экклезиаста: «И нахожу я, что горчее смерти женщина...» (Эккл. 7:26) Лесков дописывает слово «злая».

Вторая группа помет связана с проблемой власти, точнее, с требованиями к человеку, который будет облечен властью. В качестве примера укажем на выделенный Лесковым фрагмент: «Ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь над ними тысяченачальниками...» (Исх. 18:21). Одна из ведущих черт, подчеркнутая писателем при создании образов «праведников» - это их «бессеребренность».

К третьей тематической группе можно отнести пометы, отражающие стремление Лескова понять Библейский текст как сюжетное повествование. Он обращает внимание на возраст героев, на место действия, на описания природы, особенности взаимоотношений между героями и т.п., т.е. систематизирует факты библейской истории.

Наконец, четвертая группа помет связана с вопросом об истинной мудрости. Здесь наибольшее внимание Лескова привлекали «Притчи Соломона» и «Книга Иова»: «не найду мудрого между вами», «не многолетние бывают умны», «мудрость поет на улице», «мудростью Господь основал землю, утвердил небо разумом» и т.п.

Маргиналии писателя в целом свидетельствуют о «разумном» отношении к библейскому тексту, стремлении понять основы христианства, основываясь на детальном знании священной истории и понимании образности и символики Ветхозаветных книг.

В сборнике «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Ветхого Завета» в центре внимания оказываются пророческие тексты Ветхого Завета. Основное внимание в данной антологии уделено «Книге пророка Исайи», точнее, тем предсказаниям в ней, которые соотносятся с пришествием Иисуса и сценами Страшного Суда. В этой антологии практически отсутствует

авторский текст: она состоит из цитат, которые в совокупности создают представление о Мессии и отражают ожидание Его прихода евреями, о чем говорит название «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Ветхого Завета» (1878). Цель составления сборника отражена в эпиграфе из Евангелия от Иоанна: «Исследуйте писания, они свидетельствуют о Мне» (5:39).

«Пророчества...» включают в себя пять разделов, отсылающих к ветхозаветным книгам. Каждый из разделов включает в себя несколько глав. Структурообразующими принципами сборника можно считать хронологический (Лесков не меняет установленного порядка следования книг и глав Ветхого Завета) и проблемный (каждая глава носит свое название, выделяющее центральную проблему). Часть глав носит совпадающие названия: так, в сборнике несколько раз встречаются заголовки «Мессия в славе», «Мессия в унижении», «Мессия царь» и др.

Составляя сборник цитат, Лесков последовательно «вычитывает» из библейского текста ту мысль, которую можно считать центральной в его позднем творчестве: жизнь во Христе, жизнь по христианским заповедям – это одновременно и жизнь с мыслью о смерти, которая может наступить в любое мгновение. Мысль о Боге неотделима для Лескова от мысли о наступлении конца и в то же время следующей за ним новой жизни. Онтологическая двуплановость восприятия образа Христа подчеркивается Лесковым последовательным чередованием глав «Мессия во славе» и «Мессия в унижении». При характеристике сборника, по-видимому, следует учитывать и те мысли Лескова, которые были высказаны им позднее в статье «Еврей в России» (1883): «Из духовных книг евреев, которые чтит и христианство, мы знаем, что, по библейскому представлению, судьбою евреев занимался сам Егова. Евреи Его огорчали, изменяли Ему, преллагались богам чуждым – Астарте и Молоху, и Егова наказывал за это – то домашними несчастьями, то пленом и рассеянием, но, однако, Он никогда не отнял от них надежды. Отчего прощения. Евреи живут ожиданием этого обетования. Тонкие следы этого же ожидания можно читать на каждом выразительном еврейском лице, если только горькие заботы жизни и

тяжкое унижение не стерли на нем след высшей мысли»⁷⁷. Выражая свое отношение к ветхозаветной вере, Н.С. Лесков в очерке настойчиво повторяет мысль о необходимости признания правового равенства еврейского населения с великорусским и малороссийским. Лесков указывает на исторически сложившуюся двойственность сознания еврейского народа, в котором сосуществует сознание своей обреченности и высокого предназначения, избранности, иначе говоря, «унижения» и «славы». Эта черта позволяет сопоставить лесковское мнение о евреях и его восприятие образа Христа, представленное в антологии. Эта же причина, возможно, объясняет интерес Лескова к «Книге пророка Исайи», которую иногда называют «Апокалипсисом Исайи» и которая в то же время является в содержательном плане наиболее полным предсказанием о пришествии Мессии в Ветхом Завете.

На отсылке к пророчеству Исайи построена характеристика главного героя в рассказе «Однодум», открывающем цикл «Праведники»: «Рыжов, например, знал наизусть все писания многих пророков и особенно любил Исайю, широкое богословие которого отвечало его душевной настроенности и составляло весь его катехизис и все его богословие» (2, 5⁷⁸). Затем, используя «принцип матрешки»⁷⁹, со ссылкой на слова человека, лично знавшего Рыжова, видимо для того, чтобы дать подтверждение сообщаемой информации, Лесков приводит следующий факт из жизни героя. Алексашка Рыжов нередко читал текст пророчества Исайи в совершенно непонятной ситуации: он кричал его «встречь ветру» у дуба на болоте. Сложно сказать, что именно стало основой для возникновения подобного образа. Возможно, здесь имеет место отсылка к

⁷⁷ Лесков Н.С. Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу. М., 1990.

⁷⁸ При цитировании «Собрания сочинений в 12 т.» (М.: Правда, 1989) номер тома указывается арабской цифрой. При цитировании «Собрания сочинений в 11 т.» (М.: ГИХЛ, 1956-1958) номер тома указывается римской цифрой. Ссылки на продолжающееся «Полное собрание сочинений в 30 т.» оговариваются особо.

⁷⁹ О принципе «матрешки» в произведениях Н.С. Лескова см. Маркаде Ж.-К. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники. СПб, 2006.

традиционному фразеологизму «пустить слова по ветру», соответственно, слова, сказанные «против ветра», не могут быть утеряны и играют важную роль. Можно также увидеть перекличку с богатырской силой героя, который не только побеждал в кулачных боях, но и мог, подобно пророку, произнести слова столь важные, что они должны быть услышаны и против ветра. Наконец, можно увидеть и сопоставление и с еврейской традицией произнесения наиболее важных частей молитвы непременно вслух (в подтверждение этой мысли имеет смысл вспомнить еврея Схарию, героя рассказа «Ракушанский меламед», который считал своим долгом кричать молитвы как можно громче, демонстрируя тем самым свою благочестивость).

Важной чертой характерологии лесковского персонажа является выбор им определенной цитаты из текста. В комментариях к Собранию сочинений Лескова В.Ю. Троицкий предполагает, что это не совсем точная цитата из «Книги пророка Исайи» (2, 406). Как показывает анализ, герой цитирует Исайю по выше упоминавшемуся переводу с еврейского текста дословно, но с некоторыми купюрами. Он выпускает «авторскую» речь, указывающую на то, что произносятся слова Господа, а также отсылки к Израилю. Этому можно дать следующее объяснение: Рыжову дано предвидеть будущее, его можно назвать предсказателем, но не пророком, который несет слово Господа людям. Лесков также сокращает описания бедствий, постигших народ Израиля, сохраняя лишь то, что может быть интерпретировано метафорически. Однако сохраняет все слова осуждения, которые звучат из уст если не пророка, то человека, который «возвышается над чертой простой нравственности».

В рассказе есть и другая цитата, не замеченная составителями комментариев, восходящая к притче о званых на брачный пир (Мф., 22:1-14). Герой сопоставляет себя с тем, кто пренебрег царской одеждой и предпочел свою, хотя тем самым мог обидеть царя, однако Лесков меняет судьбу квартального на противоположную судьбе героя притчи. Рыжов был награжден властью, а не наказан за свое вольнодумство. Если же принять во внимание переносное значение слова «одежды», имея в виду «одежды души», то можно

интерпретировать смысл фразы «хитон обличает мя, яко несть брачен» (2, 20) как осуждение неискренней веры. Прямо эта тема будет позднее высказана в очерке «Еврей в России» также со ссылкой на «Пророчества о Мессии...».

Однако наиболее вероятной представляется трактовка этого образа в контексте «Книги пророка Исаяи». Фраза «не могу, хитон обличает мя, яко несть брачен» – ответ Рыжова на предложение справиться себе форменное платье, соответствующее статусу. С нашей точки зрения, наиболее вероятным представляется соотнесение ее со следующей фразой пророческой книги: «Тогда ухватится человек за брата своего. В семействе отца своего, и скажет: у тебя есть одежда, будь нашим вождем, и да будут эти развалины под рукою твоею». Соответственно, «хитон» Рыжова показывает лишь то, что герой чужд власти светской, стремясь лишь к правде духовной, правде Христа.

Лесков цитирует эту фразу из Евангелия от Матфея и в хронике «Соборяне». Отец Савелий Туберозов вспоминает ее также в связи с невозможностью купить новое облачение. В отличие от Рыжова, он угнетен невозможностью соответствовать своему сану. Однако семантика образа «хитона» сохраняется: не соответствуя требованиям светской власти, герои тем не менее облечены властью высшей, духовной.

Таким образом, одной из важнейших особенностей переосмысления Н.С. Лесковым библейских образов и мотивов становится их полигенетичность. Каждый художественный образ, так или иначе соотнесенный с библейским текстом, писатель воспринимает в общем символическом значении, который может быть понят только при привлечении ряда контекстов.

Еще одна антология, составленная на основе Библии, – «Указка к книге Нового Завета» (1879), которая является, по сути, усовершенствованной закладкой, а идея создать ее появилась у писателя благодаря сыну, изучавшему Закон Божий и забывавшему расположение тех или иных фрагментов Библии. Издание «Указки» было негативно встречено в церковной прессе: по мнению критиков, писатель взялся за «поповское дело», о чем сообщал сам писатель в

статье «Объяснение по трем пунктам». Однако подтверждения слов писателя об обрушившейся на него критике выявить в периодике не удалось.

Внимание Лескова к Библии и к различным переводам библейского текста представляет собой первую ступень на пути к «разумному исполнению Священного Писания». Маргиналии на различных изданиях Библии характеризуют отношение Лескова к Ветхому Завету прежде всего как к историческому и историографическому тексту. Также особое внимание писатель уделяет образу Господа, описанию его психологического состояния, отражению его эмоций и пророчествам об Иисусе. Анализ помет показывает, что Лесков «вычитывает» в Библии образ Богочеловека. Его привлекают вопросы отношения мужчины и женщины, проблема власти и понимание истинной мудрости.

Предложенная в антологиях интерпретация образов и идей Библии находит свое дальнейшее воплощение в художественных произведениях и публицистике. Так, смысл слов и поступков «однодума» Рыжова раскрывается через аллюзии к авторской интерпретации «Книги пророка Исайи», представленной в сборнике «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Святой Библии».

1.1.3. Метафора «зеркало жизни» в антологии Н.С. Лескова
и в проповеднической литературе.

Название сборника «Зеркало жизни истинного ученика Христова» отсылает к традиционному жанру диоптры, переводившейся на русский язык как «зеркало» («зерцало»). Лесков отказывается от традиционной для данного жанра вопросно-ответной формы, однако сохраняет двуплановость повествования, создавая ее соединением авторского и библейского текстов. Возможно, автор использует модель двупланового повествования Фомы Кемпийского, в его книге «О подражании Христу», где утверждения автора аргументируются или комментируются с помощью цитаты или отсылки к Ветхому или Новому Завету. Двуплановость в изданиях лесковского «Зеркала» подчеркивалась графически: библейские цитаты выделялись курсивом.

Рассмотрим те тексты, которые могли оказаться в поле зрения Н.С. Лескова и повлиять на содержание и структуру составленного им сборника. Инес Мюллер де Морог в своей статье⁸⁰ указывает, что у изданного Лесковым сборника существовал прототип, который она датирует 1816 годом. Нам обнаружить этот текст, к сожалению, не удалось. Отметим, что подзаголовок сборника «со старого на ново пересмотрел и издал Н.С. Лесков» был только в первом издании, в дальнейшем сборник печатался без данного подзаголовка, а в одном из изданий (а на протяжении 1877-1900 гг. оно переиздавалось пять раз, что доказывает, что издание пользовалось спросом и было популярным) не было указания на Н.С. Лескова как составителя.

В собрании писателя в РГАЛИ сохранилась рукопись иеромонаха Сергия «Зеркало для старообрядцев, не покоряющихся православной церкви, или ясное и подробное описание старообрядческих заблуждений, с опровержением оных, и

⁸⁰ Muller de Morogues I. N.S. Leskov: propagandiste religieux et critique de littérature édifiante // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1996. Vol. 37. № 4. P. 381–395.

воззвание их к истинной христовой церкви» (1799 г.)⁸¹. Тематически эта рукопись серьезно отличается от изданного Лесковым текста, а сделанные в ней пометы показывают, что писатель критически отнесся к исследованию, обнаружив в нем ряд фактических ошибок. Например, одна из помет на полях указывает: ««?! Староверские русские архиереи саккоса не облачали, а надевали прямо на обыкновенную священническую фелонь, т.е. ризу»⁸². Некоторые факты из данного произведения, как и сюжетная ситуация, объединяющая все повествования – о бегстве монахов и попов в старообрядчество – будут в дальнейшем использованы писателем при написании цикла, начатого «Мелочами архиерейской жизни».

Тематически «Зеркало жизни истинного ученика Христова» перекликается с известным трактатом Фомы Кемпийского «О подражании Христу», о чем мы уже упоминали. Кроме сходства в организации повествования, где постоянны отсылки к библейской и святоотеческой литературе как к важнейшему и неоспоримому доказательству высказываемых идей, можно увидеть и проблемно-тематическое сходство двух произведений: оба они посвящены идее следования Христу как основного начала христианской жизни. Однако раскрывается эта мысль по-разному. В лесковиане вопрос об отношении Н.С. Лескова к трактату Фомы Кемпийского, насколько нам известно, не ставился, поэтому мы остановимся на этом вопросе подробнее.

В редакции 1872 года, в романе «Соборяне» в «Демикотоновой книге» Савелий Губерозов делает следующую запись:

«Был по делам в губернии и, представляясь владыке, лично ему докладывал о бедности причтов. Владыка очень о сем соболезновали; но заметили, что и сам Господь наш не имел где главы восклонить, а к сему учить не уставал. Советовал мне, дабы рекомендовать духовным читать книгу "О подражании Христу". На

⁸¹ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 353.

⁸² Там же, Л. 13А.

сие ничего его преосвященству не возражал, да и вотще было бы возражать, потому как и книги той духовному нищенству нашему достать негде».(1, 69)

Фраза эта может быть прочитана по-разному: на первый взгляд кажется, что отец Савелий сожалеет о недоступности книги для священства и был бы рад, если бы эта ситуация изменилась. Однако можно понять эту фразу и в ином смысле: книги все равно нет, и Туберозов не видит смысла в том, чтобы возражать архиерею в вопросе о пользе ее прочтения. Возможно, понять, как же именно сам Н.С. Лесков относился к идеям, пропагандировавшимся Фомой Кемпийским, можно, основываясь на анализе маргиналий.

В мемориальной библиотеке Лескова в Орле сохранилось издание трактата Фомы Кемпийского 1834 года в переводе С.И. Соколова⁸³. Обратим внимание, что в 1850-е гг. был издан перевод К.П. Победоносцева, однако либо он не сохранился, либо его и не было в библиотеке писателя⁸⁴, что можно рассматривать как факт далеко не случайный, свидетельство достаточно противоречивого отношения писателя к трактату.

В «Предисловии» к издаваемому в его переводе трактату, К.П. Победоносцев замечал, что книга Фомы Кемпийского, хотя и не имеет догматического авторитета, тем не менее, относится к разряду книг, составляющих «любимое чтение у людей простых и благочестивых». Ключевой идеей книги, воздействующей не столько на разум, сколько на чувства и эмоции верующих людей, Победоносцев считал мысль «о суете и суетности желаний и дел человеческих». Именно последовательным обращением к этой мысли переводчик объяснял внимание читателей к трактату:

⁸³ Кемпийский Ф. О подражании Иисусу Христу. М., 1834. ОГЛМТ. Инв. 610/248 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 242.

⁸⁴ В примечаниях к «Полному собранию сочинений», т. 11 (с. 626), при комментировании процитированного отрывка данный перевод не упоминается, указаны лишь переводы Сперанского и Победоносцева. Наличие данного экземпляра книги в библиотеке писателя указывает именно на данный перевод как на наиболее вероятный.

Творение Фомы Кемпийского привлекает к себе особенно духом горячей любви, который повсюду разлит в нем. <...> основная мысль «Подражания» – мысль о суете и суетности желаний и дел человеческих... <...> Может быть, многие, приступая к ней, ищут не столько поучения, сколько утешения – посреди житейской печали, одушевления – посреди житейской суеты и уныния, и любят ее оттого, что находили в ней и то и другое»⁸⁵.

Несомненно, что такое понимание религии – как утешения, ухода от проблем реальности – было чуждо Н.С. Лескову, видевшему в христианстве основу постоянной нравственной работы человека над самим собой. Но взгляд на религию как особое эмоциональное состояние человека, чрезмерная суггестивность воззрений Победоносцева нашла отражение в характере сделанного им перевода. Возможно, поэтому писатель обращается к раннему переводу, в котором переводчик занимал более нейтральную позицию и не стремился к созданию особой эмоциональности текста.

Помет в книге немного, и представляется невозможным определить, когда именно они были сделаны. Однако точно можно сказать, что писатель не обращался к книге второй раз, что достаточно редко для Н.С. Лескова, перечитывавшего книги многократно. Тематически пометы, сделанные в трактате Фомы Кемпийского, касаются следующих тем:

- постоянного осознания своей греховности, которое определяет негативное отношение человека как к самому себе, так и к людям вообще: «Всякий раз, как я бывал между людьми, всякий раз возвращался менее человеком» (с. XXI); «Кто сам себя хорошо познает, тот презирает себя» (с. 5), «Поистине, жить на земле есть бедствие» (с. 76). Если сравнить реализацию этого мотива в трактате и в «Молитвенных возношениях ... Кирилла, епископа Туровского», можно увидеть, что Фома Кемпийский так же, как и Редсток,

⁸⁵ Фомы Кемпийского О подражании Христу, четыре книги. Новый перевод с латинского К.П. Победоносцева. С предисловием и примечаниями переводчика. СПб., 1869. С. 4.

избегает идеи о страдании и раскаянии как о необходимой ступени на пути нравственного совершенствования;

- идеи «сердечного сокрушения», которая в философии Фомы Кемпийского заменяет идею раскаяния: «Я желаю лучше чувствовать сокрушение сердечное, нежели уметь словами описать оное» (с. 3); «Никто не достоин небесного утешения, если рачительно не упражнялся в святом сокрушении сердца» (с. 66);

- мысли о практическом характере веры: «Какая тебе польза в высоких прениях о Троице, если ты не имеешь смирения и потому не можешь быть угоден Троице?» (с. 2), «Чем более и лучше знаешь, тем строже судим будешь, если не живешь святее» (с. 6);

- указания на необходимость постоянной работы над самим собой, постоянного самосовершенствования: «Ежедневно приобретать над собой более власти, и сколько-нибудь успевать во благе» (с.11); «Не будь угоден самому себе по причине способности или разума твоего, дабы не сделаться негодным Богу» (с. 21);

- противопоставления «артикулов» и «духа веры»: «если мы в наружных токмо обрядах полагаем успех наш в религии, то наше благочестие скоро кончится» (с. 31).

На основе тематического анализа несложно сделать вывод о том, что Лесков не разделяет основных идей Фомы Кемпийского, но находит и отмечает те места, в которых видит подтверждение близких ему самому мыслей.

Вернемся к сравнению трактата со сборником Н.С. Лескова.

В трактате Фомы Кемпийского четыре части: «Наставления, полезные для духовной жизни», «Наставления ко внутренней жизни», «О внутреннем утешении», «О таинстве тела Христова». В сборнике Н.С. Лескова частей пять, композиция же сборника объясняется в предисловии: «Вот зеркало жизни истинного ученика Христова, в которое он ежеминутно должен смотреться,

сообразуясь подражать Ему в мыслях, словах и делах»⁸⁶. Соответственно «Зеркало» делится на пять частей: о подражании I. В мыслях. II. В словах. III. В делах. IV. В обхождении. А) со старшими; Б) с младшими. V. В пищи и питии.

Несмотря на некоторую общность формы, с нашей точки зрения, взгляд на проблему «жизни во Христе» у Лескова отличается от взгляда Фомы Кемпийского. Приведем примеры, иллюстрирующие это утверждение.

У Фомы Кемпийского Лесков отмечает фразу: «Если имеешь какие-либо добрые качества, то думай, что другие имеют еще более оных, дабы тем сохранить смирение»⁸⁷. Хотя именно лейтмотив смирения Дмитрий Ростовский считал важнейшим в трактате, советуя его для чтения в своих проповедях, Лесков принимает его концепцию смирения лишь отчасти: «Находишься всегда в истинном преклонном унижении сердца пред всеми человеками, сообразуясь Христу, гласящему: Научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем (Мтф 11:29). Каждого почитай искренно лучше себя и прощай чистосердечно чужие слабости»⁸⁸. Идея, отмеченная Лесковым у Фомы Кемпийского, в православии традиционно именуется «мнением смирения» и осуждается, как одно из проявлений гордыни. Позиция Лескова ближе ортодоксальному пониманию, представляя смирение как сердечное чувство, а не логическую самооценку. Фома Кемпийский также обращается к символическим уровням образа Святого Креста, однако в основе идеи следования крестному пути для каждого христианина для него лежит страх вечного проклятия.

Показательным представляется сравнение эпиграфов к двум текстам. Эпиграф к трактату Фомы Кемпийского из Евангелия от Иоанна: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (12:46). Эпиграф к «Зеркалу жизни истинного ученика Христова»: «Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостойн Меня» – из Евангелия от Матфея (10:38). И если

⁸⁶ Лесков Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова. СПб., 1877. С. 5.

⁸⁷ Кемпийский Ф. О подражании Иисусу Христу. М., 1834. С. 346. ОГЛМТ. Инв. 610/248 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 242.

⁸⁸ Лесков Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова. СПб., 1877. С. 12.

в первом случае очевиден акцент на образе Иисуса Христа, освещающего путь верующего человека, то Лесков обращает внимание прежде всего на ученичество, сознательное подражание Иисусу Христу в повторении Его нелегкой судьбы. Можно с большой долей уверенности предполагать, что Лесков разделял мнение Игнатия Брянчанинова, одного из почитавшихся им современников, осуждавшего трактат: «Книга ведет своих читателей прямо к общению с Богом, без предочищения покаянием, почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жительству учением святых Отцов Православной Церкви»⁸⁹.

Полемичность «Зеркала» проявляется не только по отношению к идеям трактата Фомы Кемпийского, но и к редстокизму (пашковству). Положения этого учения распространялись в России как благодаря молитвенным собраниям, так и журналу «Русский рабочий». В одной из анонимных статей проповеднического характера каждый пункт наставления начинался словами «Следуй за Господом Иисусом Христом»⁹⁰, навязчиво внедряя идею в сознание читателя. Сама по себе идея «следования» в нем определялась предельно поверхностно, напоминая скорее трактат Фомы Кемпийского:

Все мы сбились с дороги в этом мире греха. Существует дорога в нем к миру иному, к миру святости и радости совершенной, но мы не можем ни найти ее, ни следовать по ней без провожатого. Сам Христос предлагает быть нашим Путеводителем. В Священном Писании покорность наша этому Путеводителю и любовь к Нему называется «следовать за Ним»⁹¹.

Антологию Лескова при сравнении ее с другими сочинениями проповеднического толка отличает не только глубина философского содержания, но и определенное изящество формы его воплощения, что позволяет

⁸⁹ Св. Игнатий [Брянчанинов, Д.А.]. Аскетические опыты. СПб., 1886. Т. 1. С. 236.

⁹⁰ Русский Рабочий. №11. 1879; №1,3,8,9 1880.

⁹¹ Русский рабочий. 1879. №11. С. 2.

рассматривать ее как непосредственное руководство к действию, лишенное многословия и абстрактного философствования.

В тематическом плане наиболее близкими «Зеркалу жизни истинного ученика Христова» представляются взгляды херсонского архиепископа Иннокентия. В Рукописном отделе ИРЛИ РАН сохранилась рукопись книги архимандрита Арсения (Иващенко) «Жизнь по писанию, или правила христианского жития в мире с Богом» с редакторскими пометами Лескова, которая во многом продолжала идеи «Зеркала». Заключительный отрывок книги – это фрагмент проповеди Иннокентия «Слово в понедельник первой недели Великого поста», озаглавленный «Наставление о поверке своего нравственного состояния». Этот фрагмент объясняет происхождение ключевой метафоры, которая легла в основу «Зеркала»:

Для облегчения сего дела Господь <...> дал несколько зеркал, в коих, когда помотришься прилежно, видишь себя со всеми своими недостатками <...> Притом, как стоя перед зеркалом, дабы лучше видеть себя, мы обращаемся к нему лицом разными сторонами, так полезно делать и смотрясь в зеркало закона Божия. Постарайся обратиться к нему попеременно всеми сторонами существа своего – не одним духом с его умом и совестью, а и душой с ее желаниями и склонностями, самым телом с его сложением, привычками, требованиями и немощами, и наконец самым внешним состоянием, с его выгодами и невыгодами в отношении к делу нашего спасения...»⁹².

Чуть ниже в данном фрагменте определяются и те части Библии, которые могут выполнять функцию подобных «нравственных зеркал». Большая часть цитат в сборнике Н.С. Лескова взята именно из них.

Возможно, у архимандрита Арсения (Иващенко) и у Н.С. Лескова был общий источник – творения Тихона Задонского. В его знаменитом сочинении «Сокровище духовное от мира собираемое» есть часть, названная «Зеркало».

⁹² РО ИРЛИ РАН, ф. 612, оп.1, ед.хр.110

Кроме общей идеи о поверке своей нравственной жизни жизнью Иисуса Христа, из этой книги Н.С. Лесков заимствует и сопоставление с Адамом:

Предложим же и мы пред душевными очами чистое сие зеркало, и посмотрим в него: сообразно ли наше житие житию Христову? Надобно же непременно сообразным быть. Ибо как ветхому Адаму сотворились мы сообразными; так должны сотвориться сообразными и новому, Иисусу Христу, ежели хотим войти в жизнь вечную.⁹³

Однако поэтика «Зеркала» и «Сокровища» сильно отличается. Сочинение епископа Тихона по своему типу является типичным проповедническим текстом, что обусловлено характером деятельности св. Тихона. Оно строится на основе суггестивных приемов, традиционных для поэтики проповеди: нанизывания конструкций, обращения к читателям, апофатическое отрицание и т.п. «Зеркало жизни истинного ученика Христова» уже самой формой своей отсылает не столько к эмоциям читателя, сколько к деятельности ума и совести, являясь сочинением с предельно жесткой композиционной структурой.

⁹³ Цит. По: Тихон Задонский. Из творений. Сокровище духовное от мира собираемое // Русский рабочий. 1883. №8. С. 5-6.

1.2. Традиция издания антологий и новаторство редакторского подхода Н.С. Лескова к их составлению.

Издание брошюр, листочков и «книжек для народа» было явлением весьма характерным для того времени. Так, в отчете «Общества любителей духовного просвещения» за 1875 г. упоминается об издании и продаже «листочков» «О мире», «О благодати Божией в доме», «О воспитании детей», «Не укради», «Жизнь Божией Матери», «Учение о вере», «О двенадесятих праздниках», «О препровождении праздничных и воскресных дней» и др.⁹⁴. Особой популярностью среди них пользовалась брошюрка «Против пьянства». В том же «Отчете» упоминалось уже о третьем ее издании, что свидетельствовало не только о популярности изданий подобного рода, но и об эффективности письменной формы нравственной проповеди, заключенной в издании. О популярности подобных брошюрок в 1879 году свидетельствовало и «Новое время» в статье «Французская газета о русской проповеди». По свидетельству анонимного автора заметки, староста Исаакиевского собора не только пригласил в собор талантливых проповедников, но и предпринял «на свой счет» издание нескольких десятков тысяч экземпляров проповедей. Замысел издателя объясняется в газете так: «Он остановился на мысли действовать на народ посредством проповедей, в которых вместо разъяснения текста Священного Писания был бы кратко, ясно и популярно изложен какой-нибудь социальный вопрос, опровергающий лжеучения»⁹⁵. По свидетельству же французской газеты, автор опубликованной в «Новом времени» заметки свидетельствует о большом успехе предприятия, активном спросе на издание проповедей во всех социальных

⁹⁴ Отчет отдела общества любителей д. просвещения по распространению духовно-нравственных книг за 1875 г. // Православное обозрение. 1876. Т. 2. №6. С. 349-366.

⁹⁵ Новое время. 1880. №1467. С. 2.

слоях. В заключении статьи звучит мысль⁹⁶ об опасности увлечения обрядовой стороной религии, которое может привести к утрате истинного благочестия:

"Отправлять" только обрядность – значит создать в своей душе двойственность, чего не выносят искренние натуры. Живая беседа в храме, умно и талантливо преподаваемая, удовлетворит и людей этой категории. Церковь нуждается в реформе, и это осознают даже многие духовные лица, и прежде всего необходимо создать проповедь, создать проповедников⁹⁷.

Л.В. Кашинская возводит генезис подобных «листочков» к так называемым «ростопчинским афишкам», считая их отличительной особенностью сочетание патриотического содержания с элементами церковных и духовных текстов. Первым примером таких «листочков», с ее точки зрения, можно считать отпечатанную проповедь митрополита Платона (Левшина), произнесенную при отступлении Наполеона из Москвы. В дальнейшем именно такие издания положили начало массовой религиозной журналистики⁹⁸.

Достаточно большое внимание, судя по всему, уделялось изданию полезных «брошюрок» и последователями лорда Редстока. В 1876 году Министерство внутренних дел разрешило учреждение «Общества поощрения духовно-нравственного чтения», основной целью которого, как следует из названия, было распространение текстов Священного Писания, а также духовно-нравственной литературы. Общество издавало как переводные с немецкого и английского, так и

⁹⁶ Идея о необходимости церковной реформы, о необходимости «очеловечить» церковь, прежде всего с помощью отказа от «обрядности» в пользу «простоты» – одна из ключевых для Н.С. Лескова в этот период, что позволяет поставить вопрос поставить вопрос об атрибуции этой статьи самому Н.С. Лескову (хотя мы далеки от стремления однозначно утверждать данный тезис, он требует дальнейших разысканий). В пользу этой точки зрения свидетельствует и использование слова «двойственность», противопоставленное «односторонности» – а статья с таким названием («Об односторонности») была напечатана Н.С. Лесковым также в «Новом времени» в предшествующем, 1879 году.

⁹⁷ Новое время. 1880. №1467. С. 2.

⁹⁸ Кашинская Л.В. Печать Русской православной прессы: традиции и перспективы // Система средств массовой информации России. М., 1994

оригинальные сочинения, а для их распространения в народе содержало особых книгонош. В мемориальной библиотеке Н.С. Лескова сохранились некоторые из этих изданий, например, проповеди попа Тихона и Чарльза Спурджона (Сперджена)⁹⁹. Общество продолжало свою деятельность до 1884 года и было закрыто одновременно с высылкой из России Василия Александровича Пашкова. Как отмечали современники, каждая из распространявшихся «Обществом» брошюр не отражала сектантского характера учения пашковцев, однако, взятые вместе, данные издания подготавливали почву «для дальнейшего сеяния сектантских заблуждений и односторонностей»¹⁰⁰.

Вопрос о том, какое отношение к деятельности общества имел Н.С. Лесков, мог бы стать предметом отдельного рассмотрения и требует дальнейших разысканий. Укажем лишь на несколько фактов.

Публикуя заметку «Откуда заимствован сюжет пьесы графа Л.Н. Толстого "Первый винокур"», Н.С. Лесков упоминает книгопродавца Иоганна-Густава-Генриха Блимера¹⁰¹, владевшего собственной типографией и книжным магазином на Гороховой улице. Согласно его сообщению, торговля в этом магазине велась при материальной поддержке графа Пашкова, а одним из широко распространяемых, прежде всего великосветскими дамами, изданий его была литографированная картина «Первый винокур», сюжет которой, как довольно убедительно показывает Н.С. Лесков, был взят Л.Н. Толстым в качестве основы для сюжета своей пьесы. Давая оценку этой литографии, Лесков сопоставляет ее с

⁹⁹ Тихон. Христианские нравоучения, почерпнутые из творений Святителя Тихона, Епископа Воронежского и Елецкого. – 7-е изд. – СПб.: Изд. книгопрод. Блимера, 1873. – 16 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/271 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. №99; Спурджон. Сети ловца: Мысли из сочинений. – СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и А.И. Поповицкого, 1876. – 47 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/75 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. №74.

¹⁰⁰ Циркуляр Св. Синода по духовно-учебному ведомству. 1888. № 3.

¹⁰¹ Н.С. Лесков приводит его фамилию в несколько иной орфографии, с удвоенной согласной «Блиссер».

идеями Кирилла Туровского¹⁰² и Кирилла Белозерского, а также упоминает о том, что крестьянам она *нравилась*. В типографии Блимера же, судя по всему, печатались многие из книжек, издаваемых обществом.

В рамках деятельности «Общества поощрения духовно-нравственного чтения» были опубликованы и выполненные Ю.Д. Засецкой переводы книг Джона Буньяна¹⁰³, которые Н.С. Лесков оценил очень высоко, отметив, что роман переведен с той теплотой, «которую женщины умеют придавать переводам сочинений, пленяющих их сердца и производящих сильное впечатление на их ум и чувства»¹⁰⁴.

Наконец, стоит отметить, что с течением времени изменилось и отношение писателя к издававшемуся пашковцами журналу «Русский рабочий». В 1876 году на страницах «Православного обозрения» в статье «Сентиментальное благочестие»¹⁰⁵ Лесков дает неоднозначную оценку журнала, ставшего попыткой последовательниц Редстока в России воплотить в жизнь его идеи. С одной стороны, Лесков осуждает позицию издательниц, не знающих реалий русской простонародной жизни и подменяющих их более знакомыми английскими обычаями. С другой стороны, одобрения писателя заслужило внимание Марии Григорьевны Пейкер к Священному Писанию. Обычно утверждается, что в статье «Сентиментальное благочестие» дана отрицательная оценка журнала, и это мнение представляет отчасти справедливым, так как писатель весьма сатирически анализирует приведенные в первых выпусках «рассказы из жизни». Однако можно вспомнить о том, что «Сентиментальное благочестие» входит в цикл

¹⁰² В общем, содержание всей картины можно хорошо выразить одною фразою преп. Кирилла: «Люди ся пропивают, а души гибнут». // Новости. 1886. №156. 9 июня.

¹⁰³ Буньян, Д. Путешествие Пилигрима. Духовная война / Пер. с англ. Ю.Д. Засецкой. – СПб.: тип. Пуцковича и тип. А. Траншеля, 1878. – 779 с.

¹⁰⁴ [Лесков, Н.С.] Новая назидательная книга // Церковно-общественный вестник. 1878. № 40 (2 апреля).

¹⁰⁵ Сентиментальное благочестие (Ежемесячное издание «Русский рабочий» М.Г. Пейкер) // Православное обозрение. 1877. Т.1. №3. С. 526-551.

статей, опубликованных в 1876 году на страницах «Православного обозрения», и в статьях «Педагогическое юродство» и «Энергичная бестактность» была дана еще более резкая оценка журнала «Детский сад» и газеты «Народный листок». Представляется наиболее верным утверждение о том, что если две названные статьи создавались с целью указать на недопустимость подобных изданий, то «Сентиментальное благочестие» опубликовано с целью улучшить задуманное и начатое, при одобрении исходного замысла журнала для рабочих. Оговоримся, что лесковская критика была услышана М.Г. Пейкер, и во второй половине 1870-х гг. Лесков становится одним из активнейших деятелей и, возможно, даже выпускающим редактором «Русского рабочего».

Таким образом, с течением времени для писателя становятся менее важными вопросы догматического характера, еретическая (с ортодоксальной точки зрения) составляющая учения Редстока, а на первый план выходят вопросы духовно-нравственной проповеди, той пользы, которую могла принести и приносила деятельность «Общества поощрения духовно-нравственного чтения», так как она согласовывалась с одной из ключевых идей философии самого Н.С. Лескова, видевшего в чтении и понимании Священного Писания основу становления и развития народного самосознания.

В 1879 году, обращаясь к проблеме издания дешевой и доступной для народа литературы, Н.С. Лесков сообщает и о появлении «народной книжечки в библейском духе». В заметке «Книжки для народа», сообщая читателю о европейском опыте издания книжек для народа, писатель сожалеет о том, что была отклонена возможность издания книжечки Гопкинса «О народном хозяйстве». Лесков дает в целом положительную оценку изданию ставшего уже библиографической редкостью сочинения Ж.Б. Боссюэта («Политика из слов Священного Писания, почерпнутая И.Б. Боссюэтом»): «Книга, конечно, может служить полезным чтением для народа, особенно в виду того рокового обстоятельства, что у нас в теперешней поре в значительном числе народных

школ закон Божий вовсе не преподается»¹⁰⁶, однако выражает сожаление о том, что стиль изложения в ней сухой, а узконаправленность, обусловленная необходимостью противостоять распространению социалистических и анархистских идей, с его точки зрения, лишает книгу Боссюэта непосредственной *практической* ценности.

Таким образом, основными критериями оценки Н.С. Лесковым изданий для народа были простота и доступность изложения, адаптация сложных философских концепций народному сознанию, в соответствии с особенностями восприятия их демократическим читателем. В то же время в большинстве издаваемых в этот период (второй половины 1870-х гг.) брошюр, листовок, «книжечек для народа» ведущей оставалась именно пропагандистская (идеологическая) функция, так как одна из целевых установок при их издании была связана с борьбой с распространением «социалистических» идей в демократической среде. Приближаясь по характеру поднимаемых в них проблем к проповедническим сочинениям, подобные издания «проповеднического» типа либо сообщали некоторые общеизвестные сведения об основных догматах и положениях православия, становясь своеобразным аналогом того, что изучалось на уроках «Закона Божьего», либо были нацелены на борьбу с наиболее распространенными грехами как бытового (пьянство, жестокость в семье), так и нравственного характера (небрежение к религии, забота о душе, гордость и др.).

Н.С. Лесков, обращаясь к составлению антологий, учитывал опыт создания подобных сборников не только в России, но использовал и западноевропейский опыт составления «книжечек для народа». Так, в предисловии к одному из своих сборников, «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Святой Библии» он ссылается на подобные издания (хотя и без указания конкретных текстов), одновременно объясняя суть своего замысла: «На западе принято издавать все пророчества о Иисусе Христе в виде отдельных сборников, и опыт показал, что такие сборники очень способны интересовать людей, и

¹⁰⁶ Книжки для народа. // Новое время. 1879. №1233. 5 (17) августа. С. 1.

облегчают им изучение Св. Писания»¹⁰⁷. Завершая предисловие, Лесков вновь обращается к цитате, использованной им в качестве эпиграфа: «Исследуйте Писания – они свидетельствуют о Мне» (Иоан. 5:39). Однако в предисловии Лесков в данной цитате заменяет глагол «исследовать» на «испытывать» («для русских любителей "испытывать Писания"»¹⁰⁸). Нам представляется, что это не оговорка Лескова, а сознательное изменение цитаты из Евангелия от Иоанна. Понятие «испытывать Писания» в русской традиции традиционно связывается с идеями Нила Сорского¹⁰⁹.

Интерес к личности и творениям Нила Сорского прослеживается на протяжении всего творчества Н.С. Лескова. Так, в рецензии 1870 года на книгу митрополита Макария писатель высказывает мнение о его проповеди подвижничества, основываясь на представлении о нравственных основаниях религии, которые затем привлекут его внимание и к работам западноевропейских теологов, рассмотренным в первой главе: «Идея монашества Нилова – перенести борьбу с пороком во внутренний мир человека, свести все достоинства и поступки человека к нравственному основанию, к чистоте помыслов и пожеланий – достойна глубокого уважения»¹¹⁰. В рецензии на книгу митрополита Макария, Лесков акцентирует внимание на двух положениях учения Нила Сорского. С одной стороны, он соглашается с мнением о Священном Писании как «высшем руководителе на пути добродетели». С другой стороны, первое положение, с его точки зрения, ведет к возникновению противоречия между личным

¹⁰⁷ Лесков Н.С. Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг ветхого Завета. СПб, 1878. С. 3.

¹⁰⁸ Там же. С.5.

¹⁰⁹ О проблеме Лесков и Нил Сорский см.: Гунн Г.П. Лесков и Нил Сорский // Святые и святые северорусских земель (По материалам VII науч. региональной конф.). Каргополь, 2002. С. 62-66.

¹¹⁰ Новый вклад в церковно-историческую науку. «История русской церкви» Макария, архиепископа Литовского и Виленского. Т. VI. СПб., 1870 // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 2007. С. 240.

совершенствованием и «обузданием свободы мнения». Ключ к разрешению этого противоречия писатель увидел только в личности самого проповедника, его «чувстве глубочайшего благоговения к божественным писаниям и богомудрым отцам», а потому и отметил высочайшее благочестие самого Нила Сорского, которое строилось на этом смиренном благоговении. Очевидно, познакомившись с трудами Эрнеста Навиля (см. главу 3), Н.С. Лесков увидел и другие возможности примирения этого конфликта, поэтому во второй половине 1870-х гг. собирается создать его жизнеописание, о чем и сообщает П.К. Щебальскому в письме от 3 апреля 1878 г.: «Может быть, это будет образцовое жизнеописание русского святого, которому нет подобного нигде, по здравости и реальности его христианских воззрений. Это Нил Сорский (Майков). Надеюсь, что это я могу сделать Вам в угоду...». Иными словами, если в рецензии 1870 г. пример духовного подвига Нила Сорского представлялся Лескову уникальным и неповторимым, отчасти утопичным, то в письме 1878 года он подчеркивает практичность и реалистичность воззрений святого.

В записной книжке 1893-1894 гг. встречается выписка, озаглавленная самим писателем «Из сочинений Нила Сорского», в центре которой также находится проблема отношения к тексту Библии и которая позволяет нам предположить, почему же произошло изменение отношения Лескова к идеям преподобного Нила. Выписка включает в себя две цитаты:

Писания многа, но не вся божественна суть.

Испытую божеств. писания и тем внимаю и яже согласна моему разуму теми научаются и живот и дыхание мое имею.¹¹¹

При этом вторая цитата – из «Послания того же великого старца Нила к брату, попросившему написать ему для пользы души» – содержит в себе тот самый глагол *испытывать* по отношению к библейскому тексту. В богословии толкования этого глагола неоднозначны, однако сделанное Лесковым подчеркивание слов «яже согласна моему разуму» показывает, что Лесков

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109. Сохранено подчеркивание Н.С. Лескова.

использовал его в значении «изучать, узнавать». Поэтому мы можем предположить, что цель составленных писателем сборников не ограничена задачами информационно-проповеднического характера издания «Общества любителей духовного просвещения» или «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Он не просто знакомит читателя с ортодоксальными положениями, противопоставляя им различного рода суеверия, а стремится донести до читателей мысль о необходимости сознательного исполнения Божественных заповедей. Звучащий таким образом призыв «испытывать Писания» позволяет увидеть то значение, которое придавал Лесков библейскому слову: оно действительно, т.е. способно изменить как конкретного человека, стремящегося познать Христа, так и общество в целом. Именно эта идея позволяет нам рассматривать все составленные писателем антологии как единый цикл, несмотря на проблемно-тематическое и жанровое разнообразие вошедшего в них материала. Анализируя эти тексты, мы постараемся показать, как реализовалась в них идея Нила Сорского – о стремлении «испытывая Писания» познать Иисуса Христа, т.е. соответствовать тем этическим заветам, которые легли в основу христианства и были Им заповеданы.

Изменив цель издания сборников, которые перестали быть «книжечками для народа», Лесков изменил и читательский адрес изданных им сборников. Если целевая аудитория двух «Обществ» может быть определена как демократические слои населения, мало знакомые с духовной и религиозной литературой, то Лесков, несомненно, обращается к образованному читателю, который не только оценивает дидактическую направленность книги, но и способен оценить ее литературные достоинства и способ подачи содержания. Несомненно, что тот читатель, которому адресовал писатель свои антологии, должен не только быть верующим человеком, но и хорошо знать тексты Священного Писания, быть знакомым с богословской традицией и иметь достаточно четкую жизненную позицию, в основе которой лежит проверка своих нравственных принципов христианскими заветами.

Последний тезис может быть подтвержден и тем фактом, что в 1880-1890-е гг. Лесков продолжал обращаться к приему составления текста на основе проблемно-тематической подборки цитат. Так, среди бумаг Н.С. Лескова сохранился «Памятный листок»¹¹² (см. Приложение 1), который содержит цитаты из Библии, объединенные темой следования закону и наказания за неисполнение заповедей. Сделанные писателем подчеркивания позволяют однозначно определить тему, по которой подбирались цитаты: это идея следования *закону*, которая считается ключевой в Ветхом Завете и традиционно сопоставляется с идеей дарованной Иисусом *благодати* в Новом Завете.

Кроме того, в РГАЛИ сохранились и сделанные писателем выписки из Библии на тему вегетарианства¹¹³, что подтверждает стремление самого писателя соотносить свои жизненные принципы, и не только нравственные, с библейскими заветами.

В начале 1890-х гг. Лесков также прибегает к использованию библейского текста вместо художественного: откликаясь на просьбу Абрама Евгеньевича Кауфмана дать какой-либо материал для сборника в пользу голодающих в Одессе, Лесков пишет письмо, смысл которого изложен в нескольких цитатах. Поскольку цель сборника – привлечь внимание общества к социальной проблеме, обращение Лескова в данном случае к тексту Библии показывает, что, по мнению писателя, только слово Библии способно изменить человека, повлиять на его поступки. Четыре выбранных писателем цитаты (см. Приложение 2) – из Первого сборного послания св. ап. Иоанна (3:17); Евангелия от Луки (3:11) и (11:23); Второго послания к Тимофею (2:19) – строятся по принципу расширения поставленной темы. Начиная с вопроса о том, что имеющий достаток и не приходящий на помощь брату, закрывает свое сердце от любви Божией, Лесков заканчивает свое письмо общим напоминанием, которое неоднократно встречается в Библии: «Кто не со мною, тот против меня».

¹¹² РО ИРЛИ РАН, ф. 612, оп.1, ед.хр.117

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 390.

Приведенные цитаты сам писатель называет «напоминанием», что возвращает нас к вопросу, который возник у Лескова в связи с идеями Нила Сорского: о том, что следование заветам Священного Писания не должно быть актом подчинения закону, но следствием выбора свободной воли.

1.3. Композиционные и структурные особенности сборников.

Все составленные Н.С. Лесковым сборники опираются на религиозный текст: молитвы Кирилла Туровского, Ветхий и Новый Завет или творения Святых отцов.

Первым способом организации фрагментов сборников в единое целое становится проблемно-тематический принцип. Основная организующая текст идея выносится в название антологии. Однако при этом очевидна тенденция к сохранению логики и хронологии текста-источника. Так, в сборнике «Пророчества о Мессии...» сохраняется порядок частей Ветхого Завета. Подобный прием сохранен и в оставшемся неопубликованным «Памятном листке», в котором, к тому же, оговорена проблема различия в количестве и порядке частей в католической и православной Библии. В «Изборнике отеческих мнений о важности Священного Писания» Лесков обращается к традиции составления христианских флорилегий: сначала приводятся высказывания Иисуса Христа, затем апостолов, отцов церкви и т.д. Структура пяти разделов «Зеркала жизни истинного ученика Христова» восходит к христианским представлениям о греховности, которая зарождается в *душе* человека, но действует через *тело*.

Однако, помимо проблемно-тематического подхода, важным для Лескова оказывается принцип *лествицы*. Этот принцип восходит к сочинению Иоанна Лествичника, в котором в 30 главах изложена суть 30 ступеней, по которому должен пройти христианин на пути к духовному совершенству. Однако если «Лествица» обращена скорее к монахам, удалившимся от мира, то «лествица» Лескова создана для христианина, оставшегося в миру.

С этой точки зрения антология «Зеркало жизни...» является ключевым текстом, представляющим общую картину духовного пути человека, который начинается с ограничения себя «в мыслях» и заканчивается проявлениями на уровне материального бытия. В представлении Лескова внешнее самоограничение на уровне физиологии имеет смысл только в тех случаях, когда человек чист

внутренне. Остальные антологии разрабатывают отдельные проблемы, поднятые в «Зеркале».

Мотивом, объединяющим «Молитвенные возношения...» и «Зеркало...» становится мотив страдания души от осознания человеческой греховности, который является первой ступенью раскаяния и очищения. Способом противостоять греху в «Зеркале» Лесков называет постоянное стремление к подражанию Христу: «Все твое воображение погружай во Христа <...> Зрение, слух и все чувства твои направляй к Единому, учреждающему все»¹¹⁴ и т.п. Проблема молитвы также занимает важное место в «Зеркале»: «Молись, чтобы Бог даровал тебе духа молитвы, и тогда сердечно проси, чтобы Иисус Христос воцарился в тебе и чтобы исполнилась тобою воля Его...»¹¹⁵.

В «Пророчествах о Мессии...» Лесков создает собственную интерпретацию образа Иисуса Христа. Раскрывая две стороны жизни Бога-Сына, его вечную славу и испытанные Им на земле мучения, Лесков вычитывает из библейского текста мысль, неоднократно встречающуюся в его позднем творчестве: жизнь во Христе, по христианским заповедям невозможна без постоянного вспоминания смерти и приготовления к жизни после смерти. Онтологическая двуплановость образа Иисуса Христа таким образом проецируется на земную жизнь каждого христианина. На композиционном уровне воплощением этой идеи становится чередование глав «Мессия в унижении» и «Мессия в славе». В «Зеркале» мысль о смерти также называется в числе составляющих жизни «истинного ученика Христова»: «Чаще спрашивай себя: таковы-ли все дела твои, слова и мысли, чтобы ты, если умрешь сию минуту, мог верою устремиться в объятия Спасителя...»¹¹⁶.

В «Изборнике отеческих мнений о важности Священного Писания» центральной становится мысль о постоянном обращении к Библии как к способу неуклонно следовать по пути Христа, что отражено уже в названии сборника.

¹¹⁴ Лесков, Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова. СПб., 1877. С. 10.

¹¹⁵ Там же. С. 20.

¹¹⁶ Там же. С. 19.

Следование слову Писания представляется Лескову одним из возможных способов следовать за Христом.

Именно наличие общих мотивов (стремления идти по пути нравственного очищения, следования Иисусу Христу, искренней молитвы, чтения Библии, мысль о смерти) позволяет рассматривать составленные Лесковым антологии как цикл. Ключевой идеей является мысль о постепенном, ступенчатом пути к духовному и нравственному совершенству. В то же время анализ содержания антологий позволяет ответить на вопрос, почему в фокусе лесковского творчества оказался образ *праведника*, а не святого. Лескову важно было показать *путь* нравственного совершенствования человека, чудо его нравственного преобразования, а не святого и путь к святости. Его антологии адресованы не монахам, удалившимся от жизни (как «Молитвенные возношения ... Кирилла Туровского» или «Лествица»), а живущим в миру «трем праведным». Поэтому градация, которая у Иоанна Лествичника реализовывалась в восхождении от менее сложного к более трудному, у Лескова представлена наоборот: от более к менее значимому.

На уровне структуры объединяющим для цикла антологий становится обращение к чужому тексту не только как к иллюстративному материалу или для подтверждения высказанных тезисов, но и в качестве способа создания Лесковым авторской интерпретации идей и образов.

В лесковиане говорилось о том, что сборники были составлены писателем из-за материальных проблем, оставшись всего лишь способом заработать. В опровержении этого мнения можно привести, во-первых, факт переиздания сборников, во-вторых, их включения в библиографию произведений, составленную П.В. Быковым, в третьих, тщательную и нередко долговременную работу Лескова над составляемыми сборниками. Например, судя по переписке Н.С. Лескова с М.Г. Пейкер, можно сделать вывод, что работа над «Изборником отеческих мнений...» заняла достаточно много времени и длилась фактически больше года. Перерыв в журнальном издании антологии был связан как с техническими проблемами, так и с занятостью самого писателя. Об отношении к этому сборнику самого Н.С. Лескова, с нашей точки зрения, говорит уже тот факт,

что в письмах к М.Г. Пейкер он называл этот текст «Библией». В итоге, «Изборник» появился в №11,12 за 1878 г., № 1,2,3,4,5 и 11 за 1879 г. В №11 за 1878 г. приводится следующее примечание редакции:

Читатели «Русского Рабочего» всегда найдут продолжение этих свидетельств на этом самом столбце нашего издания. Они будут продолжаться у нас, пока мы приведем их столько, сколько их обретет рука, дающая этот труд свой на пользу русского народа, любящего утверждаться на свидетельствах церковных писателей. Указания источников будут сделаны в кратких выносках под строкою, так как это может иметь значение только для людей ученых, которые пожелали бы нас проверить. Весь труд этот, по дружбе к нашему изданию, дарит русскому человеку Н.С. Лесков, имя которого в литературе достаточно известно.¹¹⁷

В №9 за 1880 г. появилось объявление следующего содержания:

Статьи г. Лескова об «отеческих» свидетельствах о великом значении Св. Писания, которые мы печатали в течение 1879 года, нынче вышли в свет, отдельным изданием, под нижеследующим заглавием «Изборник Отеческих мнений о важности Св. Писания собрал и издал Н. Лесков».

Несомненно, сам факт отдельного издания, предпринятого Лесковым, говорит об определенной степени значимости, которое писатель придавал проведенной им работе.

¹¹⁷ Русский рабочий. 1878. №11. С. 4.

1.4. Мотивная структура антологий и ее отражение в повестях, рассказах и публицистике 1880-1890-х гг.

Образы и мотивы, представленные и разработанные в цикле антологий, получают дальнейшую интерпретацию в художественных произведениях и публицистике писателя 1870-1890-х гг. При этом прочтение вроде бы «случайных» деталей с учетом контекста, созданного антологиями, позволит увидеть некоторые из скрытых смыслов.

Так, в финале «Изборника отеческих мнений...» Лесков отступает от традиции флорилегий, которой до этого он неукоснительно следовал, и дает развернутый авторский комментарий к высказываниям Иоанна Златоуста: «Незнание Св. Писания есть опаснейшее состояние, погружающее нас в глубину погибели»¹¹⁸. Лесков отмечает, что слова Златоуста имеют для нас и другой интерес – исторический и «постыжающий», а затем проводит параллели между тем, что осуждает Иоанн Златоуст, и современным миром.

Н.С. Лесков, развивая мысль богослова, противопоставляющего два образа мира («Игральные кости найду я, конечно, у большей части людей, а Библию разве только у немногих...»), сопоставляет сказанное им с реалиями настоящего: «Что же касается «игральных костей», то и это не устарело. Замените тогдашние «игральные кости» <...> игральными картами, до которых люди додумались гораздо после <...>, и вы увидите, что слово его живо до такой степени, что точно оно сейчас сказано...»¹¹⁹. Вслед за Иоанном Златоустом Лесков отмечает, что Библия важна не сама по себе как богатая и украшенная книга, а важны чтение и понимание ее. Иными словами, противопоставление Лесковым карт и Библии может быть интерпретировано как противопоставление писателем устремленности к Богу и недвижимого, пустого покоя, заполняемого развлечениями.

¹¹⁸ Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания. СПб., 1881. С. 36.

¹¹⁹ Лесков Н.С. Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания. СПб., 1881. С. 38.

Этот мотив становится одним из ключей к пониманию статьи «Русское тайнобрачие» (1878 г.). Уже в начале статьи обыгрывается старообрядческий запрет игры в карты в связи с нравоописательной зарисовкой, в которой создается образ рассказчика – «литературного старовера, не приучившего себя к картам» (6, 355). Затем упоминание игры в карты становится основой для характеристики одного из второстепенных персонажей – коллеги, которому «самовластная жена» не позволяет зимой играть в карты, поэтому летом он «собирает кружочек». Наконец, генерал, решивший судьбу Нюрочки, тоже вводится в повествование через упоминание карточной игры: рассказчик этого генерала «по картам знал». Категорическое осуждение игры в карты в произведении отсутствует, однако она связывается с мотивом духовного покоя, бездействия, а потому косвенно приводит к тому печальному состоянию вопроса о браках, который и освещается в статье. Писатель противопоставляет «обмен мыслями» и игру в карты, а эпоху, когда второе пришло на смену первому, называет «реставрацией упадка нравов». С точки зрения Н.С. Лескова, игра плоха не сама по себе, а как знак эпохи, избегающей глубоких мыслей, фундаментальных проблем и актуальных вопросов, предпочитающей умалчивать о них, подменяя их скандальной или авантюрной составляющей.

Ситуация игры в карты оказывается и в основе сюжета рассказа «Маленькая ошибка» (1883 г.). Здесь сопоставление, использованное Иоанном Златоустом, творчески переосмыслено Лесковым: герой использует перифраз «часослов в пятьдесят два листа читать». Сюжет произведения основывается на противопоставлении показного церковного благочестия и истинной веры, а также на сатирическом изображении популярного московского «пророка» Ивана Яковлевича Корейши. Однако противопоставление здесь развернуто в ином ключе: человеку, верящему в Бога, и игра в карты не грех, если за ней стоит стремление помочь людям. Героиня же, верящая не в Бога, а «в Ивана Яковлевича», характеризуется как «сомневающаяся», т.е. нетвердая в вере.

Кульминационный момент рассказа – разговор между отцом и мужем Капитолины – происходит во время игры в карты, а точнее, за чтением «часослова

в пятьдесят два листа». Здесь важно, что сюжетная ситуация игры мотивирует определенный элемент доверия, понимания между героями. В то же время в традиции русской литературы время, проведенное за карточным столом, изображалось как разрушающее автоматизм будничного течения жизни, так как позволяло человеку оказаться лицом к лицу с иррациональным, подчиниться воле случая (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский). В рассказе случившееся по вине неправильного «моления пророка» представляется как «испытание веры» как для «тетушки», привыкшей воспринимать религию как способ практического воздействия на жизнь, так и для остальных героев. Т.е. игра в рассказе предстает как ситуация встречи с сакральным, а потому – «проверки» характера человека. Однако и муж старшей дочери, и «дядюшка» выдерживают это испытание достойно – доказав истинность своей веры, которая не вступает в противоречие с тем, как герой обращает в свою пользу смекалку.

Таким образом, совмещение двух образов, использованных Иоанном Златоустом как противопоставленных, позволяет Н.С. Лескову образно выразить мысль об истинности не показной, а простой, искренней веры, высказанную проповедником. Сюжетная же ситуация игры в карты подчеркивает незначительность внешней, показательной стороны религии для верующего человека.

Наконец, к мотиву игры в карты писатель обращается и в повести «Полунощники» (1891). В основе произведения так же, как и в рассказе «Маленькая ошибка», конфликт веры и благочестия, который раскрыт через художественное воплощение Н.С. Лесковым образа святого лица, за которым всеми современниками угадывался Иоанн Кронштадский (Сергиев). Игра в карты здесь упоминается в связи с двумя персонажами. Во-первых, она служит характеристике того священника, который пытался «урезонить» Клавдиньку по просьбе ее матери. В произведении упоминается, что «свой, бывало, придет и попойет, и закусит, и в карты поиграет, и на все скажет: "Господь простит"» (7, 105). Сюжетный мотив игры в карты вновь возникает как атрибут обыденности, как привычка. Во-вторых, если обратиться к противопоставлению,

использованному Златоустом (игра в карты – чтение Священного Писания), то в повести можно увидеть не только противопоставление Клавдиньки и Марьи Мартыновны (рассказчицы), но и сопоставление Клавдиньки и Николая Ивановича. Отметим, что в системе персонажей главная героиня и ее дядя находятся в достаточно сложных отношениях. С одной стороны, в глазах рассказчицы Марьи Мартыновны, они оба «позорят» «выдающийся» купеческий дом. С другой стороны, для повествователя и для читателя ясно, что «позорят» они его по-разному: Николай Иванович – бесконечными кутежами, а Клавдинька – непрерывным трудом. В то время как героиня искушена в чтении Евангелия и все свои слова стремится подтверждать выдержками и цитатами из него, Степенев «в церковь ктитором только для ордена пошел». В то время как Клавдинька ведет жизнь простую, стремясь заниматься трудом и делать все собственными руками, герой живет разгульно, тратит чужие деньги и живет под угрозой долговой тюрьмы. Заложенный в характеристике этих двух образов нравственный антагонизм снимание развитие сюжета повести. История Николая Ивановича напоминает судьбу подлинных злодеев в романах Диккенса: дойдя до низшей ступени, они могут исправиться, став собственной противоположностью. Подобное «перерождение» герой переживает под влиянием своей племянницы в конце повести. Читатель узнает об этом из слов Марьи Мартыновны, сообщающей о том, что герой разрешает своему сыну вступить в брак, принимает всем сердцем внука, которого ранее не признавал, что позволяет сделать предположение об изменении его нравственного облика.

Таким образом, если в литературе XVIII-XIX веков ситуация игры в карты (или, обращаясь к пониманию Ю.М. Лотмана¹²⁰, тема) получила устойчивую семантику, связанную с взаимоналожением двух моделей, в основе которых лежит противопоставление «бытового мира» («внутреннего пространства» культуры) и иррационального мира, в котором царствуют игра и воля случая, то в

¹²⁰ Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т.т. Т. II. Таллинн, 1992.

творчестве Н.С. Лескова основным семантическим компонентом этой ситуации становится не случай (случайность, рок, фатум и т.п.), а этическая составляющая. Подобная постановка акцента связана в творчестве Лескова с генезисом данного мотива, который восходит не к литературной традиции и не к реалиям дворянской культурной среды, а к осуждению любых азартных игр в христианской традиции и в быту верующих людей, а само противопоставление игры в карты и чтения Библии – к проповедям Иоанна Златоуста.

К циклу антологий восходит и лейтмотивный в творчестве Н.С. Лескова мотив постоянного чтения Библии и обращения к религиозной литературе. Так, в хронике «Захудалый род», рассказывая о детстве княгини Протозановой, рассказчица, внучка главной героини, отмечает, что «изучением же она знала, кажется, только Священное Писание да французский язык» (5, 7). Знание христианской истории проявляется постоянно в речи княгини: она ссылается на житие Дмитрия Ростовского (5, 109), житие Ульяны Ольшанской, Библию (Вторую Книгу Царств, Книгу Исход) и др. тексты. Особое отношение главной героини к книге подчеркнуто и в описании ее способа решать спорные вопросы: «"Владыка", при малейшем сомнении, сама бралась за Кормчую и, рассмотрев дело, решала его так, что оставалось только исполнять, потому что решение всегда было правильно» (5, 19). При этом отношение княгини к книге – это не слепое следование напечатанному или написанному слову, это именно стремление к его осмыслению, а ее справедливость основывается на ее внутреннем чувстве праведного, которое она соотносит с написанным в книге. Мотив мудрого отношения к слову, книге подтверждается и рассказываемой притчей о мудреце и ученом, «который сто книг выучил», но «истинной мудрости так и не познал и, услышав единственное обидное слово, «полез драться». Благодаря этой притче в повести возникает мотив «запоминания прочитанного». Важно не столько прочитать, сколько «помнить» книгу: «А Червев что выучил, все постоянно помнит». Представляется, что глагол «помнить» в подобных контекстах имеет не столько значение «не забывать», сколько «следовать», что подтверждается контекстом.

В рассказе «Христос в гостях у мужика» основной конфликт выражен в диалоге главного героя, Тимоши Осипова, и рассказчика, его близкого друга: «Святое Писание знает и хорошо говорить о вере умеет, а к обиде такую прочную память хранит». И далее: «Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?». Конфликт во внутреннем мире героя сводится к противоречию между превосходным знанием Священного Писания и неспособностью претворить заветы в жизнь. Однако именно изучение, «испытание» Библии становится залогом счастливого финала, который обусловлен тем, что герой, в результате произошедшего чуда, смог простить давнюю обиду, тем самым его поступки стали согласовываться с идеями, проповедуемыми христианством.

Отметим также, что незнание Священного Писания священниками – один из сквозных мотивов лесковской публицистики. В рассказе «На краю света» первое действие, которое предпринимает вновь назначенный архиерей – проверка знания причтом необходимого минимума религиозных текстов. В статье «Великопостный указ Петра Великого»¹²¹ писатель говорит о «недействительности» пастырей, неспособных учить, наставлять порученных им простолюдинов, так как сами не разбираются в «заповедях Божиих», как следствие, неспособных и преподавать Закон Божий в школах. Что возвращает нас к высказанной в хронике «Соборяне» мысли о том, «что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся».

¹²¹ Лесков Н.С. Великопостный указ Петра Великого // Исторический вестник. 1882. Т. VIII. С. 233-235.

ВЫВОДЫ.

Формы представления сакральных и, шире, религиозных текстов в творчестве Лескова многообразны. Сами произведения Н.С. Лескова занимают исключительную позицию по обилию включенных в них цитат из Священного Писания.

Значимой в творчестве Н.С. Лескова была такая форма обращения писателя к религиозному тексту, как составление антологий. В основе изданных писателем сборников лежит идея о «разумном исполнении Священного Писания», исполнение которой заключается во внимательном изучении Библии и деятельном следовании изложенным в ней христианским заветам. Писатель учитывает русский и западноевропейский опыт составления «книг для народа», однако изменяет целевую аудиторию, обращаясь не ко всякому читателю с «пропагандой прописных ценностей», а к образованному верующему человеку, разделяющему идеи самого Н.С. Лескова.

Составленные антологии представляют собой своеобразный цикл. Циклообразующими элементами становятся принцип лестницы и проблемно-тематический подбор цитат из религиозного текста. «Чужой» текст выполняет функции иллюстрации и доказательства высказываемых идей. При этом архитектоника сборников и переосмысление композиции и образной структуры составления христианских флорилегий и проповедей становится средством выражения авторской позиции.

Анализ творческой истории «Молитвенных возношений к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского» позволяет как уточнить мнение писателя о пашковстве, так и выявить особенности отношения писателя к древнерусским текстам, важными в которых ему представлялись не только вопросы христианской нравственности, но и поэтики жития и молитвы как литературного текста.

Рассмотрение возможных источников образа Библии как «зеркала жизни» позволяет рассматривать антологию «Зеркало жизни истинного ученика Христова» как программное произведение, в котором на основе структурирования

идей, высказанных в проповеднических произведениях, создается авторское понимание пути духовного и нравственного совершенствования.

Мотивы, которые первоначально были осмыслены Лесковым в антологии, позднее нашли отражение в художественных произведениях и публицистике писателя. Особенности понимания образа Христа как Мессии, разработанные в сборнике «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Ветхого Завета» нашли отражение в очерке «Еврей в России», а мотив игры в карты, используемый Иоанном Златоустом и процитированный в «Изборнике отеческих мнений о важности Священного Писания», позднее был реализован в рассказах и повестях «Полунощники», «Маленькая ошибка» и др. Мотив постоянного чтения Библии и следования библейским заветам в жизни как один из основополагающих принципов поведения лесковских героев также часто основывается на том смысловом наполнении, которое он получил в антологиях.

Глава 2

Житийные топосы *imitatio* в художественных произведениях Н.С. Лескова

*Люди не для того сотворены, чтобы записывать
свои верования на бумаге, но для того,
чтобы быть чистыми и праведными
Из записной книжки 1893 г.*

2.1. *Imitatio* как принцип поэтики Н.С. Лескова.

Идею о подражании Христу как основе жизни христианина можно назвать ключевой и сквозной в творчестве Н.С. Лескова. Появляясь в самых ранних его рассказах, она сквозной нитью связывает большинство его произведений. О каком бы типе положительных героев в творчестве Лескова мы ни говорили: об образе праведника, Дон Кихота, «русского богатыря» или авторской интерпретации феномена юродства, мы можем увидеть общие черты, которые, собственно, и превращают этих героев в лесковские положительные типы. В разные периоды, в разных типах героев акцентируются те или иные качества характера, однако общий набор их в целом остается неизменным: способность к любви и самопожертвованию, альтруизм, отсутствие страха перед смертью, обостренное чувство долга, доброта и милосердие, смирение.

Помимо работ западноевропейских богословов, у Лескова, несомненно, был и еще один «образец», который представлял ему множество примеров использования принципа «подражания» – жанр жития. Вопрос о влиянии средневековой литературы, как древнерусской, так и западноевропейской, на

творчество Лескова неоднократно ставился в лесковиане¹²², однако его нельзя считать исчерпанным. В данном случае мы еще раз вернемся к вопросу о традициях древнерусской литературы в творчестве Н.С. Лескова, основываясь на исследованиях топики древнерусской литературы и обратившись к исследованию воплощения принципа *imitatio*.

Принцип *imitatio*¹²³ является одним из структурообразующих принципов агиографии, а прообразом его считаются слова апостола Павла: Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13:7). Таким образом основой изображения святой жизни подвижника является сопоставление его подвига с подвигом других, уже канонизированных святых и, как высшей точки, с жизнью и заветами Иисуса Христа. В христианстве эта идея продуцируется на потенциальную возможность для каждого человека быть подобным Христу в земной жизни.

¹²² См., например: Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура. Л., 1988; Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч 4. М., 1998. Ранчин А.М. К поэтике литературной мистификации: Легенды Н.С. Лескова по старинному Прологу // Тыняновский сборник: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. Вып. 10. С. 96-117; Макарова Е.А. Формирование русской житийной традиции и ее отражение в творческом сознании Н.С. Лескова // Мотивы и сюжеты русской литературы: от Жуковского до Чехова. Томск, 1997. С. 130-138; Минеева И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003 и др.

¹²³ О принципе *imitatio* в древней и новой литературе см.: Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59-101; Панченко А.М. О топике культуры (вместо заключения) // Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. СПб, 1984; Панченко О.В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491-534; Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists (Warsaw, August 21-27, 1973). Vol.2 Literature and Folklore. The Hague; Paris, 1973. P. 439-467.

Подобная топика не является принадлежностью исключительно средневекового мировосприятия, она продолжает оставаться актуальной и позднее, отражаясь в творчестве писателей XIX-XX веков. Общая универсальная схема принципа *imitatio* видна в процитированных выше словах апостола Павла, и она позволяет нам говорить об *imitatio* как сюжетном мотиве, где роль предиката играет идея повторения подвига святого (а для мучеников основной подвиг – это их мученическая смерть, сопровождающаяся обязательным прощением мучителей). Двумя же необходимыми предикату актантами становятся, с одной стороны, подражающие, а, с другой стороны, «наставники», аксиологическая характеристика которых выстраивается на основании двух критериев – проповедываемого слова и совершаемых поступков, подтверждающих сказанное¹²⁴. Своеобразная «отсылка к авторитетам», характерная для *imitatio*, определяет поступки и поведение героев, одновременно выражая авторскую интенцию и направляя восприятие текста читателем.

Смысловое наполнение принципа *imitatio* не исчерпывается идеей подражания (хотя именно так обычно переводят на русский язык данную латинскую лексему). Если целью подражания является наиболее точное и полное воспроизведение оригинала, то идея *imitatio* может быть передана словом «последование». Оно отличается от воспроизведения прежде всего сознательностью выбора пути и субъективным осмыслением воспроизводимой модели. Обращаясь к существующим поведенческим стереотипам, избравший для себя путь *imitatio* может избирать способы, прямо противоположные общепринятым (классическим примером может стать поведение юродивых); и если нормы внешнего церковного благочестия строго регламентированы, то путь внутреннего, духовного «праведничества» для каждого оказывается собственным, неповторимым. Обращение к данному принципу в древнерусской литературе было обусловлено прежде всего стремлением автора жития акцентировать подвиг

¹²⁴ Рассматривая структуру мотива, мы используем модель аналитического описания мотива, предложенную И.В. Силантьевым (Силантьев, И.В. Сюжетологические исследования. М., 2009.)

святого, возвеличить своего героя, сопоставляя его христианский подвиг с уже существующим каноном.

Новая литература, обращаясь к использованию этого принципа, детально разрабатывает не канонические элементы, а уникальные, неповторимые, позволившие герою пройти по пути нравственного перерождения. Поэтому принцип следования поступкам святых оказывается созвучен творческой идее Н.С. Лескова, «чудо» для которого – это чудо нравственного возрождения человека, совершающееся в бытовой, повседневной среде, но не потерявшее свой высокий этический пафос.

В древнерусской литературе этот топос нередко воплощался в синтаксических конструкциях сравнения, однако суть *imitatio*, в отличие от сравнения, выражается в акцентировании сходства между тем, кто подражает, и тем, кому подражают. Иными словами, важнейшим для *imitatio* оказывается выделение общей доминанты, которая нередко указывает на «исключительность», масштабность поступка или события («подвига» святого).

Первый вопрос, который необходимо поставить, говоря о принципе *imitatio* в творчестве Лескова, – это вопрос о том, кто выполняет роль «наставника» для лесковских героев. Чаще всего ими становятся православные и христианские святые, а также сам Иисус Христос. Именно подражание подвигу Иисуса Христа будет основным для героев Лескова. На его поступки и слова ссылаются практически все герои, являющиеся носителями христианской нравственности. Свою жизнь они выстраивают если не сознательно подражая ему, то в соответствии с его учением.

Так, герой одного из поздних рассказов Н.С. Лескова «Дурачок», Панька, предлагает окружающим абсурдное, в их понимании, объяснение своих поступков – через отсылки к Христу («Что с этим делать-то... Христа били», «авось Бог тебя милует»). Соответствует традиционному изображению святого и та работа, которую этот герой должен был исполнять – «помогать всем». Оказавшись в армии, герой берет на себя всю самую грязную работу, однако очевидно, что это его сознательный выбор, причина которого – ненависть к

насилию («а я терпеть не могу, чтобы других мучили»). Своим поступком – воспитанием сирот-инвалидов хочет «послужить Господу Богу» и главная героиня сказки «Маланья-голова Баранья». Отметим, что слова героев всегда звучат не пафосно, а очень по-будничному.

Нередко герои Лескова следуют и примерам святых. Так, для княгини Протозановой и для отца Савелия Туберозова Н.С. Лесков выбирает общий идеал: им становится Дмитрий Ростовский. Обращение к его произведениям и его житию позволяет писателю выразить мысль о «человечности» истинной религии, о гуманистической ориентированности истинного христианства. К цитированию этого жития обращается княгиня Протозанова в диалоге с графиней Хотетовой, объясняя дочери Анастасии свое понимание истинной веры. Со ссылкой на его житие осуждает она поступок графини, строящей в селе новую церковь за счет собственных крестьян, доводя их до крайней нищеты и обрекая на голодную смерть ради внешнего благочестия. С Каином и Авелем сравнивает себя и отца Савелия дьякон Ахилла, с Саррой Савелий Туберозов сопоставляет свою жену Наталью Николаевну, вдовицей Наинской называет он же мать Варнавы Препотенского. Герой повести «Детские годы Меркула Праотцева» сопоставляет свои отношения с матерью с отношениями Товии и Рафаила. Список этот, несомненно, может быть продолжен.

Чтобы рассмотреть принцип *imitatio* и его функции в произведениях Н.С. Лескова, обратимся к классификации топосов *imitatio*, используемой исследователями средневековой литературы.

Одним из наиболее «популярных» в творчестве Н.С. Лескова становится принцип *imitatio angeli*. В основе его реализации лежит один из любимых писателем художественных приемов – восстановление внутренней формы застывших языковых метафор. Примером здесь может стать метафора «нечистой совести», рассказываемая в «Легенде о совестном Данииле». Внутреннее просветление, которое отражается на лице героя в финале, соотносится с традиционным сравнением «светлой» внешности святого с ангельским ликом. Образ эфиопа в сознании читателя ассоциируется с совестью, но для самого героя

оказывается «ангелом тьмы», освобождения от которого он ищет. Окружающие также воспринимают его подобно ангелу, принесшему «добрую весть», сам же Данила ищет лишь «просветления». «Просветление» здесь – это и очищение от темнокожего эфиопа, и внутреннее просветление, путь к истинному пониманию учения Христа. Герой ищет не просто отпущения греха, он ищет образца, которому можно следовать – и обретает его. Не случайно в конце произведения сам Данила становится не только последователем Христа, но и сам – образцом для подражания и наставником.

Другой сюжетно-композиционный мотив, реализующий топику *imitatio angeli*, – это мотив бесплотной жизни в «Повести о богоугодном древоколе». Он реализуется в мотиве «узнавания» «лучшего богомольца», который появляется жарким днем, а потому в окружении «мреяния» (вспомним, что «мреяньем» в глазах начинается то загадочное, что может произойти с чтецом, если он будет смотреть в лицо покойника, читая над ним – см. роман «Соборяне»). Беззаботная жизнь нищего, лишенная материальных ценностей, становится образцом для всего города во главе с епископом: «И мы все тебе поревнуем, чтобы стать такими же, как и ты». Нищий же, молитва которого спасает город, в отличие от молитвы епископа, воплощает идею «нестяжательства». Епископ, молитва которого негодна Богу, не грешен, в благодарность он дает древоколу кров и пищу до конца жизни. Но он не может стать образцом для подражания, потому что его служба Богу лишь формальна. «Древокол» не стремится послужить Богу, но ведет жизнь в труде, не желая большего, чем необходимо для жизни, поэтому его служба Богу деятельностна.

Наконец, один из элементов мотива *imitatio angeli* – мотив вписывания имен святых в небесные книги – получает своеобразное переосмысление в сказке «Маланья – голова баранья», где имя героини написано на камне, упавшем с неба, хотя в основе этого образа, несомненно, лежит также один из образов Апокалипсиса – образ падающих с неба камней.

Второй, не менее важный топос христианской литературы, переосмысленный Лесковым, – это топос *imitatio Mariae*. Этот топос традиционно

разделяется на два вида, восходящих к двум библейским Мариям, один из них реализован в «житиях святых жен», другой – в «житиях святых блудниц».

Свое собственное «житие святой блудницы» Лесков создает в цикле пересказов Проложных легенд – это его «Прекрасная Аза», которая оказывается внутренне просветленной (в рассказе также находит отражение топос *imitatio angeli*) только после того, как героиня прошла через блуд и унижение.

Иной оказывается структура мотива *imitatio Mariae* в тех произведениях, в которых появляется образ «праведной жены». В позднем творчестве он реализован прежде всего в лесковских сказках «Час воли Божией» и «Маланья – голова баранья».

Героиня сказки «Маланья – голова баранья» живет в отдалении от деревни, на горе, в домике, напоминающем темную келью. Дорога в деревню и все пространственные ориентиры сказки так или иначе соотносятся лишь с «домиком на горе», в котором живет Маланья, поэтому он становится своеобразным географическим центром действия. К хронотопу волшебной сказки восходят мифологемы реки и леса, однако отметим, что традиционного для волшебной сказки пересечения их главной героиней нет. Она остается в реальном мире, по «эту сторону», потому что в лесковском сознании она «праведница в миру». Отметим использование в тексте дейктических местоимений «эта тропинка», «вон там на пригорке» и др., указывающих пространственные координаты расположения домика – «на пригорке» «между двумя деревнями», что подчеркивает расстояние, разделяющее Маланью и жителей деревни как в физическом, так и нравственном отношении. Она столь же непритязательна в своих желаниях и столь же деятельностна, как нищий из «Повести о богоугодном дровоколе». И Маланью, и «девицу-отгадчицу» Лесков характеризует с помощью слова «беззаботный» («до других до всех ласковая, до себя беззаботная»), что также соотносится с образом Св. Марии, заботившейся о других более, нежели о самой себе.

Оценка героини окружающими соотносится также как с агиографическими канонами, так и с моделью жанра волшебной сказки. С одной стороны, она ведет

себя как сказочный «дурачок», оказывающийся в итоге победителем. С другой стороны, описание жизни Маланьи отсылает к описанию жизни святого, которого пытаются заставить следовать общепринятым нормам поведения, тогда как сам он стремится действовать вопреки им, в соответствии с христианскими идеалами. Героиня хранит свою верность Божьим заповедям, не боясь осуждения людей. Модель своего поведения Маланья выстраивает, подобно христианским святым, в рамках модуса *imitatio*: ее идеал – безропотное смирение, ее цель – послужить Богу, она «не разбирает, что ей выгодно, а что не выгодно», заботы о материальном благополучии она возлагает на Бога («Даст Бог день – даст и пищу на день»), она всегда привечает странников и нищих. Маланья следует примеру русских святых: для нее предпочтительнее идеал непрерывного труда, нежели молитва и уход от мира. Для жития святой жены характерны не только желание принять монашеский обет, хотя она к этому и стремится, сколько благочестивая жизнь в миру, деятельная помощь ближним и постоянный труд, который становится своеобразной альтернативой постоянной молитве византийских пустынножителей.

Среди мотивов житий праведных жен мотив прядения встречается довольно часто, поэтому Лесков связывает этим мотивом и образ «девицы-отгадчицы» в «Часе воли Божьей», и Маланью. Однако Маланья у Лескова «прядет стоя», что соотносится с идеей послушничества, аскезы, только аскетизм этот – не ради службы Богу, а ради другого человека (в сюжете сказки – ради нищего странника). В авантексте сказки, в письме Каировой¹²⁵, Маланья носила имя Нужда. Изменив имя героини, Лесков уходит от прямолинейности выражения мотива осознанной беззаботности в характеристике Маланьи и, соединив его с мотивом прядения, выстраивает образ с ориентацией не на законы волшебной или легендарной сказки (а в авантексте был подзаголовок «фламандская легенда»), а на агиографическую типологию.

¹²⁵ См. Примечания к сказке в кн. Лесков Н.С. Легендарные характеры. / Сост. Н.Н. Старыгиной М., 1989. С. 562.

Символичен в сказке и образ Смерти, которая не может войти в дом Маланьи: ни в одной из народных сказок Смерть не может войти ни в ад, ни в рай, и даже приказания от Бога она получает у ворот рая. Художественный генезис образа Смерти здесь многослоен. Что касается образа Смерти, одетой богатой казачкой, он восходит, скорее всего, к народным поверьям, где смерть представляется высокой сильной женщиной, одетой чаще всего в белое. Сопоставление смерти и казачки может быть объяснено и определенными этическими нормами, важными для казачества. Казачка, даже самая бедная, не имела права пойти в услужении в чужой дом, поэтому данное сопоставление позволяет писателю подчеркнуть независимость героини, ее неподвластность смерти.

Мотив «присущивания» смерти в сказке Н.С. Лескова может быть возведен к сюжету волшебных сказок 330А¹²⁶, который был реализован и в тексте, присланном Лескову Н.И. Каировой. Здесь Смерть залезает на грушу, откуда не может сойти, что соответствует фольклорной традиции. Лесков изменяет этот мотив: Смерть принесла детишкам «яблочек», но о дереве, с которого традиционно не может слезть Смерть, речь не идет, в его сказке Смерть сохнет.

Идея об исчезновении смерти имеет свои параллели и в религиозной литературе, в том числе, в «Откровении Иоанна Богослова» (21:4). Однако исчезновение Смерти в лесковской сказке ведет к совершенно иным последствиям, нежели те, которые описаны в Апокалипсисе. Интертекстовые связи здесь очевидны, однако смысл ситуации формируется на основе контраста. Так, в Апокалипсисе «ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» – у Лескова: «да пошли от селенья ужасные стоны и слезы». У Иоанна Богослова: «ибо прежнее прошло», у Лескова: «и как были люди жестоки, то стали еще жесточе того». Лесков сам объясняет и причины такого «гнева Бога»: его героиня – «праведница», но «захотела поправлять дела Божии». Снятие этого противоречия

¹²⁶ Сравнительный указатель сказочных сюжетов. Восточнославянская сказка. / Сост. Бараг и др.

между высшей праведностью Маланьи и ее грешным по сути своей поступком осуществляется в финале произведения, представляющем собой совмещение двух цитат: «Ты доживешь до тех пор, когда правда и милосердие встретятся, и волк ляжет с ягненком и не обидит его». Один из прототекстов здесь – Псалтырь: «Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются» (84:11). Мотив «волк ляжет с ягненком» представляет собой цитату, восходящую к книге пророка Исаяи: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком» (11:6). Кроме того, в авантексте люди просят героиню отпустить Смерть, у Лескова героиня осознает свою вину сама.

В «Часе воли Божией» появляется другой элемент, осложняющий мотив прядения, который типологически соотносим с образом Февронии («Повесть о Петре и Февронии Муромских»): героиня разгадывает предложенную загадку, как и Феврония, не переставая прясть. Кроме того, она, как и Феврония, обладает даром целительства – лечит Разлюля с помощью «придорожной травки».

Наиболее подробную разработку получает в творчестве Лескова третий принцип – *imitatio Christi*. В древнерусской литературе важнейшим для реализации этого топоса является желание уподобиться Христу. Вербализованные отсылки к тем или иным поступкам Иисуса Христа («Будь воля Твоя над нами», «что ж делать – Христа били», «ваш Учитель просил делать добро и не собирать богатства» и т.д.) становятся мотивировками поступков лучших в нравственном отношении лесковских героев. Основной сюжетной ситуацией, раскрывающей мотив *imitatio Christi*, можно считать мотив мученической смерти, сопровождающейся прощением мучителей. Поздний Лесков воспринимает Иисуса Христа, прежде всего, как человека, и никому из своих героев не дает пройти по этому пути до конца: выживают и Зенон («Гора»), и Панька («Дурачок»), и другие герои, каждый из которых по-своему готов отдать жизнь ради Его учения и ради веры. С одной стороны, это может быть объяснено осознанием величия подвига самого Иисуса, с другой – художественными задачами писателя, стремившегося показать чудо нравственного преображения человека, а не подвиг во имя веры; наконец, причину этого можно увидеть в том,

что путь героев, подражающих Христу, еще не пройден, ведь помимо Страстного пути у героев существуют и другие идеалы и образцы для *imitatio*. Так, в легенде «Гора», говоря о христианском учении, Зенон в качестве примера-иллюстрации приводит не библейскую притчу, а легенду о Юзуфе и Зулейке из Корана, что также отражает одну из характерных черт мировосприятия Лескова (не постулирование веры, а деятельное последование христианским заветам делает человека христианином – ср. «не порода и не вера, а люди страдали»).

В рамках мотива *imitatio Christi* в творчестве Н.С. Лескова можно выделить две его функциональные разновидности. Одна из них связана с реализацией мотива смирения, другая воплощает мотив следования слову Иисуса Христа. Особое, предельно внимательное отношение к евангельскому слову – это сквозной мотив лесковского творчества. Один из интересных примеров здесь – рассказ «Христос в гостях у мужика», опубликованный с подзаголовками «рождественский рассказ», «посвящается христианским детям». Основной конфликт в рассказе – внутренний, между знанием и пониманием заветов, воплощенный в Священном Писании, и неспособностью героя следовать им: «Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?»

Сюжет рассказа восходит, судя по всему, к «Народным христианским легендам» А.Н. Афанасьева, где широко представлен один из излюбленных легендарных сюжетов – о хождении Христа между людьми, специфика которого в т.н. «народном православии» в идее о прижизненном наказании за совершенные поступки. Традиционно считается, что книгу эту Лесков очень ценил, в доказательство чего Шляпкин приводит надпись, сделанную писателем на сборнике: «Добрые люди, не крадите у меня эту книжку, уже три такие книжки украдены. О сем просит Николай Лесков»¹²⁷. Пометы, сделанные писателем в

¹²⁷ И.А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова. // «Русская старина», 1895 № 12. С. 211-212.

этом издании¹²⁸, позволяют нам поставить вопрос об отношении Лескова к народной легенде и легендарной сказке.

Около легенды под литерой Е), помещенной составителем сборника в «Предисловии», возле слов «оттого-то вол употребляется человеком в пищу, а лошадь нет», Лесков пишет «из благодарности?» Очевидно, что приводимый Афанасьевым фольклорный текст амбивалентен, что противоречит поэтике подражания, пришедшей из литературных текстов.

Если следовать логике легендарных сказок, Тимоша Осипов, не желавший раскаться, должен был бы быть наказан Богом. Однако не только конец рассказа, но и жизнь героя может быть названа если не счастливой, то благополучной: он обеспечен, у него есть жена и дети и т.д.

Следование идее подражания определяет не только образный и мотивный строй, но и композиционное построение произведений Лескова. Необходимость пройти по пути подражания, а значит, и по пути внутреннего самосовершенствования, требует от писателя использования возможностей хронологического сюжета, последовательно представляющего постепенное изменение героя. Эту структуру метафорически, но очень точно Ф. Визгелл называет «ожерельем эпизодов»¹²⁹. Судя по всему, к агиографии восходит и столь часто используемая Лесковым рамочная композиция, которая допускает присутствие авторского голоса в начале повествования. Функция такого обращения к читателю в том, что Лесков получает возможность объяснить важность принципа *imitatio* для понимания идеи произведения. Так, в рассказе «Дурачок», приводя толкование лексемы «дурак», автор объясняет, что такие люди вовсе не глупы, а намного мудрее и ближе к Богу.

¹²⁸ Афанасьев А.Н. Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. М., 1859. ОГЛМТ. Инв. 610/125 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 46.

¹²⁹ Визгелл Ф. Блудные сыновья или блуждающие души: «Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованный странник» Лескова // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1997. С. 754-762.

Таким образом, в творчестве Н.С. Лескова 1880-1890х гг. прослеживаются черты топоса *imitatio*, характерные для древнерусской литературы, что подтверждает мысль А.М. Панченко о правомерности взгляда на русскую литературу как на «эволюционирующую топику». Однако круг текстов, в которых этот принцип проявляется наиболее ярко, заставляет нас обратиться к сборнику, составленному писателем под влиянием «Пролога» - древнерусского сборника житий святых.

2.2. Цикл Н.С. Лескова «Византийские легенды»:

к вопросу о функциях лейтмотива *imitatio* в «переложениях» Пролога.

Обращение к Прологу в творчестве Н.С. Лескова в 1880-е годы было достаточно частым. Однако следует отметить, что, заимствуя из «Пролога» сюжеты, писатель тем не менее значительно изменяет их художественную составляющую, превращая краткие жития и патериковые новеллы в рассказы с развитым сюжетом. Зачастую от исходного текста остается лишь общая сюжетная канва. Следует отметить, что только три текста из цикла «Византийские легенды» напрямую отсылают читателя к «Прологу»: это «Повесть о богоугодном дровоколе», имеющая подзаголовок «по старинному Прологу», «Легенда о совестном Даниле», название которой изначально было иным – «Две легенды по старинному Прологу. 1. Легенда о совестном Даниле»; это «Прекрасная Аза», название которой «Женские типы по Прологу. Прекрасная Аза» (которая, предположительно, и является второй легендой).

Пролог – древнерусский житийный сборник, наследующий традиции византийских синаксарей. Пролог построен по календарному принципу: жития святых расположены в нем в соответствии с днями их памятей. На каждый день обычно приходится несколько житий. Название «Пролог» употреблялось только на Руси и стало результатом переводческой ошибки. Сборник переведен еще в период Киевской Руси и с течением времени стал одной из любимых книг для чтения. Существуют три основные редакции Пролога. Проблема выбора источника освещалась в лесковиане. Судя по всему, Лесков использовал первую полную печатную редакцию Пролога 1642-1643 гг. (М., Синодальная Типография), однако непосредственным источником для работы была перепечатка этого издания московским единоверческим монастырем в 1886 году. Кроме того, отдельные заметки писателя позволяют с достаточной степенью уверенности предположить, что ему были знакомы Прологи, изданные в Супрасле и Гродно в XVIII-XIX веках, скорее всего, для старообрядческой аудитории.

В письме к А.С. Суворину 26 декабря 1887 г. Лесков отмечает: «Пролог – хлам, но в этом хламе есть картины, каких не выдумаешь. Я их покажу все, и другому в Прологе ничего искать не останется. Я вытянул всё, что пригодно для темы». Таким образом писатель определяет принцип, который становится основой для обработки авантекста: «Пролог» – источник сюжетной ситуации, но не мотивного построения текста. Заимствуя из проложных новелл образы святых, Лесков своей авторской волей ставит героя в ситуацию выбора, делая акцент на психологических мотивировках того или иного решения, внутренних борениях и сомнениях своих героев. В проложных житиях читатель узнавал о подвиге святого и его прославлении; читая лесковские переложения проложных житий, читатель видел человека, выбирающего свой духовный путь. Может быть, именно в этом причина того, что Лесков так интересовался протестантскими учениями, ведь если православие представляет верующему иконостас уже достигших святости, то западное христианство акцентирует внимание на пути святого к подлинному благочестию. Примером здесь может быть, например, Аза («Прекрасная Аза»), которая вынуждена стать «блудницей» и выносить оскорбления и упреки окружающих. Она разочаровывается в правильности своего поступка (напомним, что она отдает свое имение человеку другой веры и другой национальности, чтобы спасти его и его семью). И лишь проявивший сострадание путник помогает Азе вновь обрести веру, рассказывая ей об учении Христа. Однако писатель изменяет финал проложного текста (контаминируя его с другим проложным сюжетом). Лесковская Аза в силу жизненных обстоятельств вынуждена была стать блудницей, но, в отличие от проложного сказания, автор рассматривает падение Азы не как грех, требующий покаяния, а как подвиг героини, испытание, которое она должна была вынести по воле Бога.

Лесков выстраивает повествование так, что читатель воспринимает Азу не столько как раскаявшуюся праведницу, сколько как святую. Момент внутреннего перелома в душе Азы психологически мотивируется писателем. В «Прологе» он связан с раскаянием «девицы», для Азы он наступает лишь тогда, когда встречный, поделившийся с ней едой, рассказывает ей о «великом учителе»

«взаимной любви» и «раскрывает в коротких словах» учение Христа. Спасший же Азу христианин (человек, а совсем не Ангел Божий – еще одно очень важное отступление Лескова от текста Пролога) указывает ей образец для подражания – Св. Варнаву, называя Азу «дочерью утешения», потому что Иоссию называли «сыном утешения».

Таким образом в произведении появляется мотив «следования образцам», или *imitatio*. Он реализуется в произведении на двух уровнях. Во-первых, в сюжетном плане оно реализовано в стремлении самой Азы последовать учению Христа, о котором ей рассказывает путник. Во-вторых, на уровне системы персонажей, в котором фиксируется восприятие окружающими Прекрасной Азы как «дочери утешения» в контексте сопоставления ее с «сыном утешения» Варнавой. Композиционно текст «Прекрасной Азы» состоит из двух неравных частей. Первая часть описывает путь поиска «идеала» самой героиней. Нравственным ориентиром для нее самой становится учение Христа, которому она стремится следовать. Формой же «подражания» становится принятие христианства. Вторая часть, более краткая, сосредоточена на изменении отношения окружающих к Азе. Изначально осуждающие пришедшую к ним блудницу, они же видят ее чудесное преображение (два «светлые мужа» одели ее в крестильные ризы, хотя она не успела до своей смерти креститься) и узнают о чуде, сопровождавшем ее смерть, от сирийского пресвитера.

Одним из важнейших концептов, объединяющих обе части этого рассказа, становится слово «учитель». В разговоре Азы со спасшим ее путником такое имя получает Христос; описывая внутреннее изменение Азы, Лесков замечает, что «новая жизнь пришла в душу Азы» после того, как «христианин раскрыл ей в коротких словах ученье Христово». Этот же христианин дает оценку прожитой жизни, называя Азу «дочерью утешения», указывая окружающим на величие жизни Азы.

В основе структуры произведения лежат два мотива, имеющих сходное семантическое наполнение. С нашей точки зрения, эти мотивы не только определяют композицию произведения, но и позволяют поставить вопрос о его

жанровой специфике. Французский исследователь XX века André Jolles¹³⁰ считал, что сложные литературные формы развиваются из простых, поэтому все литературные тексты можно свести к определенному набору «einfache Formen» – письмо, дневник, путевые заметки (или заметки о «воображаемом странствии»), мемуары, «характеристики» XVII века, а также комедия, эпос и приключенческий роман. Не опровергая и не подтверждая эту гипотезу, Жан-Клод Маркадэ¹³¹ отмечает, что рассказ Н.С. Лескова «Левша» в таком случае может быть прочитан как реализация «простой формы» религиозной «легенды», жанрообразующим атрибутом которой является ««уморасположение» (Geistesbeschäftigung) подражать образцу», наделенному исключительными достоинствами. Нам представляется, что высказывание это может быть отнесено к большинству текстов «малой прозы» Н.С. Лескова, однако мы попытаемся доказать его на примере анализа текстов, включенных писателем в цикл «Византийских легенд», т.е. тех текстов, в основу которых были положены сюжеты из Древнерусского Пролога.

Проиллюстрируем нашу мысль на примере сопоставления двух произведений Н.С. Лескова – статьи 1886 года «Лучший богомолец», рассказа 1890 г. «Повесть о богоугодном дровоколе» и их авантекста – проложного рассказа от 8 сентября «Слово о мурина дровосече» («И неученые, и не в монастырях живущие спастись могут»). Фабула проложного рассказа основана на сравнении двух основных типов святости – «монастырской» и «мирской». Она сохранилась в «Записной книжке» писателя с выписками из Пролога. Процитируем запись, сделанную писателем:

Бысть некогда в кипрьской стране бездождие и молил страны той епископ «оже снова дождю на Землю». – «И бысть глас ему с неба: иди по утрени ко вратам града» и кого увидишихь перваго входящаго, тот и удержи и пусть помолится и тогда будет вам дождь (приидет вам дождь). Створил тако

¹³⁰ Jolles André. Formes simples. Paris, 1972. P. 34-37.

¹³¹ Маркадэ Ж.-К. Творчество Н.С. Лескова. СПб, 2006. С. 361.

епископ: изыде с клиросом своим и седи у ворот града и вот входит один старик с связкою дров за плечами. Еписк. встал и заградил ему путь. Старик сбросил вязанку и поклонился епископу и попросил у него благословения. Но епископ «противу поклонися ему глаголя: Авво! Господа ради помолись да будет на земле дождь». Старик отказывался своим ничтожеством в сравнении с епископом, но епископ умолял его и тот «принужением епископа преклонил колени и помолился и сниде дождь». – Еп. же его упрашивал чтобы он пользы ради рассказал житие свое, да и мы поревнуем».

Старик отвечал: «прости мя, отче: я грешник и на суетные дни родился и никогда не имею покоя: я, как видите, хожу, собираю дрова, ношу их в город и там продаю, покупаю себе хлеба и опять иду делать тоже. А когда непогода и мне нельзя рубить дрова – я терплю и жду ведро. Только и всего моего жития».

Епископ его похвалил, и сказал ему «воистину ты чем свершил писание» – «поими же его и предостави ему покой».¹³²

Изначально Лесков обратится именно к мысли о «святости в миру», публикуя свое переложение проложного текста как часть статьи «Лучший богомолец», направленной в защиту Льва Николаевича Толстого. Обратившись к этому сюжету Н.С. Лесков попытался доказать необоснованность упреков во «вредном направлении», адресованных Л.Н. Толстому. Для этого он и воспользовался проложным сюжетом, указывающим, что можно «представить простого человека способным самолично хорошо управлять свой путь». Однако позднее, в 1890 году, вновь публикуя переложение сюжета – «Повесть о богоугодном древоколе», Лесков изменит проставленные ранее акценты. Писатель детально прорабатывает центральную часть, передающую собственно сюжет повествования, придавая ей более эмоциональный характер: так, «бездождие» превращается в «ужасную и продолжительную засуху», «епископ»

¹³² РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108.

становится «человеком очень добрым, участливым и чистосердечным»; появляются и элементы психологизма, очень гиперболического, характерного, скорее, для сказки, нежели для агиографии – «народ пришел в ужас, близкий к отчаянию». И.Н. Минеева, сопоставляя эти три текста, отметит, что в последнем варианте «писатель конкретизирует время происходящих событий, драматизирует повествование, индивидуализирует образ старца, вводя его краткую портретную зарисовку и разговорно-просторечные лексемы как средства языковой характеристики»¹³³.

Однако стоит обратить внимание и на то, что писатель изменит проблематику своего текста. Вместо противопоставления двух типов «святости» центральной станет идея следования тому или иному типу святости, т.е. идея собственно «подражания». Отметим, что Лесков вводит в житие мотивы, популярные в «народном православии». Прежде всего это идея о «угодности» молитвы: епископ и горожане стремятся «поревновать» старику для того, чтобы и их «молитвы шли прямо в прием к Богу» («Он твою молитву лучше всех слушает и дает просимое по твоему молению»). Идея о том, что к Богу можно обращаться с практической просьбой, по сути, противоречит христианским канонам, однако очень популярна в народе (Лесков к этой теме обращался неоднократно, достаточно вспомнить спор дьякона Ахиллы и отца Захарии в «Соборянах» о том, какому святому с какой целью можно молиться, или один из первых рассказов Н.С. Лескова – «Засуха»). Несмотря на то, что моления о дожде вошли в практику православной церкви, в православном тексте (пусть даже в той допетровской редакции Пролога, которой пользовался Н.С. Лесков) объяснение стремления свелось к желанию «поревновать» угодной Богу жизни. В обеих же авторских версиях проложного текста кроме идеи «подражания» жизни дроворуба появится и чисто практическая цель – сделать так, чтобы молитва, обращенная к Богу, была более действенной.

¹³³ Минеева И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2003.

В «Прологе» епископ, обращаясь к мурину с просьбой рассказать о его жизни, использует глагол «поревновать», который в житиях нередко выражал идею монашеского подвига. В статье 1886 года епископ также обращается к старику: «Я не для своего любопытства, а ради пользы многих людей прошу тебя: открой нам, чем ты так угодил Богу... и мы все станем тебе подражать и поревнуем стать такими же, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием Богу». В «Повести о богоугодном дровоколе» епископ обращается к старику с такими словами: «Расскажи нам, как ты живешь, - и мы все тебе поревнуем, чтобы стать такими же, как ты, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием к Богу. Не таи ничего – скорей сказывай!». Таким образом, в первой редакции Лесков использует более нейтральный глагол «подражать», однако позднее возвращается к глаголу «поревновать». С одной стороны, это может быть объяснено тем, что глагол «поревновать» содержит в себе семантический компонент «усердие, рвение», а потому подчеркивает идею «действенности» молитвы. С другой стороны, несомненно, одно из значений этого глагола – «проявить заботу о ком-либо», и это значение непосредственно перекликается с финалом произведения, где епископ «взял этого собирателя хвороста к себе и «питал его, и дал ему покой, дондеже преставися к Богу»».

Изменение обращения епископа к дровоколу очень существенно: оно свидетельствует о поиске Лесковым способа наиболее адекватного выражения важной для него идеи. В статье «Лучший богомолец» используется двухчастное предложение («и мы все станем тебе подражать и поревнуем стать такими же, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием к Богу»), где вторая часть имеет значение цели, выраженной союзом «чтобы». В «Повести о богоугодном дровоколе» синтаксическая структура становится трехчастной («и мы все тебе поревнуем, чтобы стать такими же, как ты, чтобы и наши молитвы шли прямо в прием к Богу»), и целей уже две. Лесков выражает мысль о том, что важнейшей и первой целью для горожан во главе с епископом становится идея *imitatio*, сознательное «уморасположение» подражать образцу.

Отметим также, что Лесков изменяет зачин текста, указывающий на время, когда происходят описываемые события. Проложное «некогда» в статье было изменено на «однажды». Однако зачин «Повести о богоугодном дровоколе» содержит иную отсылку – «в очень отдаленные времена». Почти созвучным будет позднее зачин сказки «Час воли Божией» («В очень древние годы, стародавние»). С семантической точки зрения отнесение времени действия к прошлому позволяет, с одной стороны, конкретизировать время действия, с другой стороны, разрушает возможность аллегорического прочтения рассказа. Отнесение времени действия к отдаленному прошлому позволяет соотнести произведение Лескова с жанром фольклорной религиозной этиологической легенды, основная цель которой – объяснить устройство мира, дать его оценочную характеристику. Именно аксиология того или иного типа «святости» («праведности») и лежит в основе произведения, позволяя его считать в жанровом отношении именно легендой.

Жизнь главного героя описывается в понятиях, обозначающих предельную нетребовательность к пище и быту, которая в житиях сопоставляется с бесплотной жизнью ангелов. Для Лескова, по-видимому, оказывается важной ветхозаветная мысль о том, что «если кто-то, будучи в состоянии работать, отказывается это делать, то и есть ему тоже не полагается». Мысль эта наиболее четко прозвучала в двух посланиях Павла к фессалоникийцам. Можно предположить, что в творческом сознании Н.С. Лескова она была актуализирована проповедями Чарльза Сперджена (Спурджона)¹³⁴. Писателем было сделано лишь несколько карандашных помет в этом издании, однако и они позволяют говорить о внимании писателя к мыслям английского проповедника-кальвиниста. В «Повести о богоугодном дровоколе», несомненно, отразилась одна из важнейших мыслей Сперджена – о деятельном служении Христу и о высокой требовательности христиан к себе: «Христианин не вправе мерить свои дела тем

¹³⁴ Сети ловца. Мысли из сочинений Спурджона. СПб, 1876. ОГЛМТ. Инв. 610/75 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 74.

же мериллом, которым мерит дела прочих людей; он к себе должен быть гораздо строже, чем к прочим» (стр. 13). Можно предположить, что именно эти два источника побудили Лескова включить цитату из апостола Павла в последние слова собирателя хвороста: «Зачем же не трудяся кушать» (ср. если кто не хочет трудиться, тот и не ешь).

Наконец, «Повесть о богоугодном дровоколе» может быть понята и в контексте осмысления идей толстовства Н.С. Лесковым, точнее, частичного неприятия их. В одной из сохранившихся записных книжек писателя сохранилась следующая запись: «О неделании у Толстого: зачем его не спросят: как понимать слова Евангелия о праздных работниках: «что вы здесь целый день празднуете?»¹³⁵. Лесков в своем рассказе отказывается от глагола «рубить»: его дровокол лишь собирает хворост, но никогда не остается праздным. Иисус Христос по милости своей сравнивал всех: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф 20:16), но милость Иисуса не может быть оправданием человеку, не стремящемуся к нравственному совершенствованию. Иными словами, Н.С. Лесков принимает неделание как непротивление злу насилием, но не принимает неделание как отсутствие стремления изменить себя и мир вокруг себя.

Таким образом, в «Повести о богоугодном дровоколе» мы видим мотивную схему, схожую с той, которая есть в «Прекрасной Азе». Главный герой, дровокол, осознавал свое поведение как недостойное, то его незначительное, с его точки зрения, по сравнению с образом жизни епископа (несоответствие его «святости»), однако окружающие, наоборот, воспринимали его как «праведника», которому не только можно, но и нужно подражать.

Наконец, в третьем из текстов, заглавие которых отсылает читателя к Прологу, эта схема реализована наиболее отчетливо. В «Легенде о совестном Даниле» так же, как и в «Повести о богоугодном дровоколе», можно увидеть традиционные мотивы топики *imitatio angeli*. В основе его реализации лежит один

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108а.

из любимых писателем художественных приемов – восстановление внутренней формы застывших языковых метафор. Примером здесь может стать метафора «нечистой совести», реализуемая в «Легенде о совестном Данииле». Внутреннее просветление, которое отражается на лице героя в финале, соотносится с традиционным сравнением «светлой» внешности святого с ангельским ликом. Окружающие также воспринимают его подобно ангелу, принесшему «добрую весть», сам же Данила ищет лишь «просветления». «Просветление» здесь – это и очищение от темнокожего эфиопа, и внутреннее просветление, путь к истинному пониманию учения Христа. Образ эфиопа в сознании читателя ассоциируется с совестью, но для самого героя он оказывается «ангелом тьмы», освобождения от которого ищет Данила. В авантексте, в Прологе, этот образ отсутствует, говорится лишь об укорах совести. Нам представляется допустимым предположить, что метафора «эфиопа», во-первых, генетически связывается с представлениями о людях с темной кожей, изначально так называли всех негров. Во-вторых, можно предположить, что «эфиоп» (заметим, что проложное слово «мурин» из «Повести о богоугодном дровоколе» Лесков убирает) появился в сознании писателя благодаря письму Ивана Грозного к Андрею Курбскому, где царь именует неверного вассала «эфиопской рожей».

Сохраняя в целом сюжетную основу проложного жития, Лесков вносит в рассказ ряд изменений, в которых сказывается лейтмотивная функция *imitatio*. Прежде всего, стоит отметить, что посещая «великих мира сего» (в проложном тексте) Данила ищет ответа на вопрос о своем грехе. Однако вслед за александрийским патриархом все священники повторяют не устраивающий Данилу ответ о том, что неверный подобен зверю, и его убийство – не преступление, как не является преступлением убийство зверя. Лесков не только убирает сравнение нехристиан с животными (помыслить такое верующему Лескову было невозможно), но и добавляет еще один вопрос к тому, что волнует Данилу. Ему важно не просто услышать опровержение своего греха, для него важно, чтобы ему указали «во святом Христовом Евангелии то место, где это так изъясняется». Лескову важно показать не только истинность чувства беспокойной

совести героя, но и закономерность его стремления выстраивать свою жизнь «по канону», созданному Учителем.

Второе, не менее важное изменение Лесковым проложного текста, касается финала повествования. Вторая часть проложного жития разрабатывает идею служения прокаженному, однако Данила остается в обители. У Лескова Данила покидает обитель, так как совесть не дает ему покоя и прощения; за прокаженным он ухаживает в пустыне. Но не это становится финалом повествования. Данила у Лескова сам становится образцом для подражания, при этом Лесков проводит границу между двумя важными для него понятиями: «Если тебя коснулась любовь Христа, то тебе уже непристойно быть ничьим учеником. – Так ты, по крайней мере, хоть однажды поруководи меня». Актуальным для писателя становится разграничение понятий «учитель» и «руководитель». Учителю можно следовать и подражать, в этом смысле единственным учителем, по Лескову, может быть только Христос. Путь же к нему для каждого человека разный, поэтому бессмысленно искать наставника и руководителя.

Несомненно, что «Пролог» как сборник кратких житий и жизнеописаний неоднократно реализовывал мотивную структуру топосов *Imitatio*, однако как в своих переложениях легенд, так и в произведениях с оригинальным авторским сюжетом или с сюжетом, восходящим к другим источникам, Лесков постоянно актуализировал этот лейтмотив. Кроме того, если обращение к данному топосу в древнерусской литературе было обусловлено прежде всего стремлением автора жития акцентировать подвиг святого, возвеличить своего героя, сопоставляя его христианский подвиг с уже существующим каноном, то писатель, обращаясь к использованию этого лейтмотива, детально разрабатывает не канонические элементы, а уникальные, неповторимые, позволившие герою пройти по пути нравственного перерождения. Поэтому «уморасположение» подражать образцам оказывается созвучно творческой идее Н.С. Лескова, «чудо» для которого – это чудо нравственного возрождения человека, совершающееся в бытовой, повседневной среде, но не потерявшее свой высокий этический пафос.

ВЫВОДЫ.

Помимо влияния образов, тем, сюжетов, мотивов, хронотопа и жанров древнерусской литературы на произведения Н.С. Лескова, следует указать на отражение топики древнерусских текстов в рассказах писателя 1880-1890х гг. Структурообразующий принцип агиографии – *imitatio* – в новой литературе становится сквозным мотивом, который предопределяет закономерности функционирования различных элементов в структуре художественного произведения.

В рассказах и сказках воплощается и переосмыляется традиционный набор мотивов, создающих топику *imitatio angeli* (художественная реконструкция этимологического значения метафоры «нечистой совести» в «Легенде о совестном Даниле», мотив бесплотной жизни в «Повести о богоугодном древоколе»), *imitatio Mariae* (просветление и обретение Христа блудницей в «Прекрасной Азе», трудовая жизнь праведниц в миру в «Часе воли Божией» и «Маланье – голове бараньей» и др.), *imitatio Christi* (вербализованные отсылки к этапам жизни Иисуса Христа, мотив смирения и прощения творящих несправедливость в рассказах «Гора», «Дурачок», «Христос в гостях у мужика» и др.). Однако если в древнерусских текстах художественная задача топосов сводится к задачам типизации, то в произведениях Н.С. Лескова именно обращение к «общим местам» становится способом создания психологизма и обоснованием индивидуального выбора каждого героя (сознательный выбор *подражания* Христу приводит к *чуду* нравственного преобразования человека).

В «переложениях» проложных сюжетов мотив «следования образцам», или *imitatio*, реализуется на двух уровнях – сюжета и системы персонажей. Актуализация «уморасположения подражать образцам» (А. Жолле) изменяет как жанровые характеристики произведения и его композиционную структуру, так и идейное поле произведения («Повесть о богоугодном древоколе»). Средствами воссоздания топики древнерусских текстов в произведениях Н.С. Лескова, помимо использования повторяющихся мотивов, становятся языковые приемы

(прежде всего, связанные с лексикой и фразеологией), синтез признаков различных жанров, изменение хронотопа произведений, а также различные типы цитат и аллюзий к древнерусским и проповедническим сочинениям.

Разработка мотива *imitatio* в художественных произведениях приводит к разграничению Н.С. Лесковым понятий «учительства» и «руководства»: учителю можно следовать и подражать, в этом смысле единственным учителем, по Лескову, может быть только Христос, но путь к нему для каждого человека разный, поэтому бессмысленно искать наставника и руководителя.

Глава 3

Художественные и публицистические произведения

Н.С. Лескова второй половины 1870-1890-х гг.

в контексте западноевропейского богословия.

В изучении мировоззрения Н.С. Лескова следует обратиться к одному методу, который позволит избежать крайностей отвлеченного философствования и «приписывания» писателю идей, ему чуждых. Исследование источников знаний Н.С. Лескова по тому или иному вопросу (в идеальном варианте – стремление указать не только на конкретное произведение конкретного автора (проповедника), но и на конкретное издание, которым пользовался писатель, его года и места выпуска – вплоть до указания конкретного экземпляра,) может опираться на три рода доступных нам фактов: во-первых, это свидетельства самого писателя, сообщенные им в личной переписке; во-вторых, это цитаты из произведений, ссылки на те или иные книги в структуре художественных произведений и публицистике писателя; в-третьих, это книги из личной библиотеки писателя, в которых сохранились маргиналии Лескова¹³⁶, а также материал сохранившихся записных книжек писателя с выписками из прочитанных им сочинений. Только после выявления круга источников мы сможем сделать сопоставления и обобщающие выводы об отражении,

¹³⁶ Уже несколько раз в лесковиане поднимался вопрос о том, что книги из личной библиотеки собирались его сыном уже после смерти писателя, и нередко были обнаружены им в публичных библиотеках. Кроме того, сохранились сведения о том, что Лесков нередко давал книги своим друзьям. В связи с этим, перед исследователями его творчества каждый раз встает вопрос о необходимости атрибуции сделанных помет самому Н.С. Лескову. В большинстве случаев задача эта достаточно сложная. Достаточно вспомнить дискуссию о принадлежности писателю помет в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать»: см. Громов В.А. Лондонские издания Герцена в библиотеке Н.С. Лескова // Вопросы литературы. 1962. №5.; Головки В.М. Артефакт из библиотеки Н.С. Лескова: атрибуция читательской рецепции романа А.И. Герцена «Кто виноват» // Ученые записки Орловского государственного университета. Лесковский сборник – 2007. Орел, 2007. С. 113-118 и др.

интерпретации или, наоборот, отрицании тех или иных идей в произведениях Н.С. Лескова и его мировосприятии. Обращение к источникам позволит отойти в исследовании художественного творчества и публицистики Н.С. Лескова от устоявшихся «шаблонов».

Споры о том, какой же из религий больше симпатизировал писатель, не приведут ни к каким выводам и могут лишь помешать пониманию его творчества. Очевидно, что Лесков проявлял интерес к учениям различных христианских церквей, а также сектантству и буддизму. Можно предположить, что за этим интересом скрывались нравственно-этические поиски писателя, его стремление увидеть в религии нравственную основу как отдельного человека, так и всего общества.

В лесковиане неоднократно высказывались мнения о «принадлежности» Николая Семеновича Лескова к той или иной религии. Одним из распространенных «шаблонов», периодически появляющихся в трудах лесковедов является стремление увидеть в творчестве писателя *дух протестантизма*. Так, В. Притчетт достаточно безапелляционно выдвигает тезис о принадлежности к протестантизму родной тети Лескова: «Его тетька была англичанкой. Ее звали тетька Полли, и она была квакершей. Ее религиозные верования оказали на Лескова особенное влияние»¹³⁷. Очевидно, что английским исследователем допущена фактическая ошибка: вышедшая замуж за англичанина Александра Яковлевна Шкотт до конца жизни оставалась православной. В монографии «Nikolai Leskov and the "Spirit of Protestantism"» («Николай Лесков и "Дух протестантизма"») Джеймс Макл¹³⁸ ставит цель проанализировать творчество Лескова через призму протестантского учения. Как и Хью Маклейн¹³⁹,

¹³⁷ Pritchett V.S. Leskov II Oxford Slavonic Papers. Vol. X. Oxford at the Clarendon Press. 1962. P. 18-19.

¹³⁸ Muckle James Y. Nikolai Leskov and the "Spirit of Protestantism". Birmingham. 1978.

¹³⁹ McLean Hugh. Nikolai Leskov. The Man and His Art. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1977.

он видит в самом писателе убежденного сторонника протестантского исповедания христианского учения.

С нашей точки зрения, подобные попытки «приписать» писателю верность той или иной религии совершенно безосновательны, и сам Лесков неоднократно говорил о своей верности православной церкви: «Я не враг Церкви, – пишет он в июне 1871 года П.К. Щебальскому, – а её друг, или более: я покорный и преданный её сын и уверенный православный» (X, 329). В начале очерка «Архиерейские объезды» он отвергает упреки критики в «влиянии протестантского духа» (VI, 539). Нельзя не вспомнить и неоднократно цитировавшиеся слова А.Н. Лескова: «Англиканство при всех хвалёных его достоинствах протестантски черство, католичество со своими догмами всегда было чуждо. Как бы там ни было, а свое – роднее, теплее, уповательнее»¹⁴⁰.

В данной главе мы хотели бы обратить внимание на влияние, которое оказали на формирование взглядов Лескова и на его художественные и публицистические произведения работы западноевропейских теологов. С нашей точки зрения, активное знакомство с исследованиями Э. Навиля, Ф. Фаррара, Р. Олларда, Дж. Дрэпера и др. начинается у Лескова после второго заграничного путешествия 1875 года, во время которого писатель, по его собственному признанию, «начитался вещей, в Россию не допускаемых»¹⁴¹. В известной степени влияние на Н.С. Лескова оказали взгляды славянофилов, прежде всего, И.С. Аксакова, диалог с которым, пусть и кратковременный, не только помог писателю уяснить для себя причины отпадения православных от официальной церкви и понять истоки и причины штунды, но и повлиял на интерес писателя к западноевропейскому опыту проповеднической деятельности и апологетику.

¹⁴⁰ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т. Т.2. М.: Худож. лит., 1984. С. 36.

¹⁴¹ Письмо П.К. Щебальскому 29 июля (10 августа) 1875 г., Мариенбад.

3.1. Поиск «истинной веры»: точки соприкосновения народной
религиозности и теологии.

*Я занимаюсь церковною историею <...> и питаю
уверенность, что самые глубокие и самые серьезные
движения в русском самосознании неразрывно
сцеплены с движением русской религиозной мысли.*

Н.С. Лесков. Послание к кривотолку.

В лесковиане неоднократно указывалось, что современники видели в Н.С. Лескове не просто писателя, но исследователя отечественного религиозного «разноверия». К его работам обращались не только как к беллетристическим произведениям, но и как к полноценным трудам, например, по истории русского раскола. В монографии «Русское разноверие в творчестве Н.С. Лескова» Т.Б. Ильинская¹⁴² приводит список авторов, цитировавших работы Лескова и видевших в них авторитетный источник сведений по различным богословским вопросам. Неоднократно отмечалось также, что сам Лесков хорошо разбирался в современных ему исследованиях по теологии, причем как отечественных, так и зарубежных.

Многие из тех вопросов, которые были поставлены в творчестве Н.С. Лескова во второй половине 1870-х годов под влиянием богословских работ, продолжали оставаться для писателя актуальными вплоть до его смерти: это прежде всего вопросы нравственного начала христианской веры, вопросы долга, отношения к смерти, а также критика православной церкви как социального института.

Проблемы, поставленные Н.С. Лесковым в его художественных произведениях и публицистике, были актуальны для русского общества и

¹⁴² Ильинская Т.Б. Русское разноверие в творчестве Н.С. Лескова. СПб, 2010. С. 6.

неоднократно поднимались в русской периодике, как в духовной, так и в гражданской печати того времени. Прежде всего это касается различных аспектов отношения общества к религии, упадка нравственного состояния общества и религиозного кризиса, которые воспринимались современниками Н.С. Лескова как взаимосвязанные. Так, первый номер созданного философско-богословского журнала «Вера и разум» (начинает издаваться в Харькове при Харьковской епархии в 1884 году; безусловно, сам факт издания журнала с таким названием говорит об актуальности и неоднозначности вынесенной в заглавие проблемы) открывается «Словом на Новый год преосвященного Амвросия епископа Харьковского о средствах к возвращению утраченной веры»¹⁴³. В этой проповеди пр. Амвросий, один из создателей и редактор журнала, отмечал, что у неверия, распространяющегося в современном обществе, две основных причины – «многообразии удовольствий» и чрезмерное доверие к науке: «Неверие проповедует новейшая наука; в неверии закрепляет людей современная общественная жизнь...». Единственным верным решением этой проблемы епископу Амвросию, как и большинству его современников, представляется изучение Библии и следование изложенным в ней законам и заповедям: «Мы в своей безумной гордости Его святое Евангелие смешали с книгами и науками человеческими, извлекаем из него только мысли, сопоставляем их с нашими научными познаниями и составляем себе собственные системы религиозных воззрений и убеждений»¹⁴⁴.

В других изданиях также отмечалось, что кризис веры в русском обществе обусловлен невысоким уровнем развития некоторых теологических дисциплин, прежде всего, апологетики. Так, в анонимной статье «Веротерпимость и славянство», опубликованной в «Церковном вестнике»¹⁴⁵ указывается, что в России «богословская наука не достигла еще такого развития, чтобы она могла быть силою, успешно противодействующею католичеству». Доказывая эту точку

¹⁴³ Вера и разум. Журнал богословско-философский. Харьков, 1884, январь, книжка первая.

¹⁴⁴ Там же, стр. 6

¹⁴⁵ 1879, №10.

зрения, автор ссылается на слова профессора Санкт-Петербургской духовной академии Николая Павловича Барсова, писавшего, что «нашему богословию нужны свои Ульрици, Лютарды и Навили; пока же не остается ничего, как переводить на русский язык сочинения отчасти католических, преимущественно же протестантских богословов». Автор статьи соглашается с тем, что «апологетика христианства находится у нас в младенчестве»¹⁴⁶ и с тем, что апологетические идеи протестантских богословов во многом близки современной русской православной церкви. Очевидно, что появление, широкое распространение и популяризация религиозной периодики и богословских исследований, как отечественных, так и переводных, были попыткой преодоления духовно-нравственного кризиса 1860х-1870х гг.

Наиболее ярко интерес Н.С. Лескова к богословским исследованиям, к современному состоянию русской церкви проявляется начиная со второй половины 1870х годов. В этот период он сотрудничает в т.н. околоцерковной периодике, пишет статьи, посвященные различным бытовым и обрядовым аспектам существования русской православной церкви, публикуя их и в т.н. «гражданской печати»¹⁴⁷. Исследование этих материалов, рассеянных по разным изданиям, позволяет предположить, что он сам начинает осознавать религию как неотъемлемую составляющую повседневной жизни человека, хочет сформировать подобное отношение и у читателей, поэтому одним из сквозных мотивов созданных Лесковым в этот период произведений становится противопоставление обрядовой стороны религии и глубины понимания Евангелия.

Было бы ошибочным утверждать, что эта идея высказывалась только Лесковым: она была не чужда и многим из его современников. Так, И. Беллюстин в статье «К вопросу об раскольниках»¹⁴⁸ утверждает: «С этого времени <т.е. со времени правления императора Константина> христианство и превращено в

¹⁴⁶ Веротерпимость и славянство // Церковный вестник. 1879 г. №10. С. 7

¹⁴⁷ «Анафема», «К истории анафемы», «Царская коронация» и др.

¹⁴⁸ Беллюстин И. К вопросу о раскольниках // Церковно-общественный вестник. 1879. 11, 13 апреля.

орудие политических целей и человеческих наихудших стремлений. Этот, так лживо называемый историками «мир церкви», данный Константином, и положил начало всем тем насилиям в христианстве, которые сделали из него религию неисчислимых и самых варварских кровопролитий, до каких даже языческие религии редко доходили»¹⁴⁹. Основываясь именно на представлении о том, что обрядовая сторона религии вытесняет истинную нравственность, что начавшееся еще в Византии усиление церкви привело к забвению нравственных принципов, Беллюстин делает вывод о том, что «вся сущность христианства состоит в стремлении к нравственному усовершенствованию по Евангелию». Мысль эта воспринималась современниками, прежде всего, деятелями церкви, крайне негативно. Так, в «Церковном вестнике» было опубликовано «письмо в редакцию», озаглавленное «Theologus maniacus», автор которого пишет, что, утверждая, «что догматы веры и уставы церкви – ничто, – мы самую нравственность христианскую лишаем ее основ, а у христиан отнимаем руководствующую помощь церкви»¹⁵⁰. Журнал же, опубликовавший статью И. Беллюстина, получает цензурное предупреждение.

Биографами и исследователями творчества Н.С. Лескова (например, В.Ю. Троицким, А.Н. Лесковым, М.М. Дунаевым) неоднократно утверждалось, что сотрудничество писателя с «Православным обозрением», «Странником», «Церковно-общественным вестником» во второй половине 1870-х годов было вызвано материальными трудностями, а также сложившейся репутацией Н.С. Лескова, который после разрыва с «Русским вестником» М.Н. Каткова фактически не имел журнала, в котором мог бы постоянно сотрудничать и свободно выражать свои взгляды. С нашей точки зрения, это мнение должно быть пересмотрено. Нам представляется более аргументированным утверждать, что к работе в религиозной периодике Н.С. Лескова привело желание разобраться в актуальных вопросах богословия, познакомиться с состоянием христианской

¹⁴⁹ Беллюстин И. К вопросу об раскольниках // ЦОВ. 1879. №43, 45 (11, 13 апреля). С. 2-3

¹⁵⁰ Theologus maniacus (письмо в ред.) // Церковный вестник. 1879. №16-17. С. 3

теологии, а также выразить свои взгляды на проблемы религиозности общества и современной церкви. «Критика» церкви, порой достаточно резкая, по мнению современников, была не столько стремлением Лескова высказать осуждение, сколько желанием изменить и исправить то, что было возможно исправить. Так, в своей заметке «Коварный прием (Два слова «Вестнику Европы»)» (1883 г.), отвечая на слухи о том, что причиной его отставки «без прошения» из Министерства народного просвещения послужила опубликованная в «Историческом вестнике» статья «Поповская чехарда и приходская прихоть»¹⁵¹, Лесков замечает: «Мне думалось, что позволительно желать чего-нибудь такого, что было бы совершеннее неудовлетворительных нынешних порядков и отнюдь не вызвало бы опять на свет того, что было неудобного при порядках прежних. Других мыслей у меня не было. А так как по древнехристианским правилам, содержимым нашею церковью, в ней все затруднения положено выяснять и решать *соборне*, то я и заключил тем, что *это дело соборное*»¹⁵². Те тезисы, которые отстаивал писатель в своих произведениях, составивших впоследствии запрещенный VI том прижизненного собрания сочинения, хотя и осознавались им как несогласные с современными церковными обычаями, высказывались не для того, чтобы опорочить церковь. Его статьи, сообщаемые им факты, с нашей точки зрения, логично воспринимать как своеобразное «приглашение к диалогу», результатом которого Лесков хотел видеть нравственное преобразование общества как результат включения церкви в современную общественную жизнь, причем как жизнь образованного общества, так и простого народа. Именно поэтому настолько огорчался он каждый раз, когда современники видели в его словах критику и осуждение, а как следствие – вместо обсуждения вынесенных Лесковым «на мирской суд» вопросов, стремились обсуждать наиболее скандальные и субъективные подробности. После публикации «Мелочей архиерейской жизни» периодическая печать ставит своей целью реабилитировать

¹⁵¹ Исторический вестник. 1883. Т. XI. №2 (февраль). С. 263-293.

¹⁵² Лесков Н.С. Коварный прием. Два слова «Вестнику Европы» // Исторический вестник. 1883. Т. 12. С. 488.

имена упомянутых Лесковым «церковных владык»¹⁵³, после публикации «Случая у Спаса в Наливках» (в первом журнальном издании – «Поповская чехарда и приходская прихоть») начинает обсуждать причины увольнения писателя из министерства, а еще до публикации «Зенона-златокузнеца» цензура оказалась настроена против повести, так как в обществе распространились слухи о том, что в ней в сатирическом виде изображается митрополит Филарет (Дроздов)¹⁵⁴.

В то время, как современники видят в нем ниспровергателя церковных устоев, в частной переписке Лесков замечает: «Я не враг Церкви, а её друг, или более: я покорный и преданный её сын и уверенный православный» (X, 329). Отсюда и неоднократно отмечавшиеся исследователями симпатии к понятию «еретик» (в противоположность понятию «сектант»)¹⁵⁵. Эта дихотомия может быть прочитана как в контексте противопоставления понятий православие – христианство, в рамках конфликтного несовпадения христианских ценностей и пренебрежения к ним в современной русской жизни, так и в рамках собственного лесковского осмысления деятельности писателя как попытки изменить нравственное состояние общества. Можно предположить, что в отношении своего творчества он придерживался точки зрения широко известного и в России проповедника, пастора Евгения Берсье, утверждавшего, что каждый человек своей деятельностью способен повлиять на окружающее: «Но покажите мне христианина, который бы не мог по-своему действовать на мир своею жизнью <...> Эту миссию исполняет также ученый, писатель, который неутомимо до седых волос употребляет все свои силы для того, чтобы защищать убеждения,

¹⁵³ См. полемику, развернувшуюся на протяжении 1879 года на страницах «Церковно-общественного вестника» о личности архиепископа Смарагда (Крыжановского). Церковно-общественный вестник. 1879. №26. С. 3-5; №27. С. 2-4. См. 1879 г. №34. С. 5-6, №46. С. 2, №47. С. 6-7, №56-57. С. 5-6, №92. С. 4-5 и др.

¹⁵⁴ Как известно, после того, как Лесков изменил название «Зенон-златокузнец» и имена героев, повесть без препятствий прошла предварительную цензуру и была напечатана под названием «Гора».

¹⁵⁵ См.: Ильинская Т.Б. Русское разноеверие в творчестве Н.С. Лескова. СПб., 2010. С. 24 и след.

которыми живет его душа»¹⁵⁶. Не случайно в частной переписке Лесков неоднократно подчеркивал, что смысл деятельности писателя сводится к тому, чтобы это была деятельность ради людей. Например, в одном из писем С.Н. Шубинскому он указывал: «"Гора" требовала труда чрезвычайно большого. Это можно делать только "по любви к искусству" и по уверенности, что делаешь что-то на пользу людям, усиливаясь подавить в них инстинкты грубости и ободрить дух их к перенесению испытаний и незаслуженных обид»¹⁵⁷.

Несмотря на распространенную среди современников точку зрения, что русская богословская наука отстает от западноевропейской, писатель, устами своего героя, высокопреосвященного Нила, архиепископа Ярославского, главного героя повести «На краю света» (а во время, к которому относятся события рассказа – епископа Иркутского), выражает мысль о том, что «справедливость была бы оскорблена, если бы я решился признать вместе с вами, что в России господа Христа понимают менее, чем в Тюбингене, Лондоне или Женеве» (1, 336). Однако дальнейшая интерпретация этой идеи строится у Лескова неоднозначно. Логика развития темы предполагает, что писатель противопоставит «чужеземным евангелическим пасторам» русских, европейским трактатам русские и т.п., сделав вывод о глубине и обоснованности тех и других. Однако, прибегая к использованию сократического диалога¹⁵⁸, архиепископ Нил, приглашает слушателей сначала рассмотреть изображения Христа, а затем рассказывает историю, в которой ортодоксальному догматическому пониманию противопоставляется понимание отца Кириака. Подчеркивая начитанность и

¹⁵⁶ Соль земли. Беседа пастора Берсье. Перевел А. Забелин. СПб, 1880. С. 25-26.

¹⁵⁷ Письмо С.Н. Шубинскому от 2 июня 1890 г., Нарва.

¹⁵⁸ О использовании сократического диалога и интересе Н.С. Лескова к Сократу см: Минеева И.Н., Годяева Н.В. Жанр сократического диалога в творчестве Н.С. Лескова (на примере рассказа «На краю света») // Художественный текст: опыты интерпретации. Петрозаводск, 2007. С. 25-32; Петрова А.Л. К источникам знаний Н.С. Лескова о философии Сократа // Русская литература. СПб., 2013. №3. С. 152-167; Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб., 2001. С. 63-109.

высокую образованность сибирского монаха, Лесков вполне четко указывает, что его отношение к православию, тем не менее, основано не на книжности, а на понимании бытовой стороны «крещения иноверцев» и возникающего на ее основе этического понимания религии, которое характерно для простого народа: «Ее <Христову мудрость> не поймешь, а так... что сердце чувствует, говорю. Я, когда мне что нужно сделать, сейчас себя в уме спрашиваю: можно ли это сделать во славу Христову? Если можно, так делаю, а если нельзя – того не хочу делать <...> Для простых сердец это, владыко, куда как сподручно! – просто ведь это: водкой во славу Христову упиваться нельзя, драться и красть во славу Христову нельзя, человека без помощи бросить нельзя... И дикари это скоро понимают и хвалят: "Хорош, говорят, ваш Христосик – праведный" – по-ихнему это так выходит» (1, 355). История отца Кириака свидетельствует о том, что основой для нравственного обновления общества, в интерпретации Лескова, может стать только искренняя «мужицкая вера», которая, тем не менее, должна быть дополнена сознательным пониманием и ответственным исполнением церковных догматов.

Поиск Н.С. Лесковым «истинного понимания Христа обусловил обращение писателя к воплощению образа «искателя», появляющегося в разных жанровых формах повествования. Герой святочной повести «На краю света» может быть противопоставлен герою очерка «Обнищеванцы» (1881 г.). Если в святочной повести главный герой – монах, жизненный путь которого может быть метафорически понят как путь от книжного понимания православия к народному, то в очерке главный герой – носитель народной веры с момента своего рождения (причем он старообрядец, родившийся в семье, принадлежавшей к крепкой «старой вере») – сначала пытается найти «среднюю веру», представляющуюся ему наиболее правильной, в среде монастырской и мирской, у православных и у старообрядцев, но, не находя, решает сам создать ее, основываясь на книгах: «Отдохнув от телесных трудов своего хождения и от душевного расстройства, в которое впал, постоянно встречая то «самовластное, староверское разноверие», то «пипаросы и толстые самовары», Исаич решил покончить розыски «средней

веры» между всяких людей, держащихся каких-либо крайностей, и «не прилепляться ни к одной из старых вер, а жить в божиих судьбах, при божественных книгах». Засел он дома и стал прилежно читать Библию»¹⁵⁹. Идее «средней веры» Н.С. Лесков явно симпатизирует, хотя скептически относится к возможности ее создания, поэтому ирония, сквозящая в очерке, относится не к идее «испытания вер», а к жизненной позиции Ивантия Исаича, возомнившего себя современным пророком.

Таким образом, по представлениям Н.С. Лескова, в основе истинной веры должен лежать синтез как богословских исследований, так и народных представлений о вере. Не случайно епископ Нил в рассказе «На краю света», вернувшись после пережитой выюги в монастырь, поняв все своеобразие простонародных представлений о религии, садится за книги, «без коих монаху в праздномыслии – смертная гибель».

На рубеже 1870-1880х гг. в творчестве самого писателя очевидно прослеживается стремление понять и изучить как основные тенденции народного религиозного сознания, так и актуальные проблемы современного церковного богословия. Если первому вопросу внимание в лесковиане уделялось¹⁶⁰, то работы Лескова в области богословия учитываются крайне редко. Прежде всего отметим, что статьи и очерки, посвященные церковным вопросам, публикуются Лесковым на страницах нецерковной периодики. Так, статьи, посвященные анафеме, были напечатаны в «Новом времени» (1880), очерк «Царская коронация» – в «Историческом вестнике» (1881) (впоследствии он вошел в состав сборника «Святительские тени»), «справка по истории русского иконописания» «Христос младенец и благоразумный разбойник» (1884) – в «Газете А. Гатцука» и т.п. Бóльшая часть из этих статей носит научно-популярный характер и основывается

¹⁵⁹ Лесков Н.С. Обнищеванцы (Религиозное движение в фабричной среде 1861-1881) // Сажин А.В. Неизвестный Лесков. «Обнищеванцы»: текст, претекст, исследование, комментарии. СПб, 2008. С. 69.

¹⁶⁰ Горелов, А.А. Лесков и народная культура. Л., 1988; Ильинская Т.Б. Русское разноеверие в творчестве Н.С. Лескова. СПб., 2010. и др.

на теологических исследованиях. Так, очерк «Анафема»¹⁶¹ основывается на книге священника Никольского. Цель данного очерка, как и других статей подобного типа, прежде всего информационная. Лесков кратко излагает основные сведения, избегая узко-специальных богословских вопросов, что отмечалось уже современниками, оценивавшими статьи с точки зрения отразившейся в них просветительской тенденции. Так, журнал «Сын отечества» отозвался на публикацию статьи следующим образом: «В «Новом времени» мы находим интересный очерк г. Лескова, под заглавием «Анафема», в котором рассказана история той церковной церемонии, которая совершается у нас в первое воскресенье Великого поста. Справедливость заставляет, впрочем, прибавить, что очерк этот составлен на основании недавно вышедшего в свет сочинения свящ. Никольского»¹⁶². Сопоставление богословского исследования Константина Тимофеевича Никольского¹⁶³ с очерком Лескова позволяет выявить те аспекты вопроса, которые были важны для писателя. Прежде всего, для Лескова оказывается значимой сопоставительная характеристика чина анафематствования: исторический аспект рассматривается им лишь в той мере, в коей он позволяет объяснить современный обряд: «Как бы под стать всему и этот торжественный чин подвергся соответственному *опрощению* по форме, не потеряв, однако, <...> всей своей главной сущности по содержанию»¹⁶⁴. Давая характеристику современного содержания обряда, Лесков обращается, с одной стороны, к «духу времени», с другой – к общим христианским ценностям, духу христианства: «По духу времени и по многим другим обстоятельствам, которым церковь не может не давать цены и значения, признано достаточным для данной поры безымянной формулы анафематства, и надо иметь особливую, и притом совершенно нехристианскую злопамятливость, чтобы скучать об этих несчастных именах

¹⁶¹ Новое время. 1880. №1446. С. 2-3.

¹⁶² Сын отечества. 1880. №10. 9 марта. С. 133.

¹⁶³ Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о чине Православия. СПб., 1879.

¹⁶⁴ Новое время. 1880. №1446. С. 2.

после столь многих лет снятых с церковного позорища. Слава времени и тем, кто нашел, что этого уже довольно»¹⁶⁵.

Второй критерий отбора фактов ярче проявляется во второй части статьи, где Лесков дает характеристику уже не столько содержанию обряда, сколько практике его исполнения в российских церквях. Здесь Лесков, как и в «Мелочах архиерейской жизни», стремится высказать наиболее яркие, запоминающиеся факты-анекдоты, способные поразить скорее фантазию читателя, рассмешить: «Вообще это слышание анафем доходит до какой-то галлюцинации слуха, что и не удивительно: толпа богомольцев <...> поддаются обману фантазии или сочиняют, что кому придет в голову»¹⁶⁶. Тем не менее эта ироническая интонация служит той же цели, что и аргументация первой части: стремлению Лескова показать конфликт между сухим догматизмом и подлинными, настоящими чувствами, проповедуемыми христианством: «... с одной стороны, поименное предание анафеме оскорбляло чувство христианского милосердия, а с другой, случалось, что оно было и причиной некоторых тяжелых недоразумений между светскою властью и духовною»¹⁶⁷.

Таким образом, публицистический по своей цели текст, созданный с научно-прикладными целями, под пером Н.С. Лескова превращается в живой очерк, ставящий не столько теоретические проблемы, сколько раскрывающий понимание им сути христианства. Показывая, как неверное понимание, точнее, непонимание слов, произносимых в церкви, сопровождающееся стремлением сохранить внешнее, формальное следование традиции, ведет к разрушению подлинной сути веры (в данном случае – стремление к неперемому ежегодному поименному преданию анафеме противоречит христианскому милосердию), Лесков наводит читателя на мысль о необходимости осознанного и одновременно живого, чуткого отношения к православным догматам и религиозно-нравственными заповедям. В этой же статье Лесков прибегает к еще одному

¹⁶⁵ Там же, с. 2.

¹⁶⁶ Там же, с. 3.

¹⁶⁷ Там же, с. 2.

способу аргументации основной идеи – подстрочной сноске. Излагая двенадцать положений чина предания анафеме, говоря о «не приемлющих благодати искупления Евангелием», Лесков упоминает пашковство¹⁶⁸. Ссылка эта, с одной стороны, позволяет нам увидеть происходящее изменение отношения писателя к редстокизму, с другой – вновь показывает, что, в глазах Лескова, одна из важнейших ошибок Редстока заключалась в его нежелании разбираться в церковных вопросах.

Несколько дней спустя, Лесков публикует своеобразное «добавление» к статье под заглавием «К истории анафемы». В качестве основного аргумента в «добавлении» писатель ссылается на письмо одного «весьма сведущего в церковных делах лица». Анализ стилистики «письма», а также выраженные в нем мнения позволяют предположить, что автором его был сам Лесков: «Поговорить бы об этом – *да негде*, или хоть на письме бы пообсудить, да с одной стороны это уже совсем не то, что живое, устное обсуждение, а с другой... и этого сделать тоже негде. Одни органы печати и хотели бы заняться подобными вопросами, но не могут, а другие – могут, но не хотят. По несчастью, они думают, что церковные вопросы не стоят внимания и опасаются, что они скучны. Ошибка очень большая: все этого рода дела интересны и всегда встречают в обществе внимание»¹⁶⁹. Очевидно, что данная цитата может восприниматься как завуалированное Лесковым предложение к более широкому обсуждению церковных вопросов на страницах периодической печати.

¹⁶⁸ Пашковство (иное название – редстокизм) – религиозное течение, пользовавшееся чрезвычайной популярностью в светских кругах в 1870-е гг. Основатель течения – английский лорд Редсток – считал, что человек, уверовавший во Христа, уже прощен. Утверждая необходимость покаяния или теорию добрых дел, мы тем самым умаляем величие и роль Бога-Сына в Священной истории. Продолжателем идей и начинаний лорда Редстока стал Василий Александрович Пашков. Название течения связано с именами его идеологов.

¹⁶⁹ Лесков Н.С. К истории анафемы // Новое время. 1880. №1450. С. 2.

Как показывает анализ, публицистика Н.С. Лескова, посвященная религиозной проблематике, представлена различными жанрами: очерк, статья, рецензия. Между тем, следует отметить, что объединяющая их целевая установка позволяет выделить ряд общих типологических черт, определивших их структуру: цитирование «источника» полемики, создание иронического подтекста, использование «эпистолярного» свидетельства. Комплексное изучение этих приемов Лескова-публициста показывает, что для писателя вообще было характерно показывать дихотомии тех или иных представлений о вере, связывать их друг с другом, показывая, что, с одной стороны, истина принадлежит каждому представлению – «мужицкой вере» и «барским измышлениям», устоявшимся на протяжении веков церковным догматам и вновь возникающим течениям, подобным штунде; но ни одно из них не совершенно, как следствие, истинно мудрым представляется только их синтез. Не случайно «очень глубокой и истинной» назвал он мысль Б. Чичерина о том, что «окончательной целью развития представляется <...> конечный синтез всего духовного мира»¹⁷⁰. Обращение Лескова к протестантской теологии представляется нам закономерным этапом в развитии мировоззрения Н.С. Лескова, которое отразилось в его творчестве как стремление выразить близкую ему идею о «конечном синтезе всего духовного мира».

Таким образом, интерес Н.С. Лескова к западноевропейскому богословию был обусловлен не только личной потребностью уяснить для себя пути этого «синтеза», но и современной общественной ситуацией 1870-х гг., которая изменила прежние отношения государства и церкви. В этот период широко обсуждались вопросы планировавшейся церковной реформы, появился полный синодальный перевод Библии на русский язык, получила широкое распространение (по сравнению с предыдущими десятилетиями) церковная периодика, было опубликовано достаточно большое количество новых оригинальных и переводных богословских исследований и т.д. Интерес Н.С.

¹⁷⁰ Лесков Н.С. Наука и религия. // Новое время. 1879. №1306. 17 (29) октября. С. 2.

Лескова к богословию обусловлен и фактами биографии писателя, который еще в юности по совету отца знакомится с сочинениями античных авторов, таких как Сенека, Сократ, Зенон и др., в книгах которых писатель видит предпосылки возникновения христианского учения. Оживленное общение писателя с И.С. Аксаковым, а также второе заграничное путешествие 1875 года также можно рассматривать в ряду причин обращения Лескова к богословским вопросам.

3.2. Повесть «На краю света» и очерк «Великосветский раскол»
в свете идей о нравственных основах религии Ж.Э. Навиля.

29 июля (10 августа) 1875 г., возвращаясь из второго заграничного путешествия, из Мариенбада, Николай Семенович Лесков пишет одному из своих друзей, русскому историку и публицисту Петру Карловичу Щебальскому, широко известное в лесковиане письмо. Письмо это состоит из трех частей, каждая из которых освещает одну из волновавших в это время писателя проблем. В первой части он характеризует свое внутреннее состояние, с определенной долей самоиронии ссылаясь на «Автоэпиграмму» В.В. Капниста. Ирония здесь является знаком глубокого духовного кризиса, переживаемого писателем: «Вообще сделался «перевертнем» и не жгу фимиама многим старым богам». Н.С. Лесков объясняет и причину его: он вызван чтением книг и встреч с людьми, с которыми познакомился во время пребывания во Франции (Париже). Заметим, что он особо выделяет среди них лично ему знакомого «молодого Навиля». Суть же этого кризиса в осознании писателем трагического разрыва между духом христианства и «артикулами веры», что и побуждает его во второй части письма рассказать о замысле «написать русского еретика – умного, начитанного и свободомысленного духовного христианина, прошедшего все колебания ради искания истины Христовой и нашедшего ее только в одной душе своей». Наконец, третья часть письма – размышления о несвободе русской литературы и невозможности опубликовать в России произведение подобного содержания. Изменение своего положения в периодической печати Лесков связывает с именем Михаила Никифоровича – очевидно, Каткова, – разрыв с которым был очевиден уже перед поездкой во Францию. Невозможность публикации произведения о «русском еретике» на страницах «Русского вестника» огорчает Лескова, так как замысел идет вразрез с принадлежностью журнала «направлению». Заканчивается письмо вопросами о судьбе общего знакомого, А.И. Георгиевского, и сообщением о возможной встрече с П.К. Щебальским в Варшаве.

В другом, неопубликованном письме 1892 года, отзываясь на вышедший рассказ Софьи Ивановны Сазоновой, Лесков пишет: «Христианство или религия смешаны с церковью и заменены ее именем. Религию, как потребность духа, ищущего высшего состояния, и церковь, как учреждение полицейско – политическое, всегда склонное служить земной власти, не надо смешивать, а надо каждое ставить отчетливо на принадлежащее им место. У нас же, и особенно теперь, это нужнее, чем где-либо»¹⁷¹.

Как видно из приведенных нами эпистолярных свидетельств, центральная мысль Н.С. Лескова о трагических последствиях резко обозначившегося разрыва между тем, что впоследствии Лесковым будет противопоставляться, вслед за А.С. Хомяковым, как текст (закон) и дух учения, появившись во второй половине 1870-х гг., остается актуальной и в 1890-е годы.

Анализируя отношение Н.С. Лескова к православной церкви, А.А. Новикова-Строганова замечает: «Лесковское признание середины 1870-х годов о его «разладе с церковностью» до настоящего времени трактуется излишне прямолинейно, вырывается из контекста»¹⁷², – ссылаясь при этом на слова самого писателя: «Более чем когда-либо верую в великое значение Церкви, но не вижу нигде того духа, который приличествует обществу, носящему Христово имя». С целью пояснения смысла сказанного, следует обратиться к творчеству «молодого Невилья», чьи произведения серьезно повлияли на мировоззрение Лескова.

Составители комментариев к письму Н.С. Лескова П.К. Щербальскому не указывают, кто имеется в виду. Сын писателя, А.Н. Лесков, обращаясь к письму, ограничивается указанием на то, что это «французский теолог»¹⁷³. Между тем, Невиль упоминается и в более поздней переписке Н.С. Лескова, что позволяет

¹⁷¹ Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 1. В приводимом тексте сохранены подчеркивания самого Н.С. Лескова.

¹⁷² Новикова А.А. Религиозно-нравственные искания в творчестве Н.С. Лескова 1880-1890х гг.: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2003.

¹⁷³ Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1984. Т. 2. С. 32.

предположить, что влияние этого богослова на мировоззрение писателя было достаточно серьезным и продолжительным. Так, в письме М.Г. Пейкер от 21 июня 1879 года, характеризуя проповедника, с которым он недавно познакомился, Лесков упоминает имя Невилля в ряду наиболее уважаемых проповедников – Гладстона, Берсье, Вине и Вальденштрема: «Веры хорошей, — веры Гладстона, <нрзб>, Берсье, Невилля и Вине. Мне с ним было очень приятно говорить об всем, печалующем всех нас, подданных нашего господя, идущих под его стягом, куда он хочет, но по лучшему своему разумению»¹⁷⁴. Комментируя письмо, составители указывают, что Невиль – французский теолог XVIII века, что представляется нелогичным потому, что Гладстон, Берсье, Вине и Вальденштрем (упомянутый далее в тексте письма) – проповедники XIX века, современники Лескова.

Судя по всему, *Невилем* в своих письмах называет Н.С. Лесков Жюля Эрнеста Навиля¹⁷⁵ (1816—1909), достаточно широко известного швейцарского протестантского богослова и философа, который считается одним из предшественников экуменизма. Работы Эрнеста Навиля были достаточно рано переведены на русский язык¹⁷⁶. Определенное сомнение вызывает лишь выражение «молодой Навиль». Возможных объяснений этому несколько: к 1875 году, когда было написано письмо, в теологии были известны как минимум три Навиля.

¹⁷⁴ Письмо Н.С. Лескова М.Г. Пейкер 21 июня 1879 г., Рига, Карлсбад.

¹⁷⁵ Отметим разночтения фамилии, которые нашли отражение и у Лескова. Русскоязычные переводы подписывались «Э. Навиль», однако в «Словаре Брокгауза и Ефрона» он фигурирует как «Эрнст Навилль». Сложно сказать, что повлияло на написание «Невилль», однако очевидно, что и в подобной транскрипции современники понимали, о ком идет речь.

¹⁷⁶ Вечная жизнь. М., 1862 (и переиздание М., 1865); Небесный Отец. СПб., 1868; Вопрос о зле. СПб., 1871; Христос. Публичные чтения. М., 1881. Кроме того, работы Навиля печатались в «Православном обозрении» (1862 год: 1. Назначение человека, 2. Материализм. т. VII, №2, с. 131-170. 3. Мысли человечества. 4. Евангелие. т. VII, №3, с. 283-327. 5. Евангелие перед наукою и верою: т. VII, №4, с. 417-445. 6. Христианское учение о вечной жизни т. VIII, №6, с. 145-161. 7. Религия, т. VIII, №7, с. 241-264).

Кроме Жюля Эрнеста, в Париже в этот момент получает достаточно широкую известность Эдуард-Анри Навиль, известный благодаря своим археологическим изысканиям на Востоке и опубликовавший «Книгу мертвых». Эдуард-Анри Навиль родился в 1844 г., и действительно был «молодым» для перешагнувшего уже к тому моменту 40-летний рубеж Н.С. Лескова. Однако в тот момент (в 1875 году) Эдуард-Анри Навиль был известен как исследователь прежде всего древнеегипетской литературы, его работы как богослова появились значительно позже¹⁷⁷, и у нас нет оснований считать, что они уже сформировались к моменту посещения Лесковым Парижа.

Второй вариант объяснения эпитета «молодой» связан с тем, что Эрнест Навиль опубликовал сочинения своего отца, Фридрика Навиля (1784—1845), также реформатского богослова, и очень ценную, в смысле исторического и историко-этнографического материала, коллекцию писем к последнему от реформатских миссионеров разных стран. Соответственно, Лесков называет сына «молодым», подразумевая его отца, а не ссылаясь на его возраст¹⁷⁸. Подтверждением этой гипотезы представляется совокупность тех проблем, которые поднимает в письме к П.К. Щербальскому Н.С. Лесков: кризис церкви как социального института, мысль о возможном объединении всех христианских учений, идеи духовного христианства и т.п. Интерес Лескова к идеям Эрнеста Навиля мог быть вызван и фактом увлечения последнего спиритизмом (исследованиями работ Maine de Biran). Отметим также, что швейцарский богослов был иностранным членом Французского Института. (Institut de France).

¹⁷⁷ The Mount of Jew and City of Onias, Belbeis, Samanood, Abusir, Tukh el Karmus, L., 1887; Archaeology of the Old Testament, L., 1913

¹⁷⁸ Национальный корпус русского языка показывает, что словоупотребление «молодой» в значении «младший» в сочетании с именем собственным было привычным для русского языка уже во времена А.С. Пушкина. Например, в «Арапе Петра Великого»: «Ибрагима представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним ее любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами»; в «Барышне-крестьянке»: «Молодой Алексей стал жить покаместь баринном».

Еще одна версия была высказана И. Мюллер де Морог в статье «Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Н.С. Лескова». Она пишет: «Лесков читал много работ Э. Навилле и даже встретил его сына»¹⁷⁹. У Жюля Эрнеста Навиля действительно был сын Альберт, родившийся в 1841 году.

Не обладая достаточными данными¹⁸⁰, мы оставим вопрос о том, с кем же именно встретился Н.С. Лесков в Париже, Жюлем Эрнестом Навилем или его сыном Альбертом, открытым, однако считаем, что факт влияния мировоззрения швейцарского проповедника на формирование взглядов писателя представляется очевидным в любом случае. Вопросы этого касались отчасти в своих работах И. Мюллер де Морог, Н. McLean, W. Edgerton¹⁸¹, но он никогда не оказывался в центре внимания исследователей в качестве самостоятельной проблемы.

Область интересов Эрнеста Навиля сводилась к христологии, христианской этике и апологетике, также его считают одним из предшественников экуменизма. В творчестве Н.С. Лескова отразились его взгляды на значение Евангелия для христиан, на христианские представления о добре и зле как нравственных категориях, о сущности христианской веры. Можно предположить также, что некоторые идеи Э. Навиля лежат в основе критики православной церкви, которая прослеживается и в произведениях Н.С. Лескова.

Прежде чем обратить внимание на переключки, которые прослеживаются между творчеством Н.С. Лескова и проповедями Э. Навиля, обратим внимание на то, как современники относились к работам последнего.

¹⁷⁹ Мюллер де Морог И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 1998. С. 442-453

¹⁸⁰ Возможно, ответить на этот вопрос позволил бы архив Эрнеста Навиля, находящийся в библиотеке Женевы, с которым мы, к сожалению, не имели возможности ознакомиться. (Bibliothèque de Genève, Département des manuscrits et des archives privées, Fonds Ernest Naville, CH BGE Ms. suppl. 523-629; Ms. fr. 5421-5507; Cours univ. 70-71, 132, 172).

¹⁸¹ McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art. Cambridge (Mass.), Londres: Harvard Un. Press, 1977. P. 28, 628. Edgerton W. B. Nikolai Leskov: the Intellectual Development of a Nonconformist. Doc. dissertation for Columbia Un. 1954. P. 358—359.

В «Христианском чтении» за 1869 год представлены «Библиографические очерки» В. Рождественского, в которых дается высокая оценка работ протестантского проповедника. В качестве основных достоинств работ Эрнеста Навиля рецензент называет умение эмоционально и просто говорить о сложных вопросах апологетики, а также продуманную аргументацию, позволяющую Навилю успешно противостоять широкому распространению атеизма: «Навиль отнюдь не задается, как можно бы подумать, задачей – доказывать современным отрицателям бытие Божие, прибегая для этого к избитым доказательствам – онтологическому, космологическому и пр., превратившимся, в самом деле, по одному остроумному замечанию, в спор для чувствительных и слабонервных субъектов... В виду такого отношения современных отрицателей к религиозным вопросам Навиль переносит разбор истины бытия Божия на другую почву, освещает ее своим анализом с таких сторон, с которых она делается для всякого как бы предметом видения, а не умозрения и логических выводов»¹⁸².

Критический разбор взглядов Э. Навиля был предпринят А. Киреевым, секретарем Санкт-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения, в 1879 году. Его анализ касается преимущественно брошюры «Католическая церковь и свобода вероисповедания», однако и в ней нашло отражение отношение общества к религиозным идеям Навиля. Вопрос, который оказывается в центре внимания как Э. Навиля, так и его рецензента, сводится к следующему: допускает ли религия законность применения силы в делах веры? Отмечая, что не может быть сомнений в желании Навиля раскрыть истину, и высоко оценивая обоснованность и грамотность выбора документов для доказательства и глубину проведенного анализа, Киреев тем не менее замечает, что высказанные идеи «нельзя принять безусловно». Несовпадение мнений автора и рецензента может быть объяснено их принадлежностью к разным религиям: в то время как Навиль рассматривает поставленный вопрос в рамках сопоставления католических и протестантских взглядов, А. Киреев стремится высказать точку

¹⁸² Рождественский В. Библиографические очерки // Христианское чтение. 1869. №5. С. 780-781.

зрения ортодоксального православия. «Автор очевидно не имеет среднего понятия между протестантской идеею, отвергающею совершенно церковь, основывающуюся на предании и имеющую неизменные основания, и католическую идею о церкви, не желающей терпеть рядом с собой ни одного независимого государства, церкви, которая не может существовать иначе как в борьбе с государством <...> Но значит ли это, что вопрос об отношениях между государством и церковью, в сущности, не разрешим? К счастью, нет; формула найдена, она существует уже целые века; эта формула – органическое соединение государства с церковью в том виде, в каком она существует или может существовать в православных странах»¹⁸³, – именно с этой, достаточно субъективной точки зрения рассматривает вопрос, поставленный Навилем, русский рецензент. Однако неверным было бы утверждать, что рецензия напоминает «диалог глухих», так как точкой соприкосновения для рецензента и автора становится мысль о возможном объединении христианских течений: «Совершенно ясный и точный ответ в том, что можно отвергнуть все заблуждения, омрачающие запад, и что церковь может возвратиться к своему первобытному состоянию, при котором оба основные ее начала, начало авторитета и свободы, вместо того, чтобы взаимно исключать друг друга, имели бы одинаковую силу, когда она, одним словом, может снова сделаться единою и православною»¹⁸⁴. Именно мысль о двух началах, на которых строится Церковь – принцип церковного авторитета и принцип нравственной свободы, – является общей отправной точкой для двух религиозных деятелей, однако если Навиль пытается найти приемлемый для протестантства ответ на вопрос о соотношении личной свободы и церковного авторитета, то ответ, данный православием, представляется А. Кирееву самоочевидным и само собой разумеющимся. Не вдаваясь в обсуждение документов, выбранных Навилем для доказательства

¹⁸³ Киреев А. Несколько ответных слов на брошюру г. Навиля «Католическая церковь и свобода вероисповедания». М., 1879. С. 4-5. Первоначально опубликовано в «апрельской» книжке «Чтений в обществе любителей духовного просвещения».

¹⁸⁴ Там же, с. 24

собственной гипотезы (а вопрос о соотношении церкви и власти сводится им к вопросу о непогрешимости папы римского, его праве на высказывание мнения *ex cathedrâ* и праве на отлучение от церкви), отметим, что мнение секретаря «Общества любителей духовного просвещения» включает в себя одновременно два аспекта: с одной стороны, он рассматривает проблему власти церкви и государства по отношению к католической церкви, обнаруживая в знании вопроса не меньшую образованность, чем Навиль; с другой стороны, он постоянно стремится сопоставить данную проблему с ситуацией, сложившейся в России с православной церковью, тем не менее, не прибегая в этом смысле к подробному анализу. Так, А. Киреев останавливается на мнении о том, что католическая церковь отдает предпочтение принципу церковного авторитета в ущерб принципу нравственной свободы: «Христианский Рим, неизбежно связанный с преданиями Рима цезарей, оперся на первый из этих двух элементов религии, поставив второй на задний план, - заблуждение, вызвавшее впоследствии роковую реакцию Гусса и Лютера. Тем не менее однако истинно то, что, даже в своих преступных преувеличениях, Рим поддерживал и поддерживает принцип сам в себе законный и верный, но который, не имея противовеса противоположного принципа, дошел до полного отрицания сего последнего»¹⁸⁵. В этом вопросе А. Киреев склонен поддерживать скорее церковь католическую, нежели протестантскую, так как протестантская церковь нарушила принцип авторитета церкви, в то время как католическая «поддерживает принцип сам в себе законный и верный», несмотря на «преступные преувеличения»¹⁸⁶. Таким образом, очевидно, что анализ, проведенный А. Киреевым, очень показателен, как взгляд современника, говорый, говоря о проблемах западной церкви, выражает официальную позицию православия.

¹⁸⁵ Там же. С. 22.

¹⁸⁶ Там же, с. 23

Какую же позицию занимание по отношению к Э. Навилю Н.С. Лесков? В известной степени ответ на этот вопрос писатель дает в очерке «Великосветский раскол. Гренвиль Вальдигрев лорд Редсток: его жизнь, учение и проповедь» (1876 г.), эпиграфом к которому служит высказывание Навиля: «Многие очаги кажутся потухшими, но огонь тлеет в них еще под пеплом. Зная Бога и поклоняясь Ему, душа во всех своих высших стремлениях будет восходить к Отцу жизни. Дело религии состоит в том, чтобы изменить самое начало жизни». Цитата эта неточная, как, впрочем, это нередко встречается у Лескова, и восходит к нескольким книгам Э. Навиля. Неточность приводимой Лесковым цитаты также может быть объяснена тем, что писатель либо приводит цитату по памяти, либо самостоятельно делает перевод с французского языка (вспомним его утверждение о том, что он начитался в Париже «вещей, в Россию не допускаемых»). В целом, к неточному цитированию как приему Лесков прибегал неоднократно. В качестве примера можно привести эпиграф к «Мелочам архиерейской жизни» или неточное цитирование «Книги пророка Исайи» в «Однодуме» (2,8).

Первое предложение эпиграфа, представляющее собой развернутую метафору, взято из седьмой беседы, озаглавленной «Помощь», книги «Вопрос о зле»: «Но существуют ли атеисты? Существуют ли, не учения атеистические (их, к несчастью, много), но люди, вполне убежденные, что Бога нет? Позволительно сомневаться в этом; *многие очаги кажутся погасшими, между тем, как огонь еще тлеет под золою.* Исключивши предположение действительного атеизма, все могут пробовать молиться...»¹⁸⁷ (курсив наш – О.М.).

Второе предложение эпиграфа к «Великосветскому расколу» цитируется Лесковым уже по книге «Вечная жизнь», которая самим писателем и указана в качестве источника: «Бог не только всемогущ, но и всеблаг, всесвят, безграничен во всех своих совершенствах. *Зная Его и поклоняясь Ему, душа во всех своих высших стремлениях будет восходить к Отцу жизни.* Всякая возвышенная мысль, всякое благородное движение сердца, всякое восхищение красотой будет

¹⁸⁷ Навиль Э. Вопрос о зле. СПб, 1871. С. 176.

песнию Вечному»¹⁸⁸. Наконец, третье предложение эпитафия также заимствовано из седьмой беседы «Вечной жизни»: «*Дело религии состоит в том, чтобы изменить самое начало жизни. Посему, пока душа свободно не отдалась намерениям вечного милосердия, пока эгоизм не уступил своего места любви, дотоле самое высокое развитие ума и самое высокое образование идеала не имеют никакой религиозной цены*»¹⁸⁹. Сложная структура эпитафия позволяет Лескову обобщить идеи Навиля, показавшиеся ему наиболее значимыми и, тем самым, создать контекст, в котором читатель будет воспринимать образы и события, воссозданные в очерке «Великосветский раскол».

С нашей точки зрения, эпитафия представляет собой своеобразную интерпретацию идей Эрнеста Навиля, представляя как бы три ступени осознания религии: в начале речь идет о религии как инстинкте, на смену которому приходят возвышенное чувство и благородная мысль; наконец, религия становится этическим и эстетическим началом жизни верующего человека.

В первой части эпитафия метафорически высказывается идея о том, что стремление к Богу есть неременное качество любого человека, и даже если удовольствия и порок стали привычкой, душа человека будет стремиться к высшему христианскому идеалу – Богу. С точки зрения Навиля, не может быть человека, не способного обратиться к Высшему в трудные минуты своей жизни, молитву он называет *инстинктом* человека. Эта идея объединяет воззрения Навиля, Редстока и Лескова: со ссылкой на Тэна, Лесков говорит, что «людей поднимают не идеей, а чувством»¹⁹⁰, и чувства, порожденные материальным миром, прежде всего, чувство страха за свою жизнь, побуждают человека молиться. Однако религия Редстока на этом и останавливается, в то время как для Навиля это лишь точка отсчета. Именно сопоставление с точкой зрения Навиля, утверждавшего, что «истинно духовная молитва» – «та молитва, которая просит

¹⁸⁸ Навиль Э. Вечная жизнь. М., 1865. С. 142.

¹⁸⁹ Навиль Э. Вечная жизнь. М., 1865. С.148-149.

¹⁹⁰ Лесков Н.С. Великосветский раскол. СПб., 1877. С. 18.

силы на доброту Того, кто есть источник всякого добра и всякой силы»¹⁹¹, становится для Н.С. Лесковой отправной точкой в критическом осмыслении идей лорда Редстока. Таким образом, смысловые схождения тезисов Э. Навиля и идей «Великосветского раскола» очевидны, как, впрочем, налицо и серьезные расхождения Лескова с Редстоком. Если швейцарский пастор в своих проповедях призывает к нравственному возрождению христианина, залогом которого становится естественно присущее каждому человеку «начало», лорд Редсток залогом нравственного возрождения провозглашает «познание Христа». В то время как для Навиля важным становится постоянное нравственное самоусовершенствование, «прозрение», проповедуемое Редстоком, происходит в одно мгновение. Не случайно многие страницы «Великосветского раскола» посвящены критике именно редстоковской идеи о познании Христа, хотя мысль о подражании Христу была близка Лескову. Разница теории Редстока и взглядов Э. Навиля, с которым солидарен в этом отношении Лесков, прежде всего в этом «начале», которое становится залогом спасения: по Редстоку, основа спасения – чувство, возникающее у человека, созерцающего крестные муки Христа, человек, обратившийся к Христу, уже спасен; для Навиля корень нравственного преобразования – в совести, разуме и сердце человека, которые могут привести к раскаянию и спасению.

Мотив раскаяния, столь важный в ортодоксальном христианстве и для самого Лескова, у Навиля не играет особой роли (что вполне логично для протестантского проповедника и его паствы), его место занимает теория добрых дел. В этом отношении очень тонко выражена авторская позиция в «Великосветском расколе»: теория Редстока сопоставляется и раскрывается не столько в сравнении с православным вероисповеданием, сколько на фоне других протестантских учений и проповедей. Это может служить доказательством того, что Лесков никогда не ставил своей целью критиковать православную церковь, вообще критиковать какое-либо из религиозных учений и верований, его цель

¹⁹¹ Навиль Э. Вопрос о зле. СПб. 1871. С. 173.

всегда была – поиск единственной нравственной истины, основу которой, вслед за Навилем, он увидел в религии.

Особое внимание стоит уделить метафоре Бога как Отца жизни. Она используется в работах Навиля неоднократно, наряду с метафорой «Небесный Отец». С одной стороны, метафора Бога как Отца жизни выражает представления о постоянном присутствии Бога в жизни каждого человека. Несомненно, она была близка Лескову, написавшему в повести «На краю света»: «Как пришел-то Он, батюшка мой, отрадненький! удивил и обрадовал. Сам суди: всей вселенной Он не в обхват, а, видя ребячью скорбь, под банный полочек к мальчонке подполз в душе хлада тонка и за пазушкой обитал...» (1, 348). С другой стороны, метафора Бога как отца жизни помогает Навилю выразить мысль о изначальном единобожии, свойственном всем народам, иначе говоря, о том, что «естественная религия» всегда предполагает существование единого Бога, и лишь из-за человеческого непонимания из такой религии возник позднее пантеизм. Сложно сказать, насколько Лесков разделял это убеждение швейцарского пастора (хотя оно находило отклик у некоторых из его современников), но можно сопоставить его с финалом рассказа «На краю света», где о душе умирающего отца Кириака молятся одновременно представители разных религий. В лесковиане высказывались различные трактовки молитвы святого Кирилла Туровского, которая звучит при этом («Не токмо за свои молитися, но и за чужия, и не за единыя христианы, но и за иноверныя, да быша ся обратили к Богу»): так, Ю.Н. Кольцова считает, что архиерей приходит к крайней точке – «признанию истинности всех религий»¹⁹²; И.В. Столярова говорит об «идеалах возможного соединения людей»¹⁹³. С нашей точки зрения, финал рассказа может объяснен в

¹⁹² См. Кольцова Ю. Н. Духовные искания Н.С. Лескова. Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 70-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 4. С. 92.

¹⁹³ Столярова И.В. Молитва Кирилла Туровского в художественной системе рассказа Н.С. Лескова «На краю света» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 365-380.

контексте идей Ж.Э. Навиля о «инстинкте Бога», присущем каждому человеку. После пережитого в «ледяной пустыне» архиерей научился видеть христианскую, жертвенную любовь в каждом человеке, и именно нравственные качества личности считает тем критерием гуманности, функции которого ранее выполнял для него факт крещения и принадлежности к православию.

Третья часть эпитафия раскрывает понятие «начала жизни». Вслед за Навилем, Лесков предлагает читателю увидеть две стороны нравственного идеала: с одной стороны, это присущие человеку, чистому душой и сердцем, любовь и милосердие, с другой – образование и ум. В своих произведениях Н.С. Лесков неоднократно показывал зависимость высоты религиозных убеждений человека и от его эмоциональной и рациональной сфер. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что разрешение нравственных конфликтов многих произведений Лескова связано с ключевым для философии Навиля понятием – понятием долга.

Второе обращение к идеям Навиля мы находим уже в тексте «Великосветского раскола». Здесь противопоставление Редстока и Навиля выражено уже прямо: «Его <Редстока> не занимало, как достопочтенного Навиля, поставить религию основой для изменения начал жизни, а ему хотелось, чтобы религия скроилась *по его вкусу*. Никаких иных планов у него не было и нет: а просто ему так показалось, так понравилось и он так учит»¹⁹⁴. Как и в эпитафии, мы видим ту же самую дискуссию о началах жизни, которые, по Навиллю и, очевидно, согласному с ним Лескову, определяются тесной взаимосвязью нравственности и религии. Однако противопоставление, представленное здесь, осложняется различным пониманием самого понятия религии. Для Редстока религия субъективна, зависима от мнения каждого человека, поэтому ее можно перековать по своему вкусу. Для Навиля религия существует объективно, вне человеческой воли, человек имеет выбор, следовать ли ее предписаниям, но не

¹⁹⁴ Лесков Н.С. Великосветский раскол. СПб., 1877. С. 12.

может повлиять на ее объективное существование. Именно поэтому, с точки зрения Лескова, Редсток и не проповедует атеистам, предпочитая иметь дело с верующими людьми.

Кроме того, в процитированном выше фрагменте «Великосветского раскола» Лесков противопоставляет точку зрения Навиля и Редстока на значение проповеди: проповедь Редстока не имеет никакого обобщающего значения, не случайно так саркастически изображены слушатели его после проповеди. Редсток не преображает, и преобразить не может, так как не может воздействовать на разум человека, не будучи сам сведущим в богословии. Заметим, что в более поздних работах о Редстоке Лесков изменит свое мнение об образованности и широте кругозора лорда Редстока, но в «Великосветском расколе» это один из сквозных мотивов. Лесков, вслед за Навилем, считает, что проповедь не должна выражать личное мнение проповедника, а служить выражением воли Бога: «Но когда вам приходится дать отчет в вашей надежде людям, не разделяющим вашей веры, остающимся просто только вашими ближними, – то никогда не забывайте, что они ваши ближние, т.е. что и их воля, также как и ваша, принадлежит Богу, но только в глазах людей кажется принадлежащею самой себе. Уважайте во всем свободу других; короче сказать: если вы хотите служить с пользой делу христианской веры, то предлагайте ее, но не навязывайте»¹⁹⁵.

Итак, Лесков разделяет точку зрения Навиля, утверждавшего, что только религия может стать основой для изменения нравственных начал жизни: «Но христианская нравственность, – а она-то и есть наша нравственность, – является победительницей человечества, и она дает нам возможность понимать все низшие степени нравственного порядка; она позволяет нам дать себе полный отчет в происхождении и свойстве ложных правил, вызванных страстями, которые нам не могут быть понятны, потому что мы носим их в самих себе»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Навиль Э. Вопрос о зле. С. 184.

¹⁹⁶ Навиль Э. Вопрос о зле. С. 21.

Ключевыми категориями, которые позволят свершиться этому изменению, согласно лекциям швейцарского проповедника, должны стать добро и долг.

3.3. Теория «нравственного долга»
в творческой истории цикла «Праведники».

*Перед лицом закона, закона совершенного,
где праведники? Их нет, нет ни одного.*
Ж.Э. Навиль. Вопрос о зле.

Обращение к идеям Ж.Э. Навиля, в том числе интерпретация идеи «нравственного долга» нашло отражение во взглядах Н.С. Лескова 1870-1880-х гг. Нельзя утверждать, что влияние Э. Навиля на мировоззрение Н.С. Лескова было чрезвычайно масштабным, скорее, можно вспомнить использованный самим писателем по поводу отношения к идеям Л.Н. Толстого глагол «совпал». Так, к вопросам *долга* Лесков обращался и в более ранних произведениях, например, рассказе «Павлин» или рецензии «Характер. Сочинение Самуила Смайльса. Перевод с английского. СПб. 1872 г.»¹⁹⁷. С нашей точки зрения, правомерно говорить о близости взглядов швейцарского проповедника и русского писателя, следовательно, и ставить вопрос об отражении взглядов Навиля в произведениях Н.С. Лескова. В частности, нам представляется значимым проследить характер отражения идей Э. Навиля в творческой истории цикла «Праведники».

Как отмечала И. Мюллер де Морог¹⁹⁸, образ Марьи Степановны из рассказа «Совместители» представляет собой весьма сложную, не патетическую, но и не сниженную интерпретацию идеи долга в том смысле, который вкладывал в это понятие Э. Навиль: «Воля оказывается хорошей, когда долг исполнен». Однако представления Навиля о долге намного сложнее. В своих «лекциях» он выделяет «три рода добра: долг, или добро совести; радость, или добро сердца; порядок, или добро рассудка», – выводя отсюда общее определение добра: «добро это то,

¹⁹⁷ Русский мир. 1872. №222 (27 августа). С. 2.

¹⁹⁸ Мюллер де Морог И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 1998. С. 442-453.

*что должно быть»*¹⁹⁹. Эта мысль доказывается на противопоставлении двух мнений: «Истинная мудрость говорит нам также, что душа, призванная принести в жертву долгу все внешние наслаждения, может найти в одном исполнении долга радость выше всех других радостей. Опыт жизни подтверждает эти указания мудрости, – и человек, пресыщенный порочными удовольствиями, получив к ним отвращение и естественным образом возвращается к чистым радостям, которые составляют часть его назначения. <...> Но часто утверждалось другое, – будто можно вырвать из души нашей желание счастья и довести нас до состояния совершенного бескорыстия»²⁰⁰. На первый взгляд кажется, что мысль эта противоречит установкам христианства, которое издревле утверждает отказ от эгоистических соображений, бескорыстие, предельный альтруизм и т.д. Однако теория Навиля – это не отказ от счастья во имя идеи нестяжательства, а как раз утверждение высшей радости через выполнение своего долга. Нам кажется, что такое понятие о долге помогает понять формирование замысла цикла «Праведники» и прояснить его творческую историю. Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных проблеме «праведничества» и одноименному циклу, история публикации произведений, входящих в цикл, насколько нам известно, прослежена не была.

Итак, истоки цикла, как правило, связываются с уже цитировавшимся письмом Н.С. Лескова к П.К. Щебальскому, а к «праведникам» нередко применялась та формула, которая представляла собой жизненное кредо несозданного Лесковым образа еретика Форносова: «Умный, начитанный и свободомысленный духовный христианин, прошедший все колебания ради искания истины Христовой и нашедший ее только в одной душе своей».

Общий набор черт, которые были ключевыми и присущими всем героям этого цикла указаны в работах большинства исследователей, несмотря на различия выбираемых ими методов исследования (типологического, историко-

¹⁹⁹ Навиль Э. Вопрос о зле. СПб, 1871. – с. 6.

²⁰⁰ Там же, с. 5.

литературного, анализа концептов и т.п.). Так или иначе к анализу произведений, вошедших в цикл и (или) тематически примыкающих к нему, обращались Л.П. Гроссман, В.А. Гебель, Д.С. Лихачев, Е.М. Пульхритудова, Ю.И. Селезнев, А.А. Горелов, В.С. Семенов, И.В. Столярова, И.П. Видуэцкая, Г. Гунн, В.Ю. Троицкий, А.Б. Румянцев, А.А. Новикова, Л.А. Аннинский, М.М. Дунаев, Н.Н. Старыгина, Е.А. Терновская, Г.А. Шкута²⁰¹ и мн. др. Мы не видим необходимости давать обзор посвященной «праведническому» циклу литературы, укажем лишь, что этот обзор неоднократно предпринимался как в монографиях, так и в диссертациях на данную тему²⁰². Отправной точкой мирозерцания лесковских праведников

²⁰¹ Гроссман Л.П. Жизнь – творчество – поэтика. М., 1945; Гебель В.А. Н.С. Лесков: В творческой лаборатории. М., 1945; Лихачев Д.С. Особенности поэтики произведений Н.С.Лескова // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984; Пульхритудова Е.М. Достоевский и Лесков: К истории творческих взаимоотношений // Достоевский и русские писатели. М., 1971; Селезнев Ю.И. Лесков и Достоевский // В мире Лескова. М., 1983.; Горелов А.А. Лесков и народная культура. Л., 1988; Семенов В.С. Николай Лесков. Время и книги. М., 1981; Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. Л., 1978; Видуэцкая И.П. Николай семенович Лесков. М., 1979; Гунн Г.П. Лесков и Нил Сорский // Святые и святые северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 62-66; Троицкий В.Ю. Лесков – художник. М., 1974; Румянцев А.Б. Н.С. Лесков и русская православная церковь // Русская литература. 1995. №1. С. 212-217; Новикова А.А. Художественное богопознание в творчестве Н. С. Лескова // Евангельский текст в русской литературе. Петрозаводск; СПб., 2011. Вып. 6. С. 97-111; Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. СПб., 2012; Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература. М., 2003; Старыгина Н.Н. Образ праведника как художественное воплощение христианской концепции человека // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М., 1998. С. 112-121; Терновская Е.А. Лесковская концепция "праведничества" в оценке современной критики // Проблемы моделирования в развивающихся образовательных системах. Мичуринск, 2004. С. 250-152; Шкута Г.А. Актуализация сюжета о праведнице в творчестве Н.С. Лескова (на материале повести «Житие одной бабы») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск, 2005. Ч. 2. С. 151-154.

²⁰² Например, Долинина И.В. Н. С. Лесков 1870-х гг. : Тип художественного мышления и динамика жанров: дисс... канд. филолог. наук. Иваново, 2001; Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова 1870-х гг.: дисс... канд. филолог. наук. Волгоград, 1999;

называют идею «деятельного и самоотверженного добра»²⁰³; из которой вытекает практическое понимание христианского вероучения; при этом нравственные ориентиры «праведников» органичны идеалам русской культуры и имеют социально-гражданский характер. «Праведникам» свойственны миролюбие, независимость от общественного мнения. Нередко во главу угла ставилось «благочестие» героев, их приверженность религиозным заповедям. На основе анализа концепта «праведник» в русском языке в соотношении с его индивидуально-авторским употреблением, И.В. Долинина выделяет семантические компоненты, основанные на значении «ментальной категории *праведник*, такие как трудолюбие, честность, справедливость, активная доброта; и индивидуально-авторские значения, к которым она относит одаренность, артистичность, фольклорность²⁰⁴.

И.В. Столярова, обращаясь к анализу образов «праведников», следует за пониманием их как «маленьких великих людей», пользуясь определением, данным М. Горьким, и предлагает следующее понимание их жизненной философии: «<Люди>, которые и в самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах оказываются способными сохранить свою духовную самобытность, независимость характера, а главное – активно творить добро, вступая в неравный поединок с общим порядком вещей»²⁰⁵.

Цикл «Праведники» в окончательном виде сложился и оформился в творчестве Н.С. Лескова только в 1889 году, когда был издан второй том его прижизненного собрания сочинений. «Этому тому своих сочинений я придаю

Терновская Е.А. Проблема "праведничества" в прозе Н.С. Лескова 1870-1880-х годов: дисс... канд. филолог. наук. Мичуринск, 2006.

²⁰³ Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества. // В мире Лескова. М., 1983. С. 197.

²⁰⁴ Долинина И.В. Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н.С. Лескова // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. Иваново, 2010. Т.1. №1. С. 67-73.

²⁰⁵ Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. Л., 1978. С. 180.

наибольшее значение», – признавался писатель своему биографу А.И. Фаресову²⁰⁶. Отметим, что опубликованный в том же 1889 году рассказ «Фигура» выходит уже с подзаголовком «Из воспоминаний о праведниках»²⁰⁷. Слово «воспоминания», здесь, с нашей точки зрения, имеет двойное значение: с одной стороны, описываемые в рассказе события отнесены к периоду более чем полувековой давности, поэтому повествование – это воспоминание о них, а в рассказе можно отметить черты мемуарной литературы. С другой стороны, это и некая дань автора написанным им когда-то рассказам, его собственное воспоминание о созданной им литературной традиции, типе героя, который уже тогда осознавался как его, «лесковский».

Цикл 1889 года составили десять рассказов: «Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Русский демократ в Польше», «Несмертельный Голован», «Инженеры-бессребреники», «Левша», «Очарованный странник», «Человек на часах», «Шерамур», с предшествовавшим им предисловием. До опубликования этого тома рассказы эти входили в различные сборники и составляли различные циклы. Укажем известные нам прижизненные (до издания «Собрания сочинений») публикации произведений, вошедших в цикл:

«Однодум»: Еженедельное новое время. 1879. Т. III. №№37-38 и 39. С. 641-660 и 769-778. (под общим названием «Русские антики» и с подзаголовком «Из рассказов о трех праведниках». Однодум (очерк)). Отдельное издание «Три праведника и один Шерамур» СПб., 1880 (1-е изд.); СПб., 1886 (2-е изд.).

«Пигмей»: Гражданин. 1876. №14 (с подзаголовком «Три добрые дела («Из былого»)). Отдельное издание «Три праведника и один Шерамур» СПб., 1880 (1-е изд.); СПб., 1886 (2-е изд.).

²⁰⁶ Фаресов А.И. Против течения (Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем). СПб, 1904. С. 381.

²⁰⁷ См. Труд. 1889. Т. 3. №13.

«Кадетский монастырь»: Исторический вестник. 1880. Т.1. №1. С. 112-138 (с подзаголовком «Из рассказов о трех праведниках»)²⁰⁸; Детское чтение. 1880. Т. XXXV. №4 (перепечатка в извлечении). Отдельное издание «Три праведника и один Шерамур» СПб., 1880 (1-е изд.); СПб., 1886 (2-е изд.).

«Русский демократ в Польше»: Исторический вестник. 1880. Т.1. №3. С. 533-546 (с подзаголовком «Из рассказов о трех праведниках»); сборник «Три праведника и один Шерамур». СПб., 1880. Отдельное издание «Три праведника и один Шерамур» СПб., 1880 (1-е изд.); СПб., 1886 (2-е изд.).

«Несмертельный Голован»: Исторический вестник. 1880. Т.III. №12. С. 641-678 (с подзаголовком «Из рассказов о трех праведниках»). В сборнике «Русская рознь. Очерки и рассказы». СПб., 1881 (вместе с «Дворянский бунт в добрынском приходе», «Ракушанский меламед», «Белый орел», «Чертогон», «Император Франц Иосиф и Анна Фетисовна», «Христос с гостях у мужика», «Русские демономаны», «Обнищеванцы», «Святительские тени», «Царская коронация»)

«Инженеры-бессребреники»: Русская мысль. 1887. №11 (с предисловием и подзаголовком «Из историй о трех праведниках»). Отдельное издание: СПб., 1888.

«Левша»: Русь. 1881. №№49, 50 и 51. С. 20-23, 19-21, 19-21. (под заглавием «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» и с подзаголовком «Цеховая легенда»). Отдельное издание (с сохранением первоначального названия) – СПб., 1882.

«Очарованный странник»: Русский мир. 1873. 8 августа – 19 сентября (С названием «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения. Посвящается Сергею Егоровичу Кушелеву»). Отдельное издание – СПб., 1874. В сборнике «Повести и рассказы» СПб., 1877. Кн. 2.

²⁰⁸ В «Историческом вестнике» появились также не вошедшие в «Собрание сочинений»: 1. Один из трех праведников. К портрету Андрея Петровича Боброва. // Исторический вестник. 1885. Т. XIX. №1. С. 80-85. 2. Кадетский малолеток в старости. К истории «Кадетского монастыря». // Исторический вестник. 1885. Т. XX. №4. С. 111-131.

«Человек на часах»: Русская мысль. 1887. №4 (под заглавием «Спасение погибавшего»). В сборнике «Повести и рассказы» (под заглавием «Спасение погибавшего») СПб., 1887. Кн. 1 (вместе с легендой «Скоморох Памфалон»)

«Шерамур»: Новое время. 1879. №№ 1352, 1359, 1361, 1362, 1366. (Под общим названием «Дети Каина. Типические разновидности. Очерк первый. Шерамур. Эпизодические отрывки фатальной истории»). Отдельное издание «Три праведника и один Шерамур» СПб., 1880 (1-е изд.); СПб., 1886 (2-е изд.).

Нам представляется очевидным, что рассказы, составившие в итоге единый цикл, распадаются на две группы. К первой можно отнести произведения, так или иначе появлявшиеся с подзаголовком или под заглавием «Из рассказов о трех праведниках»: сюда относятся «Одnodум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Русский демократ в Польше», «Шерамур». Ко второй – «Левша», «Очарованный странник» и «Человек на часах». Промежуточное положение занимают рассказы «Инженеры-бессребреники» и, отчасти, «Несмертельный Голован». Очевидно, что рассказы первой группы, были опубликованы в «Новом времени» и «Историческом вестнике», изданиях, так или иначе связанных с Алексеем Сергеевичем Сувориным. Самым ранним из них является «Пигмей» (1876 г.), остальные написаны в 1879-1880 гг. Именно в этих рассказах формируется тот тип героя, который войдет в историю литературы как «праведник». Факт опубликования большинства из этих рассказов в беллетристическом разделе «Исторического вестника», журнала, основанного С.Н. Шубинским и А.С. Сувориным в 1880 году с целью «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе». Несложно сделать вывод о том, что публикуя цикл произведений о «Кадетском монастыре», рассказы «Русский демократ в Польше» и «Несмертельный Голован» в разделе беллетристики журнала, посвященного истории, Лесков тем самым уже давал читателю ключ к прочтению своих произведений как отражающих исторический дух эпохи. Подобное понимание «праведничества» в контексте патриотизма высказывалось Н.С. Лесковым и в более ранних работах:

Содом и Гомор, по библейскому сказанию, не были бы сняты с лица земли, если бы в них нашлось хоть пять праведников. Наша история с различнейших ее эпизодах показывает нам, что в отечестве нашем в смутные времена, которые не могут повториться, не было угла, где бы не являлось пять праведных перед идеею русского патриотизма. На Соловках, в Коле, на Мангышлагском полуострове, в тайгах Сибири и в фольварках в Польше – русские люди умирали за Россию. Прославленный, но апокрифический Сусанин и безвестный, но несомненный кантонист Фаевый, о котором мы недавно рассказывали в нашей газете, дышали одним великим духом безграничной преданности отчизне, – духом, которому нет одоления. <...> Но может быть, и наши праведники перед родиною теперь не делают всего того, что они должны бы делать, пламеня своею чистою любовью к родине²⁰⁹.

«Однодум» и «Шерамур» были опубликованы в суворинском «Новом времени». Однако важно учитывать тот факт, что современниками эта газета воспринималась как одно из наиболее характерных для эпохи изданий: «Эта газета < «Новое время» - О.М.>, во-первых, есть *порождение ближайшей, непосредственно переживаемой нами эпохи, прежде всего отличающейся отрешенностью от всяких традиций, начинающей жить «с начала»*, во-вторых, она больше других суется, мечется в глаза, так что внимание более всего привлечено ею, и в-третьих, из всех членов литературной стражи <...> «Новое время» всех аккуратнее и усерднее» (курсив наш – О.М.)²¹⁰.

«Инженеры-бессребреники» также впервые были напечатаны с подзаголовком «Из историй о праведниках», но написаны и опубликованы значительно позже. Возможно, изменение слова «рассказы» на слово «история» в подзаголовке было вызвано именно тем, что «Русская мысль», в которой они были опубликованы, была журналом литературно-политическим, а не историческим, в то время как писателю было важным подчеркнуть связь его

²⁰⁹ Русские общественные заметки // Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 10. – М., 2007. – С. 183.

²¹⁰ Типы современных газет. Новое время. // Слово. 1879. №8 (август). С. 229-230.

героев с духом времени: «Все эти три воспитанника инженерного училища представляют собою очень любопытные характеры, а судьба их имеет общий интерес. Во всяком случае в ней есть многое, что может пригодиться как данные для характеристики тридцатых годов, а также и для уяснения современных разномыслий по поводу мнений о значении школы и о независимости человеческого характера» (2, 136). О «духе времени» говорил Н.С. Лесков и в опубликованном им «Предисловии»: «Все они <рассказы> представляют нам события не в том сухом, хотя и точном, виде, в каком их представляют исследования и документы, а мы видим их тут такими, какими они казались современникам, составлявшим себе о них представления под живыми впечатлениями и дополнявшим их собственными соображениями, домыслами и догадками. <...> В том, что они *сочиняли* о людях под влиянием своих склонностей и представлений, можно почерпнуть довольно верное понятие о вкусе и направлении мыслей самих сочинителей, а это, без сомнения, характеризует дух времени» (2, 411)

Рассказы, вошедшие во вторую условно выделенную нами группу публиковались в журналах «Русь», «Русский мир» и «Русская мысль». Герои этих рассказов были важны Н.С. Лескову скорее как выразители русского народного характера, чем как воплощение духа той или иной исторической эпохи (разграничение это в достаточной мере условное и, скорее, показывает поставленные автором акценты, нежели проводит четкую границу). Самый ранний из этих рассказов, «Очарованный странник» был написан еще до заграничного путешествия 1875 года. «Сказ о косом Левше...» был задуман, если верить авторским свидетельствам, еще в 1878 году, однако написан и опубликован только в 1881 г. Наконец, рассказ «Человек на часах» («Спасение погибавшего») был написан почти на десятилетие позднее рассказов, вошедших в первую группу, и первоначально был опубликован вместе с произведениями, составившими впоследствии цикл «Византийские легенды». После создания «Левши» Н.С. Лесков отмечает проблемно-тематическую и жанрово-стилистическую близость рассказа с «Очарованным странником» и задумывает

издание сборника под названием «Молодцы»: «Затем «Очарованного странника» сейчас же (к зиме) надо издать в одном томе с «Левшой», под одним общим заглавием: «Молодцы». Они пойдут и не могут не идти теперь»²¹¹.

Замысел издания этого сборника, судя по всему, так и не был реализован, возможно, из-за тех самых причин, которые перечислял сам Н.С. Лесков в указанном письме, хотя они и казались ему несущественными: «Вместе они составят 12-13 листов и могут идти по 1 рублю, не мешая остатку «Левши» (по 40 коп.) и «Страннику» (по 60). Притом 120 экз. «Странника», конечно, до тех пор и распродадутся. «Странник» убит или, лучше сказать, заморен глупым издателем, томившим его восемь лет в погребе»²¹².

В том же году (1886), когда задумывалось издание сборника «Молодцы», вышло второе издание сборника «Три праведника и один Шерамур», что доказывает, что в середине 1880-х в творческом сознании писателя эти два цикла еще не совмещаются, а их главные герои еще не воспринимаются как равнозначные представители «Праведничества». Мы не можем указать ни одного сборника, в котором рассказы из разных групп издавались бы под одной обложкой. Возможно, ключом к пониманию их дальнейшего объединения может служить публикация под одной обложкой (первой книге трехтомного издания «Повести и рассказы» 1887 года) рассказов «Спасение погибавшего» и «Скоморох Памфалон». В «Собрании сочинений» 1889-1890 гг. «Человек на часах» войдет в цикл «Праведники», «Скоморох Памфалон» – в цикл «Византийские легенды». Исследователями отмечалось, что если «праведники» являются выразителями русского национального характера, то в переложениях из Пролога Н.С. Лесков пытается исследовать феномен «праведничества» на материале мировой истории (периода раннего христианства). Несомненно, что и главный герой «Человека на часах», и сам скоморох Памфалон объединены общей чертой: они оба ставят под угрозу свое благополучие и даже собственную безопасность ради помощи

²¹¹ Из письма А.С. Суворину 8 апреля 1886 г., Петербург.

²¹² Там же.

ближнему, т.е. являются собой пример жертвенной деятельной христианской любви к ближнему.

Для того, чтобы объяснить, что привело к объединению всех представленных во втором томе «Собрания сочинений» рассказов в единый цикл, необходимо понять, на чем строился первоначальный цикл, дважды переиздававшийся под названием «Три праведника и один Шерамур». В него вошли рассказы «Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Русский демократ в Польше», «Шерамур».

С нашей точки зрения, ключевой идеей Н.С. Лескова, которая объединила данные рассказы в цикл, стала идея долга, представляющая собой интерпретацию философии Жюль Эрнеста Навиля. Постараемся доказать нашу точку зрения.

Главный герой первого из рассказов, «Однодум», Алексашка Рыжов, чудак, «начитавшийся Библии» и пытающийся выстроить свою жизнь по ее заветам. В рассказе дана прямая авторская характеристика героя, позволяющая увидеть непосредственную переключку с идеями Э. Навиля: «Рыжов нимало не заботился, что о нем думают: он честно служил всем и особенно не угождал никому; в мыслях же своих отчитывался единому, в кого неизменно и крепко верил, именуя его учредителем и хозяином всего сущего. *Удовольствие Рыжова состояло в исполнении своего долга*, а высший духовный комфорт – философствование о высших вопросах мира духовного и об отражении законов того мира в явлениях и в судьбах отдельных людей и целых царств и народов» (2, 18). Конфликт рассказа строится на противостоянии верного не только букве, но и духу закона квартального Рыжова – остальным солигаличским чиновникам. Сюжетная ситуация, лежащая в основе рассказа, явно отсылает к «Ревизору» Н.В. Гоголя: герои раскрываются в ожидании некоего высокопоставленного чиновника, от приезда которого зависит их будущее положение, при этом боятся они не столько того, что вскроются нарушения закона, сколько того, что высокопоставленное лицо разозлится из-за недолжного приема («губернатор вскоре же предпринял объезд всей губернии, затрепетавшей странным трепетом от одних слухов о его "надменной фигуре"» (2, 19)). Здесь и возникает конфликт между пониманием

долга Алексашкой Рыжовым и общераспространенным представлением о границах дозволенного: твердо убежденный, что «за все его касающее ему "царь жалует, а мзду брать Бог запрещает"» (2, 12), герой не имеет возможности сшить себе «форменное платье», соответственно, ему не в чем встречать губернатора. Как представляется окружающим, несоответствующий внешний вид должен разозлить приехавшего губернатора, но никакой возможности убедить Рыжова сменить одежду нет. Временный выход был найден, но и он не помог (Рыжов испачкался из-за окрашенного шлагбаума). Кульминацией рассказа становится разговор между губернатором Ланским и квартальным Рыжовым, где высказываются основные убеждения Рыжова, в соответствии с которыми он строит свою жизнь: смирение, отказ от взяточничества, стремление исполнять свой долг в любой ситуации, уважение и постоянное чтение Священного Писания. В диалоге с губернатором был затронут и вопрос власти: Рыжов откровенно признается в своем неуважении к представителям власти, потому что последние «ленивы, алчны и пред престолом криводушны» (2, 31). Вслед за этим следует вопрос: «Вы *тоже* пророчествуете?» (курсив наш). Рыжов же считает более подходящим другой глагол: он «по Библии ясно выводит, что следует» (2, 31). Сам герой не считает себя пророком, которому явлено откровение свыше, но он считает, что может постигать высший порядок – «что следует» (отметим своеобразную переключку: по определению Ж.Э. Навиля добро – «это то, что должно быть»; для Однодума же вывод – это то, «что следует», т.е. герой выводит для себя своеобразные закономерности, по которым действует «высшее доброе начало»).

В рассказе прослеживается противопоставление понятий «закон» и «долг»: «закон» представляется внешним, условным, созданным людьми («Городничий судил о нем русским судом: "Закон – что конь: куда надо – туда и вороти его"» (2, 12)), долг же заповедан Библией, это установление, данное Богом и поверяемое совестью. Отчасти поэтому Алексашка Рыжов сторонится всех проявлений внешнего закона: он избегает стола городничего, продолжая сидеть за своим столом, испачканным чернилами, и «даже не садился на городнический стул

перед зеркало» (зерцало при этом – символ власти, данной людьми, а не Богом). Долг же его определяется Богом – именно так объясняет герой свой поступок в церкви: «Что в храме сделал, то должен был учинить, цареву власть оберегая».

Кульминацией диалога можно считать вопрос губернатора о том, не боится ли Рыжов ссылки или наказания, – на который следует уверенный ответ Рыжова о том, что жить хуже (в материальном отношении) невозможно. Однако в этом и состоит счастье Рыжова, находящего радость в исполнении долга, а не приобретении материального благосостояния. Н.С. Лесков, в соответствии с концепцией Э. Навиля, показывает, что истинная радость и исполнение долга глубоко взаимосвязаны, что не может быть бескорыстия без осознания собственного счастья. Можно вспомнить также, что основные обязанности квартального Рыжова состояли в том, что он «должен был установить и держать добрые порядки: блюсти вес верный и меру полную и утрясенную». Таким образом, в рассказе можно увидеть истолкование Лесковым представления о всех трех сторонах добра, о котором писал Навиль: долг, основывавшийся на чистой совести Рыжова, радость и довольство, залогом которых стали нестяжательство и справедливость, порядок, установлением которого как во внешнем мире, так и внутри самого себя, непрестанно был занят герой. Символичен конец рассказа: герою пожалован Владимирский крест, дающий право на дворянство. Несомненно, губернатор Ланской понял, в чем состояло счастье Однодума, поступавшего так, *как должно быть*, так как дворянство исторически русское сословие, служившее лично государю. В этом поступке Ланского отсвечивает иронический подтекст: окружающие подозревали в Однодуме еретика, сектанта, так как многие сектанты исповедуют немоление за царя и власть. Однако будучи отмечен же государственной властью, Однодум оказывался вне подобных подозрений. Однако такой вариант трактовки финала рассказа менее вероятен, так как вопрос о сектантстве Рыжова по сюжету рассказа был решен протопопом еще «при прежнем губернаторе».

Не менее ярко особенности представлений о долге проявляются и во втором рассказе цикла, «Пигмее». Главный герой, в служебные обязанности которого

входило распоряжаться исполнением публичных телесных наказаний, представлен Лесковым как один из тех, кого можно отнести к разновидности типа «маленького человека», созданного русской литературой. Будучи полицейским чиновником, он имеет низкое социальное положение, невысокий чин, обычную семью, не стремится к почестям, славе, открытиям и т.д. Однако рассказ повествует нам о ситуации, в которой герой, «вместо того, чтобы благоразумно долг свой исполнить – наделал глупостей» (2, 34-35).

Конфликт вновь строится на противоречии служебного долга и долга нравственного (отметим, что этот конфликт, как неоднократно отмечалось, лежит в основе многих рассказов Н.С. Лескова – «Человек на часах», «Фигура» и др.). Для разворачивания этого конфликта писатель прибегает к использованию одного из своих любимых приемов – повторению ключевого слова. Внешняя сторона конфликта сводится к попытке полицейского чиновника освободить от наказания француза, которого он считает невиновным. Однако в основе сюжета лежит внутренний нравственный конфликт между осознанием измены государству и «Божьей волей»: «Тут я во всем виноват, потому что я *изменник* <...> я, действительно, в то время так чувствовал, что *это Богу угодно* совершить то, что я делаю» (2, 39; курсив Н.С. Лескова). В финале рассказа ключевые понятия появляются вновь, хоть и не выделенные курсивом: «... я, как назад в свой номеришка ехал, уже сам себе изменил <...> Как же за эти незаслуженные ощущения Бога хоть слезою не поблагодарить!» (2, 46). Очевидно, что ощущая себя орудием Бога, Пигмей доверяет свою судьбу Его воле, что приводит к испытанной им радости. Сходные мысли неоднократно высказывались и Э. Навилем: «Но сила сотворенная должна согласоваться с планами силы Творческой. Мы должны говорить: «Да будет воля Твоя»; и в этом состоит *святость!* Желать того, чего Бог желает, значит желать исполнения безусловного порядка; в этом состоит святость, а также и блаженство. Блаженство, счастье есть свет, истекающий из исполнения долга»²¹³.

²¹³ Навиль Ж.Э. Вечная Жизнь. М., 1862. С. 122.

В рассказе «Кадетский монастырь» понятие долга положено в основу авторской характеристики каждого из трех «праведников». Так, характеризуя директора Перского, автор отмечает «настроение его души, проникнутой служебным долгом, но не знавшей служебного страха». Эконом Бобров и доктор Зеленский держались друг друга, пребывая в уверенности, что у каждого из них нет более драгоценной цели, чем благо кадетов.

Интересно, что в «Кадетском монастыре» в центре конфликта между нравственным долгом и внешними обстоятельствами оказывается церковнослужитель, отец архимандрит. Главный директор кадетских корпусов, генерал Демидов, чрезвычайно суеверный, хотя и гордившийся своей показной религиозностью человек, становится объектом сатиры в проповеди оставшегося безымянным отца архимандрита. Будучи до конца верен своему долгу – сохранять незыблемый порядок в церкви и внушить воспитанникам подлинные представления о нравственной, а не ритуально-обрядовой сути религии, архимандрит идет на открытый конфликт с Демидовым, понимая, что тем самым может серьезно повредить своей карьере.

«Русский демократ в Польше» – один из самых пессимистичных и даже трагичных рассказов цикла. Попытка Ивана Фомича Самбурского оригинальным образом, с помощью самоваров, предотвратить новые восстания в Польше, оказывается обречена на провал. В основе конфликта рассказа вновь оказывается проблема нравственного выбора: если в предыдущих произведениях конфликт строился на противопоставлении служебного и нравственного долга, то в «Русском демократе» мы видим конфликт между честным исполнением долга и эгоистичной выгодой, которая вынуждает этим долгом пренебречь.

Наконец, завершающий рассказ цикла «Шерамур» (во втором томе «Собрания сочинений» он также останется последним) вновь обращает внимание читателя на сложную взаимосвязь между понятиями долга и удовольствия, тем самым замыкая кольцевую композицию цикла. В образе Шерамура из одноименного рассказа Лесков показывает результат соединения понятий долга и удовольствия, определяющий своеобразие характера персонажа, мотивирующий

все его поступки: «Кормить – это, по его мнению, для каждого было не только долг, но и удовольствие» (2, 359). Первоначальный подзаголовок – «Дети каина» отсылает читателя к опубликованному в 1876 году историческому очерку Д. Мордовцева «Ванька Каин»²¹⁴. Соотношение двух текстов могло бы стать предметом отдельного рассмотрения, однако мы его касаться не будем, отметим лишь, что в образе *простого* во всех отношениях Шерамура также можно увидеть отголоски идей Навиля, по мнению которого «чувство долга и божественного порядка – основные начала нашей природы»²¹⁵. Н.С. Лесков же показывает, что идея высшего порядка, пусть и примитивно понятого – «чтобы все были сыты» – характерна для самого простого русского человека, который, даже оказавшись сам в крайне сложной ситуации, думает в первую очередь о своих ближних, а не о собственном благополучии, что вновь отсылает нас к используемой Э. Навилем метафоре Бога как отца: «Бог есть отец *всех*, и в его царстве нет места радостям эгоистическим»²¹⁶.

Таким образом, с нашей точки зрения, первоначально в основе цикла «Праведники» лежала идея долга, на формирование которой в творчестве Н.С. Лескова повлияли представления протестантского проповедника Жюля Эрнеста Навиля. В рассказах цикла Лесков опровергает мнение Навиля о том, что истинное праведничество невозможно на земле. Создавая образы героев-«праведников», Лесков характеризует их мировоззрение и жизненную позицию с учетом представлений Ж.Э. Навиля о «нравственных основах религии». Идеи швейцарского проповедника повлияли как на принципы характерологии, так и на композиционную структуру сборника «Три праведника и один “Шерамур”». Если Александр Рыжов, главный герой «Однодума», своим образом жизни доказывает возможность достижения нравственного идеала в том виде, как он мыслится Навилю, то в изображении Шерамура, героя последнего рассказа, использованы элементы гротеска.

²¹⁴ Мордовцев Д.Л. Ванька Каин: Исторический очерк. СПб, 1876.

²¹⁵ Навиль Ж.Э. Вечная Жизнь. М., 1862. С. 125.

²¹⁶ Навиль Ж.Э. Вечная жизнь. М., 1862. С. 73.

В дальнейшем писатель, судя по всему, уделяет все меньшее значение идее долга, которая уступает по своей аксиологической значимости идее жертвенной любви. Объектом внимания Лескова-художника становится духовный подвиг, «*возвышающийся над чертой* простой нравственности», о чем он и говорит в предисловии ко второму тому «Собрания сочинений» – циклу «Праведники». Заметим, что впоследствии в личной переписке Лесков по-своему уточнит данное в «Предисловии» к циклу «Праведники» понимание того, что, по его мнению, «свято Господу». Откликаясь на известие о смерти матери, он пишет: «Она <Клотильда Даниловна, вторая жена брата Алексея Семеновича> не останавливалась на том, что только должно, но смело *переходила за черту должного* и совершала дела, которые может совершать одна любовь, и любовь истинная и самоотверженная» (курсив наш – О.М.), – оговариваясь затем, что отношения между матерью и невесткой были очень сложными. Речь здесь идет о любви в том смысле, который вкладывал в нее писатель, т.е. об умении «побеждать в себе зло добром». Подобное «умение» характерно не только для «праведников», но и для большинства героев Н.С. Лескова в произведениях 1870-1890х гг., и, с нашей точки зрения, не будет ошибочным сказать, что возникает оно в творчестве писателя под влиянием «хорошо прочитанного Евангелия».

3.4. Интерпретация идей западноевропейской христологии
в творчестве Н.С. Лескова
(Ф.В. Фаррар, Ф. Шаф, Р. Голлард).

Интерес Лескова к проблемам христологии был обусловлен полемикой, развернувшейся в западноевропейской религиозной философии между исследователями образа Иисуса Христа. По-видимому, не случайно в очерке Н.С. Лескова «Великосветский раскол» ряд имен четырех авторитетных теологов, занимавшихся данной проблемой (Ж.Э. Навиля, Р. Голларда, Ф. Шафа и Ф.В. Фаррара), повторяются дважды. Поскольку «Великосветский раскол» не переиздавался и не комментировался в XX веке, мы находим необходимым охарактеризовать идеи и положения, ими высказанные.

Под Голлардом, судя по всему, следует понимать Рожера Оллара (Roger Hollard) (1801, Лозанна – 1875, Париж), также французского пастора. Основная его работа – «Essai sur le Caractère de Jésus-Christ»²¹⁷, в которой он стремится опровергнуть распространенные и популярные теории о том, что Иисус Христос в действительности не существовал, что Его образ – лишь плод человеческой фантазии, основываясь при этом на анализе четырех Евангельских текстов. Вторая цель исследования – выявить наиболее характерные черты личности Иисуса. Вот тот вывод, к которому Голлард пришел: «Obéir à Dieu et se donner aux hommes, c'est une seule et même chose, l'absolue piété est en même temps l'absolue charité. Dire que Jésus est le vrai Fils de Dieu, vivant parmi les hommes, et dire qu'il est, par son amour absolu, le sauveur de l'humanité, c'est rendre, en un pléonisme sublime, tout le caractère de Jésus»²¹⁸. Судя по всему, с исследованиями Голларда

²¹⁷ Hollard R. Essai sur le Caractère de Jésus-Christ. Paris, 1866.

²¹⁸ Повиноваться Богу и жить ради людей, это одно и то же, совершенная набожность и в то же время совершенная любовь к людям. Сказать, что Иисус – истинный Сын Бога, живущий среди людей, и сказать, что Он, благодаря своей совершенной любви, Спаситель человечества, значит

Лесков мог познакомиться во время своего второго заграничного путешествия, т.к. их переводы на русский язык нам неизвестны.

Филипп Шафф (1819, Швейцария – 1893, США) – протестантский проповедник, получивший образование в Германии, представитель мерсерсбургского богословия, стремившегося к установлению межцерковных контактов и даже к возрождению межцерковного единства. Известен как автор «History of the Christian Church» («Истории христианской церкви») и «Creeds of Christendom» («Вероучительных символов христианства»). Впрочем, оба труда были опубликованы позднее «Великосветского раскола» (1882-1884 и 1877), поэтому, скорее всего, он мог быть известен Лескову по отдельным статьям и проповедям. Придерживался исторического подхода в теологии, но критиковал церковь за оторванность от жизни, схоластический подход к преподаванию и т.п.

Фредерик Вильям Фаррар (1831 – 1903) – англиканский богослов, писатель, экзегет. Был проповедником при университетской церкви в Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории. Наиболее знаменитая его работа – «Жизнь Иисуса Христа», впервые переведенная на русский язык в 1876 году. Лесков мог быть знаком с этим исследованием и ранее, прочитав его на английском или французском языке (издано в 1874 году). В мемориальной библиотеке Н.С. Лескова сохранились издания произведений Ф.В. Фаррара, однако это более поздний перевод «Жизни Иисуса Христа» и других его сочинений²¹⁹.

выразить через плеоназм, всю полноту характера Иисуса. (перевод наш – О.М.). Указ.соч. Р. 154.

²¹⁹ Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. СПб., 1887. ОГЛМТ Инв. 610/228 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 197.; Фаррар Ф.В. Жизнь и труды Св. Апостола Павла. СПб., 1887. ОГЛМТ Инв. 610/230 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 198; Фаррар Ф.В. Жизнь и труды Св. отцов и учителей церкви. Очерки церковной истории в биографиях. СПб., 1891. ОГЛМТ Инв. 610/231 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 200. Заметим также, что современники называли эти «тузовские» (т.е. напечатанные в типографии Тузова) издания «роскошными». Они были действительно выполнены очень качественно как в отношении перевода (переводчиком выступил один из лучших богословов своего времени – Александр Павлович Лопухин), так и в отношении оформления книги и,

Итак, в тексте «Великосветского раскола» Лесков дважды противопоставляет Редстоку «Навиля, Шафа, Голларда и Фаррара». В связи с этим представляется значимым определить то, что объединяло взгляды богословов, принадлежащих разным церквям.

Полемикой с тюбингенской школой обусловлено внимание всех четырех исследователей к Иисусу Христу как исторической личности, Его земной биографии, Его чертах как Человека. Кирита взглядов Э. Ренана может быть сведена к опровержению двух тезисов: 1. Иисус Христос – порождение человеческой фантазии, он не мог быть исторической личностью. 2. (вытекающий из первого) Новый Завет был создан не ранее II века н.э., древнейшими текстами его являются Послания апостола Павла и Апокалипсис.

Одним их ключевых пунктов полемики был вопрос о сущности идеала и его роли в жизни человека. Отзвуки этой дискуссии можно увидеть в том эпитафье, который был предпослан «Великосветскому расколу». Уже в «Вечной жизни» Э. Навиля явно прослеживается полемика с идеями Эрнеста Ренана: «Различие добра и зла замещается различием обыденного и возвышенного; изящный вкус заступает место совести. *Новая* религия столь широка и так терпелива, что она принимает все, и самый грех, если он окрашивается блестящим колоритом, – все, и самый порок, лишь под условием благовидности и возвышенности²²⁰. Если Ренан во главу угла ставит чувство идеала, то, по Навилю, идеал не может существовать вне нравственности и постоянной кропотливой работы человека над

несомненно, не могли не привлечь внимания Н.С. Лескова, известного библиофила и коллекционера древних изданий.

Выписки из некоторых изданий переводов Ф.В. Фаррара встречаются в записной книжке Н.С. Лескова 1893-1894 гг.:

Обряд бракосочетания в 1 в. /65 г./ состоял в том, что мужчина и девушка обещались друг другу в верности у подножия креста /См. Фаррар. Онисим и Юния/

Поверье о «Упавшем образе» идет из Рима, со времен язычества: перед гибелью Нерона «Лары упали во время жертвоприношения» /Фаррар/ (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109).

²²⁰ Навиль Ж.Э. Вечная жизнь. М., 1862. С. 146.

самим собой, как духовной, так и телесной. Иными словами, в основе идеала Ренана лежит эстетический критерий, в основе идеала Навиля – идеал нравственный. Отсюда вытекают и утверждения последнего о том, что «созерцание нравственного закона рождает чувство, подобное тому, какое внушает вид неба»²²¹. Если допустить, что с произведениями Э. Навиля Н.С. Лесков познакомился еще до заграничного путешествия 1875 г., то можно предположить, что процитированной выше фразой может быть объяснен диалог между Дон Кихотом Рогожиным и Патрикеем Семенычем:

– Чего пиликаешь? Разве можно так скрипеть, когда теперь гудут, несясь в пространстве мировом, планеты?

Патрикей в этом сначала ничего не понял, но зато когда Дон-Кихот Рогожин нарисовал ему значки планет и, указав орбиты их движения, сказал:

– Ведь, понимаешь, каждая должна давать свой тон: вот эта меньшая, она тоненько свистит, а эта вот здоровая жужжит, как бомба, а наша тут землишка и себе альтом играет...

Патрикей не стал далее дослушивать, а обернул свою скрипку и смычок куском старой кисеи и с той поры их уже не разворачивал; время, которое он прежде употреблял на игру на скрипке, теперь он простаивал у того же окна, но только лишь смотрел на небо и старался вообразить себе ту гармонию, на которую намекнул ему рыжий дворянин Дон-Кихот Рогожин. (6, 52-53)

Наслаждавшийся ранее красотой музыкального звучания, т.е. эстетическими качествами музыки, Патрикеем Семенычем созерцает небо не просто любуясь его красотой, но стремясь к постижению гармонии мироздания.

В произведениях Н.С. Лескова 1880-1890х гг. Иисус Христос предстает прежде всего как историческая личность. Так, в «Великосветском расколе», говоря о восприятии проповедей лорда Редстока его поклонниками, цитируя письмо Ю.Д. Засецкой («Он никогда не страшит мучениями во аде, но <...> заставляет всякого внутренне сознаваться, какая в нас низкая неблагодарность – и

²²¹ Навиль Ж.Э. Вопрос о зле. СПб, 1871. С. 169.

тем шевелить благороднейшие чувства в сердцах слушателей»²²²), Лесков обращается к русскому духовенству с предложением взять эти слова «на заметку». При этом он ссылается на жизненный опыт самого Иисуса Христа: «уяснить это и употребить в пользу тех, которые, подобно двум первым ученикам Спасителя, тронулись с места и побрели за Ним на дом. Он обратился к ним и спросил: «что вам надобно?» (Иоан. 1, 38). Самый простой вопрос, которому надо подражать: надо узнать, *что им надобно*, и сделать для них то, что можно»²²³. Очевидно, что данный отрывок, представляющий скрытую, завуалированную критику современной православной церкви, преданной закостенелой традиции и нечуткой к духу времени, представляет читателю еще и Иисуса с человеческой стороны, в сфере личностных отношений – как чуткого и внимательного к ближним.

Данный фрагмент можно рассматривать как своеобразную реминисценцию одного из эпизодов «Жизни Иисуса Христа» Фредерика Фаррара. Прочитав его: «Услышавши звук их робких шагов и обратившись назад, чтобы посмотреть на тех, которые приближались к Нему, Иисус кротко спросил их: *что вам надобно?* Но какая глубина мысли в вопросе Спасителя, как он необходим для всех, кто приходит к Господу! Один из известнейших учителей, Бернард, имел обычай постоянно спрашивать себя: «Бернард, зачем ты здесь?» Вопрос этот истекал прямо из этого спокойного и простого вопроса: «что вам надобно?»²²⁴ В основе обоих фрагментов лежит интерпретация простоты и глубины заданного Иисусом вопроса. И Лесков, и Фаррар воспринимают его в одном контексте: вопрос «что вам надобно» ведет к постановке вопроса о назначении человека и смысле человеческой жизни. Мы не будем утверждать, что речь здесь идет о цитировании книги Фаррара, скорее, «Жизнь Иисуса Христа», прочитанная Лесковым, может быть воспринята как своеобразный «код чтения» данного фрагмента «Великосветского раскола».

²²² Лесков Н.С. Великосветский раскол. СПб, 1877. С. 57.

²²³ Лесков. Н.С. Великосветский раскол. СПб, 1877. С. 62.

²²⁴ Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1876. С. 154.

Первый пункт противопоставления Лесковым идей четырех западных проповедников лорду Редстоку связан с пониманием образа Иисуса и восприятием основ религии Нового Завета: «Пусть Навиль, Голлард, Шаф и Фаррар с их поражающей эрудицией и громадными талантами пишут что хотят о лице «Сына Марии»: пусть они стремятся одолеть обуревающие человечество сомнения; пусть они трудятся сколько хотят объяснить совершенство Божие в совершенстве «человека печали», – плотника из Назарета, глядя на которого человек может вознестись духом к самому Отцу веков, – это все пустяки; а вот ты объяви, что ты «возлюбил, воспел и обрел», и вот это и есть самое важное для человечества. Allilouja, allilouija, et je vous fais mon compliment. Обрели нечто!»²²⁵. В данном отрывке Иисус вновь предстает перед читателем как историческая личность: Он – сын Марии, плотник из Назарета. Лесков введет в свой текст метафору Фаррара «человек печали». Однако важнее всего, что здесь Лесков определяет те задачи, которые решаются трудами этих пастырей и которые, соответственно, вызывают уважение Лескова. С одной стороны, в словах Лескова прослеживается довольно распространенное в те времена утверждение о том, что апологетика – одна из наименее развитых областей в православной теологии. С другой стороны, и это намного важнее для Лескова, Навиль, Голлард, Шаф и Фаррар стремятся противостоять кризису религии, развеять человеческие сомнения, порожденные стремительным развитием науки, все возрастающей популярностью позитивизма и деизма. В позиции Лескова определен вектор религиозного совершенствования: через изучение и познание Иисуса можно развеять сомнения, объяснить «совершенство Божие», что и станет нравственным доказательством и обоснованием религии. Таким образом проявляется еще одно противопоставление учения Редстока и протестантской апологетики: в основе стремления к Богу, нравственного возрождения, лежит не чувственно-эмоциональная составляющая, а деятельность разума и совести – «изучение» и «познание». Что же касается метафоры «Человек печали», то в трудах по

²²⁵ Великосветский раскол. СПб, 1877. С. 22.

христологии, прежде всего работах Ф. Фаррара, она получает двоякий смысл: «Иисуса Христа называют «Человеком печали». Но это выражение мне кажется до некоторой степени ошибочным. Выражения «печаль» и «радость» слишком условны, и мы можем быть уверены, что если Его и сокрушали печали, печаль сочувствия к страждущим, – печаль за отвержение от Него тех, кого он любит, – печаль такого человека, который понес на себе все несправедливости мира, – печаль той последней продолжительной муки на кресте, когда казалось, что Сам Отец покинул Его, – то в этих печалях заключалась и бесконечная радость»²²⁶. Чувства, которые испытывает истинный христианин при созерцании «человека печали», не могут быть тождественны только радости или только печали, они изначально противоречивы. Очевидно, что эта точка зрения также противостоит проповедуемому Редстоком экстазу, для обозначения которого Лесков находит удачное выражение – «религиозный *bon courage*».

В той концепции понимания жизни Иисуса Христа, которая обосновывалась Ф.В. Фарраром и которая легла в основу составленного им жизнеописания Иисуса Христа, можно выделить пять основных, ключевых положений:

1. Жизнь Иисуса Христа – это жизнь *в бедности*.
2. С наружной бедностью соединялась совершенная *простота* Иисуса Христа.
3. Жизнь Иисуса – жизнь *трудовая*.
4. Жизнь Иисуса была *безболезненна*, хотя Он исцелял множество больных.
5. Жизнь Иисуса была жизнь *печальная*, которая сопровождалась *радостью* чистой совести, души, далекой от преступления и греха, – радость существования, преданного служению Богу и любви к людям²²⁷.

В произведениях Н.С. Лескова образ самого Иисуса не появляется, однако, с нашей точки зрения, можно предполагать, что Н.С. Лесков разделял интерпретацию, предложенную Ф.В. Фарраром.

²²⁶ Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1876. С. 138-139.

²²⁷ Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1876. С. 136-139.

Одним из персонажей, которые выражают авторское понимание Христа, можно считать Зенона из повести «Гора» («Зенон-златокузнец»). В кульминационном разговоре с Нефорой Зенон объясняет свое понимание жизни и заветов Иисуса Христа, среди которых важнейшими категориями для него становятся «любовь, возвышающая душу и сердце», смирение, простота, милосердие, послушание. Одна из сохранившихся записных книжек Н.С. Лескова позволяет нам проследить работу писателя над этими строками повести. Основываясь, судя по всему, на словах Ф.В. Фаррара об Иисусе, который предпочел жизнь обычного земледельца, нищего странствующего учителя: ««Он был богат, но ради нас потерпел нищету»²²⁸, – Лесков сначала противопоставляет два различных основания веры: тех, кто верит в Христа-чудотворца и тех, кто следует нравственным заветам Христа, что метафорически вырадается в предпочтении Им бедности:

И.Х. Я верю в него не потому, что он претворил воду в вино, но потому, что он предпочел остаться бедным, когда мог быть богатым. Он никогда не пользуется своею силою, чтобы отомстить обиду²²⁹.

В словах Зенона в повести «Гора» также прослеживается убеждение в нравственных основах веры и мнение о сознательном выборе бедности Иисусом Христом:

Тот, кого я люблю, тот, кто мог быть знатен и предпочел быть нищим, мог уничтожить своих врагов, и вместо того молился за них, – он никого не разлучает, – он соединит нас и научит любви, возвышающей душу и сердце (10, 75).

Очевидно, что ключевой для Зенона, как и для самого Лескова, становится идея милосердной любви, которая привела в конце 1880х гг. и к формированию цикла «Праведники». Как и Фаррар, Лесков отрицает чудо как основу христианской веры, считая, что истинно верующий человек – тот, кто может

²²⁸ Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1876. С. 136.

²²⁹ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108а. Л. 3

поставить интересы и благо другого человека выше своих собственных эгоистических радостей. Подлинным же чудом Лесков считает чудо нравственного преобразования человека.

Определенные выводы о восприятии Лесковым образа Иисуса Христа можно сделать и на основе повести «На краю света». История отца Кириака, как и самого архиепископа Нила, должна рассматриваться с точки зрения жанрового подзаголовка, который был дан Лесковым – «рождественский рассказ». Как известно, канон и рождественского, и святочного рассказа предполагает, что изменение героя или мира, лежащее в основе фабулы произведения, должно отражать три ступени мироздания. Соответственно, хронотоп рассказа также имеет трехуровневую организацию²³⁰. Однако этой схеме соответствует лишь определенная часть повести – история гибели отца Кириака во время снежной вьюги, заставшей героев в сибирской «пустыне», и чудесного спасения и духовного прозрения архиепископа. Задремавшего в пути епископа будит его «дикарь», управлявший собачьей упряжкой. Дважды упоминается епископом сопоставление бури с адом: «Я не знаю, может ли быть страшнее в аду...»; «кругом ад темный и кромешный». Очнувшийся от дремоты епископ не может открыть глаза, однако способ, который выбирает дикарь, имеет вполне четкие евангельские аллюзии:

«– Да что это, – я говорю, – не могу глаз открыть?»

– Сейчас, бачка, откроешь.

И с этими словами – что бы вы думали? – взял да мне в глаза и плюнул и ну своим оленьим рукавом тереть.

– Что ты делаешь?

– Глаза тебе, бачка, протираю.

– Пошел ты, дурак...

– Нет, погоди, бачка, – не я дурак, а ты сейчас глядеть станешь.

²³⁰ Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе. М.; Ярославль, 2004.

И точно, как он провел мне своим оленьим рукавом по лицу, мои смерзшиеся веки оттаяли и открылись» (1, 371). Очевидная аллюзия, на которой строится этот отрывок – история об исцелении слепого Иисусом Христом, которая ранее упоминалась отцом Кириаком: «Христос, батюшка, сам уже на что велик чудотворец, а и то слепому жиду прежде поплевал на глаза, а потом открыл их; а эти ведь еще слепее жида» (1, 357). Неоднократно отмечалось, что во всех историях о чудесном прозрении слепых в Евангелиях Иисус выбирает разные способы исцеления. К действиям дикаря ближе всего рассказ, приведенный в Евангелии от Иоанна (Иоан. 9:1,6,7). Возможно, смысл фрагмента может стать более ясным, если обратиться к «Жизни Иисуса Христа», написанной Фредериком Вильгельмом Фарраром. С точки зрения английского богослова, этот фрагмент позволяет увидеть в Иисусе Мессию потому, что доказывает, что Христос пришел на землю не для того, чтобы опровергать старый закон, но для того, чтобы помочь людям понять истинный дух веры. Именно поэтому он стремится показать окружающим человеческое начало, а не акцентировать внимание только на чудесных, божественных способностях (именно эта мысль о значении *человеческого* начала Христа была по-своему изложена отцом Кириаком). В исследовании Фаррара значительное внимание уделяется тому, что Иисус нарушил еврейский закон, *совершив* исцеление в субботу, в чем окружающие увидели его пренебрежение, неуважение к отеческому закону. Иисус же таким образом пытается показать человечеству иной идеал: «Новая жизнь, которая была следствием этого нового закона, во всех отношениях противоположна с той обычной требовательной мелочностью фарисейского формализма, который до того времени времени почитался высочайшим типом религиозности»²³¹. Также и архиепископу Нилу предстоит увидеть новый идеал, в основе которого будет лежать не мертвое, шаблонное представление о крещении, а подлинное понимание духа и обстоятельств народной веры.

²³¹ Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1876. С. 115.

В контексте повести важным оказывается и то, что это чудо было совершено Иисусом незадолго до вступления в Иерусалим, перед началом крестного пути – точно также действия дикаря, внешне столь напоминающие действия Иисуса (что не исключает их реалистичной подоплеку), совершаются им незадолго до «прозрения» епископа Нила. Если же сравнить действующих в лесковском и в евангельском сюжете героев, можно сделать вывод о том, что дикарь в тот момент намного ближе к истинному пониманию жизни, чем священник, несмотря на то, что дикарь необразован и не крещен.

Вторая «ступень» духовного преображения героя связана с его многодневным пребыванием в снежной пустыне в одиночестве, где он был «брошен» дикарем. Формальным выражением этой ступени духовного преображения становится не только описание физических страданий епископа Нила, причиной которых были голод и холод, но и невозможность привычно молиться: «Цепь мыслей моих порвалась, кувшин разбился, и колесо над колодцем обрушилось: ни мыслей, ни даже обращения к небу в самых привычных формах – нечего, негде и нечем стало почерпнуть. Я это осознал и вздохнул. Авва, отче! не могу даже изнести тебе покаяния, но ты сам сдвинул светильник мой с места, сам и поручись за меня перед собою! Это была вся моя молитва, которую я мог собрать в уме моем, и затем ничего не помню, как шел этот день» (1, 385). Герой, являясь носителем церковного сана, на пороге смерти осознает, что совершенно чужд обрядовой стороны религии. В то же время он начинает молиться сердцем.

Следуя традиционной схеме рождественского рассказа, можно предположить, что в этот момент должно произойти нравственное преображение героя, который догматической обрядовости предпочел (пусть и бессознательно) побуждения собственного сердца. Данный фрагмент можно также рассматривать как переработку Лесковым идеи Эрнеста Навиля, считавшего, что в экзистенциальных ситуациях, на грани жизни и смерти, молитва – инстинктивное проявление человеческой сущности, присущее каждому человеку.

В более поздних изданиях повести подзаголовок «рождественский рассказ» Лесковым был снят, а повесть не вошла в цикл «святочных рассказов». Причина этого существенного изменения структуры, направленного на корректировку восприятия текста, может быть также объяснена с опорой на идеи Ф.В. Фаррара. Несмотря на то, что герой осознал несовместимость идеальных представлений о нравственной стороне религии и требований и догм официальной церкви, он осознал, вслед за Кириаком, и невозможность изменить ситуацию, избрав для себя путь непротивления и *послушания*. Единственное, что оказалось возможным предпринять – постараться уменьшить вред от тех действий, которые он до поездки признавал необходимыми и о малочисленности которых сокрушался. Преображение мира, которое требовалось канонам рождественского рассказа, не совершилось и совершиться не могло. Единственным возможным чудом осталось чудо нравственного преобразования героев.

Особого внимания в повести заслуживает образ дикаря, спасшего архиепископа во время снежной бури. В лесковиане делались попытки сопоставить его с типом «праведника»²³², а также указывалось на то, что образ дикаря наделен чертами Иисуса Христа: помимо уже указанной аллюзии на притчу об исцелении слепца, можно указать и на то, что впоследствии ему удалось «накормить страждущего», не побоявшись пожертвовать собой ради спасения другого²³³. Подобное сопоставление Лесковым героя с Иисусом Христом не характерно в целом для героев «праведнического» цикла, скорее, в их основе лежит пророческий текст (*пророческие способности* видит в Однодуме Ланской; «за пророка» почел Пигмея осужденный француз и т.п.). Поэтому гораздо больше оснований назвать праведником отца Кириака, нежели дикаря.

²³² См., например: Коробкова А.А. Кто является главным героем в рассказе Н.С.Лескова "На краю света"? // Сравнительное и общее литературоведение. М., 2008. Вып. 2. С.105-114.

²³³ Столярова И.В. Молитва Кирилла Туровского в художественной системе рассказа Н.С. Лескова «На краю света» // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 374; Заварзина Н.Ю. Оппозиция "свое" / "чужое" в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» // Русская литература. 2002. С. 174-185.

Образ же дикаря, с нашей точки зрения, *напоминает* образ Христа именно своими *человеческими* чертами. Акцент же на подлинной божественной природе Христа на русской иконе, сделанный Лесковым в начале повести, предостерегает читателя от этого сопоставления. Вместе с тем, понимание сути Христа на русской иконе является отсылкой к интерпретации Лесковым понимания *бедности* Христа Фарраром, ставшей одной из ключевых категорий повести: «К нам зашел он в рабьем зраке и так и ходит, не имея где главы приклонить от Петербурга до Камчатки» (1, 339).

Наконец, образ Христа опосредованно присутствует и в рассказе «Христос в гостях у мужика». Предметом изображения здесь становится чудо, явление же Христа представлено мистически:

А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, – неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем – такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи²³⁴.

Основной конфликт рассказа строится на доказательстве идеи необходимости прощения зла, а развитие сюжета связано с тем, насколько сложным и долгим оказывается нравственный путь героя. Е.В. Душечкина²³⁵, комментируя данный образ, соотносит его с образом перста Божьего, который указывает Свою волю. Однако можно понять этот образ несколько иначе. В мемориальной библиотеке Н.С. Лескова в г. Орле сохранился сборник «Изречения древности» Г.А. Златогорского, в котором писатель, в числе прочих, отмечает следующую цитату: «Долгие страдания подобны свече в руках человека, который

²³⁴ Лесков Н.С. Час воли Божией: легенды и сказки. М., 1998. С. 137.

²³⁵ Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб., 1995. С. 200-206.

ею освещает свое положение в отношении к Богу»²³⁶. Смысл этой цитаты развернут Лесковым в общей логике повествования. Процесс освобождения Тимофея от долгих страданий совести мотивируется волей Бога, указывающего на решение проблемы. Отметим, что сквозной библейский образ светильника символизирует и свет души, устремленной к Богу, то есть христианскую веру. Несомненно, что в данном случае этот образ отсылает читателя и к указанной иконе. Еще одна из возможных коннотаций данного образа – «Евангелие от Никодима», апокрифический памятник, известный прежде всего наиболее подробным описанием «сошествия во ад»²³⁷. Поэтому «рука», в образе которой явился героям Бог, может включать еще и семантический компонент защиты: Иисус Христос, которого герой «ждет в гости», оберегает героя от того, чтобы прожить всю жизнь, не простив обиды, и умереть не раскаявшись.

Восприятие Иисуса Христа, несомненно, было и одной из центральных проблем, интерес к которой стал одной из причин сближения Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым. В записной книжке Н.С. Лескова с выписками из «Пролога», помимо кратких конспектов более чем двух десятков проложных сюжетов, есть еще ряд записей, в том числе и выдержки из писем Л.Н. Толстого, часть которых касается и отношения к Иисусу Христу. Несмотря на то, что ряд положений учения Льва Толстого вызывал у Н.С. Лескова неприятие, цитаты, приведенные в книжке с выписками из «Пролога», с нашей точки зрения, отражают и мнение Н.С. Лескова. Общей для обоих писателей является мысль о деятельной любви, помощи ближним в противовес отвлеченным философствованиям, их «жизненное» и «метафизическое» понимание христианского учения, что нашло отражение в следующей записи Лескова:

По мере того, как ты понимаешь жизненное, т.е. истинное значение Христа, – вопросы метафизические все дальше и дальше уходят от нас. И когда

²³⁶ Изречения древности. Сост. Г.А. Златогорский. СПб., 1884. ОГЛМТ. Инв. 610/81 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 13.

²³⁷ Н.С. Лесков обращался к этому тексту в «апокрифическом сказании» «Сошествие во ад» (12, 344-359)

вполне оно ясно, то совсем устраняется возможность всякого интереса и потому несогласия в метафизических вопросах.

Столько прямого, неотложного, ежеминутного дела для ученика Христова, что некогда этим заниматься. Как хороший работник наверное не знает всех подробностей жизни хозяина, а только ленивый работник чесал зубы на кухне и репу в голове, сколько детей у хозяина, и что все не пьет, и как одевается. И все разумеется преврат, не узнал и работы не сделал.²³⁸

Таким образом, на восприятие Иисуса Христа Н.С. Лесковым повлияла одна из самых «громких» богословских дискуссий XIX века, развернувшаяся между новотюбингенской школой (Ренаном) и возражавшими ей протестанскими богословами (Навилем, Фарраром, Шафом и др.). Несомненно также, что, при живом интересе к историческим исследованиям, Н.С. Лесков был более близок к той концепции, которая была наиболее полно выражена Ф.В. Фарраром в его «Жизни Иисуса Христа»: в жизни Бога-Сына и английский теолог, и русский писатель видели как божественное, так и человеческое начало, поэтому, изображая Иисуса Христа как историческую личность, в действительности жившего человека, они видели основное чудо, совершенно им, в том пути нравственного возрождения, которое Он указал людям, и которое в христианстве называют *благой вестью*.

Представления Ф.В. Фаррара и его жизнеописание Иисуса Христа повлияли на художественную структуру произведений Н.С. Лескова. Ряд сюжетных ситуаций в повести «На краю света» и рассказе «Христос в гостях у мужика» может быть прочитан с опорой не только на библейские аллюзии, но и с учетом сделанных писателем указаний на подобную интерпретацию типологически сходных ситуаций в книге английского богослова. Записные книжки писателя дают возможность проследить эволюцию замысла повести «Гора», в которой

²³⁸ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 56. Приводится в современной орфографии.

в основе представлений об истинной вере лежит использованная Ф.В. Фарраром метафора. Понимание жизни Иисуса Христа Фарраром помогает понять и изменение жанровой структуры повести «На краю света».

Однако в тексте «Великосветского раскола» встречается еще одно упоминание четырех авторов трудов по христологии. И если в первом случае это противопоставление касалось понимания образа Христа, то во втором оно связано с вопросом, вызывавшим многочисленные дискуссии у современников Лескова. Вопрос этот возник в связи с активным развитием позитивизма и успехом науки в XIX веке – это вопрос о соотношении и противостоянии религии и науки, который привел к распространению атеистических учений. Лорд Редсток, по словам Лескова, «с атеистами не имеет никаких дел и отказывается от всяких с ними прений»²³⁹. С точки зрения Редстока, такой диалог был бы бессмысленным: «они мне будут ставить открытия науки, которые можно видеть или понять, а я им должен буду говорить о невидимом Боге, в которого надо верить, даже не постигая Его: так ничего нельзя достичь»²⁴⁰. Точке зрения Редстока противопоставлено «мужество» Навиля, Шафа, Голларда и Фаррара, которые принадлежат к типу людей, «верующих, по выражению Фаррара, *сознательно безусловно*». Несомненно, что Н.С. Лесков осуждает точку зрения лорда Редстока, поддерживая активную проповедь других проповедников. Нам представляется необходимым более подробно рассмотреть позицию Н.С. Лескова в этом вопросе, который неоднократно дискутировался в периодической печати во второй половине XIX века. Насколько нам известно, исследованию этой проблемы посвящена только статья И. Веницкого²⁴¹, который рассматривает ее в контексте

²³⁹ Великосветский раскол. СПб., 1877. С. 50.

²⁴⁰ Великосветский раскол. СПб., 1877. С. 51.

²⁴¹ Веницкий И. Русские духи: Спиритуалистический сюжет романа Н.С. Лескова "На ножах" в идеологическом контексте 1860-х годов // Новое литературное обозрение. М., 2007. №87. С. 184-213.

увлечения писателя спиризмом, основываясь прежде всего на анализе романа «На ножах».

3.5. Позиция Н.С. Лескова в дискуссии о роли религии и науки
(на материале маргиналий в книге Дж.У. Дрейпера, рецензий
и художественных произведений)

Материалом для ответа на вопрос о соотношении религии и науки в восприятии Н.С. Лескова могут стать пометы, сделанные писателем в книге Джона Уильяма Дрейпера²⁴², которая в русском переводе называлась «История отношений между католицизмом и наукой» (1876)²⁴³. Известность его идеи в России получили благодаря переводу его книг на русский язык: 1866 г. – «История умственного развития Европы» («History of the intellectual development of Europe»), 1876 г. – «История отношений между католицизмом и наукой» («History of the conflict between religion and science»). Уже сам перевод заглавия второго произведения характеризует отношение большей части русского общества к поднятой проблеме: слово «религия» (а Дрейпер говорит не только о католицизме, но и о религиях вообще), заменено на «католицизм», что сужает поставленные в книге вопросы и в то же время подчеркивает, что они не воспринимаются как органичные для русского общества.

В отзывах на книги Дрейпера рецензенты отмечают прежде всего глобальный пессимизм, проявляющийся в утверждении неизбежности гибели общества. Одностороннее понимание деизма, которое было, скорее, ответом на не принимавшуюся Дрейпером социалистическую идеологию, приводит к тому, что гармоническое начало философа видит лишь в природе.

Одна из наиболее полных рецензий на книгу, опубликованная в журнале «Странник»²⁴⁴, принадлежит «П-чу»²⁴⁵. Несмотря на согласие по нескольким

²⁴² В современной литературе принято написание «Дрейпер», у самого Н.С. Лескова и его современников встречаются различные написания: Дрэпер, Дрепер, Дрэппер. В цитатах сохранено оригинальное написание, а в статье мы используем современный вариант написания фамилии.

²⁴³ ОГЛМТ. Инв. 610/207 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 239.

²⁴⁴ Странник. СПб., 1877. Т. 2. С. 59-86.

вопросам (например, по вопросу осуждения папизма), книга вызывает у критика однозначно негативную оценку:

- по мнению автора рецензии, Новый Завет даже неверующими авторами должен учитываться как исторический источник;
- П-ч не согласен с Дрейпером, считающим возможным соединить в представлении человека доказанную наукой гелиоцентрическую систему и ту модель мира, которая представлена в Библии;
- недостаточное знание Дрейпером богословия приводит, по мнению автора рецензии, к неправильному ответу на вопрос о критерии истины в христианстве.

Очень подробную и крайне негативную рецензию «Современная ученость и христианство. Дж.У. Дрэпер. История отношений между католицизмом и наукой. Перевод с английского под редакцией А.Н. Пыпина. 1876»²⁴⁶ опубликовал журнал «Православное обозрение». Автор статьи, подписавшийся инициалами М.П., в своей рецензии приводит подлинное название книги, вместо изменившего акценты русского перевода, и считает систему доказательств, приведенных в исследовании Дрейпера, антинаучной, а позицию автора – крайне субъективной:

... в «Истории столкновений» за веру выступают люди, и притом главным образом фанатики и невежды, а за науку – она сама в своем отвлеченном, идеальном виде <...> Между тем, подобных изображений того, что могли или должны почувствовать те или другие люди, что могло или должно случиться и чего не случилось, в «Истории» г. Дрэпера очень много. Конечно, такие приемы в сочинении, «где дело идет о таком важном предмете, что романтизм и популярность неуместны», могут быть допущены только в художественной и популярной истории, а не в строго-научной, которую обещал и должен бы представить известный ученый, но, очевидно, цель представить религию и

²⁴⁵ «Словарь псевдонимов» И.Ф. Масанова не позволяет точно установить, кто скрывается за псевдонимом. Одна из наиболее возможных кандидатур – Белоконский Иван Петрович.

²⁴⁶ М.П. Современная ученость и христианство // Православное обозрение. 1877. Т. 1. №1. С. 115-151 и №3. С. 544-574.

особенно христианство с невыгодной стороны у г. Дрэпера оправдывает всякие средства <...> Книга г. Дрэпера компрометирует Международную Научную Библиотеку и наших распространителей ее в русском переводе²⁴⁷.

Представления о позиции Н.С. Лескова по вопросу о соотношении религии и науки могут быть прослежены на материале публицистики писателя. Определенные выводы могут быть сделаны на основе его рецензии «Наука и религия»²⁴⁸, появившейся в то же время, что и рецензии на книгу Дрейпера. Рецензия носит однозначно положительный характер: позиция Б. Чичерина находит сочувствие у Н.С. Лескова. Хотя Лесков и подчеркивает, что не стремится высказывать свою точку зрения, он, во-первых, обосновывает актуальность поднимаемой проблемы, а во-вторых, акценты, выделенные им при реферировании содержания книги, позволяют сделать выводы о взглядах и пристрастиях самого автора. Приводя выдержки из книги, наиболее значимые места Лесков отмечает разрядкой. Контекст статьи позволяет сделать вывод о том, что писатель выделяет те идеи, которые представляются ему наиболее актуальными для его времени. Так, важной для Лескова оказывается мысль о постоянной устремленности христианина к небесному, созерцании связи между земным и сакральным, человеческим и божественным, вместо постоянной заботы о земном благополучии (эта мысль была ключевой и в первой главе изданного писателем сборника-антологии «Зеркало жизни ученика Христова» (1877)). Размышляя о сущности духовного мира, Лесков обращает внимание читателя на мысль Б. Чичерина о синтезе, который должен стать закономерным финалом истории идей: «Но окончательною целью развития представляется <...> конечный синтез всего духовного мира». Религиозный синтез г. Чичерина показывает откровение Бога Силы в природе, откровение Слова в нравственном мире и откровение Духа в истории, которая движется к нравственному совершенству».

²⁴⁷ Там же. С. 124, 127, 573.

²⁴⁸ Наука и религия (О книге Б. Чичерина «Наука и религия») // Новое время. 1879. №1306. 17 (29) октября. С. 2-3.

Большая часть маргиналий в книге «История борьбы между католицизмом и наукой»²⁴⁹ – подчеркивание фраз и отчеркивание на полях. В некоторых случаях, не соглашаясь с Дрейпером или сомневаясь в сказанном, Лесков ставит знаки вопроса или крестики. Оговоримся, что считать пометы в книге принадлежащими именно Лескову нам позволяет, во-первых, сама система помет, сделанных синим и графитным карандашом (аналогичные пометы, сделанные теми же карандашами, есть и в других книгах мемориальной библиотеки писателя), во-вторых, запись, сделанная писателем в начале IX главы. Заметим также, что в своих произведениях Лесков цитировал Дрейпера лишь однажды, но не эту книгу, а более раннюю (и ранее переведенную) работу «История умственного развития Европы». Отрывок из нее Лесков использует в очерке о Якушкине, приводя для сопоставления описание античного мира.

Наблюдения над читательской рецепцией Н.С. Лескова позволяют очертить круг проблем, волновавших писателя, и сопоставить ответы Дрейпера и те ответы, которые дает Лесков в своих художественных и публицистических произведениях на поставленные Дрейпером вопросы. Внимание писателя привлекают в большей степени такие главы, как «Спор относительно древности земли», «Латинское христианство в отношении к новейшей цивилизации», «Метафизические споры», «Столкновение относительно критерия истины». Первая тематическая группа сделанных писателем помет связана с одной из сквозных идей книги: официальная религия влияет на развитие государства в целом, а «притязания папства» сыграли решающую роль в формировании европейской культуры. Сходные мысли высказывались Лесковым в произведениях, включенных в запрещенный шестой том собрания сочинений, прежде всего, в «Мелочах архиерейской жизни». Не случайна и столь противоречивая критика, которой были встречены в печати «Мелочи» после публикации, и которая привела к запрету последующих. Если либеральная печать стремилась видеть в ней

²⁴⁹ ОГЛМТ. Инв. 610/207 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 239.

отображение малоизвестного быта русских церковнослужителей, хоть и отраженного в «Мелочах», то официальная церковная пресса постаралась попросту доказать «лживость» тех фактов, которые приводились в «картинках с натуры», и «оправдать» тех архиереев, которые были изображены Н.С. Лесковым сатирически или иронически. Однако, критикуя стиль, подход, жанр и авторский замысел очерков, современники не увидели в них самого важного: Лесков стремился доказать мысль о нравственном влиянии церковных деятелей на современное состояние общества. Не случайно одним из сквозных мотивов произведения стало рассуждение о «византинизме» церковных сановников. Византийский этикет, насильственно привитый церкви, основывающийся на внешнем богатстве и пышности, признается Лесковым причиной, которая мешает лучшим из архиереев «опроститься по-русски и стать людьми народными, с которыми отраднее будет ждать каких-либо настоящих мер, способных утолить нашу религиозную истому и возвратить изнемогшей вере русских людей дух животворящий» (VI, с. 439). Не случайно Лесков останавливается на мысли Дрейпера о причинах возникновения Инквизиции и Тайной исповеди, которые видит в стремлении Церкви к обогащению, для чего, в свою очередь, Церковь объявляет себя единственным обладателем непреложной истины и, как следствие, единственным институтом, имеющим право на власть.

Одной из «мелочей»-анекдотов, которая служит доказательством мысли о пагубности отчуждения церкви от простого народа, становится история, герои которой – врач, брат Лескова, специалист по женским болезням, и викарный епископ Михайловского монастыря преосвященный Порфирий (Успенский). Архиерей, лишенный из-за своего высокого сана возможности иметь физическую нагрузку, даже самой простой возможности спокойно гулять пешком, начал страдать запорами. Получив помощь, он полушутя-полусерьезно жалуется доктору, что медицинская наука занимается сугубо теоретическими разысканиями (вроде исследования лучистого эпителия), тогда как никто не хочет написать диссертации об «архиерейских запорах». За комичностью описываемой Лесковым ситуации просвечивает и мысль о сходстве положений науки и религии: как врач,

занятый лишь теорией, не может оказать действительной помощи больному, так и архиерей, связанный строгим церковным этикетом, лишен какой-либо возможности прямого духовного влияния на паству, которое сводится в итоге к одной лишь «раздаче благословений». Рассуждая о судьбе русских архиереев и сравнивая их общественное положение с положением католических и протестантских пасторов, Лесков приходит к выводу, что «укрывательство» архиереев от общества не только приводит к их несвободе, но и мешает общественному развитию. В качестве доказательства этой мысли упоминается «один из русских епископов, человек весьма ученый и литературный, который пожелал заниматься наряду с другими людьми в залах публичной библиотеки... Говорили, будто это было найдено некоторыми широко расставленными людьми за непристойность и даже за "фанфаронскую бравату"» (VI, 446).

Иными словами, рассматривая роль русских церковных деятелей в истории, Лесков обращает внимание не столько на их значение в государственном управлении, что стало основой для осуждения папства Дрейпером, сколько на их роль в улучшении «крайне неудовлетворительного» духовного и нравственного состояния общества. Несомненно, Лесков разделяет мысль Дрейпера о том, что «публичная и установленная религия есть пестрая система заблуждений и суеверий». Именно поэтому в книге Лесковым подчеркнуты не столько исследуемые американским ученым факты, сколько общая характеристика истинного христианства как «системы человеколюбия».

Вторая тематическая группа помет связана с критерием истинности и понятием истины в абсолютном смысле. Лескова, несомненно, заинтересовали приводимые в книге факты, касающиеся способов выявления истины и самых больших «христианских заблуждений». Так, он обращает внимание на строки, посвященные «божьем судам», которые признавались окончательным средством для решения вопроса виновности/невиновности, в форме суда посредством воды, поединка, огня, креста. В рассказе Н.С. Лескова «Владычный суд», сюжетная коллизия разрешается, так же, как и в случае «божьего суда», вмешательством высшей силы, хоть и не чудесной, а вполне реалистичной. Характеристика такого

«истинного суда» ясна уже из эпитафии, взятого из соборного послания св. Иакова: «Суд без милости – не оказавшему милости».

Внимание Лескова привлекает и критика кальвинизма, проистекающая из того факта, что Кальвин велел сжечь Сервета за следующее мнение: «Истинные учения христианства были затеряны еще до времен собора в Никее»²⁵⁰. Отметим, что и сам Лесков уже в одном из первых своих произведений, посвященных расколу, в заметке «С людьми древнего благочестия», разделил раскольников и сектантов именно по принципу принятия и исповедания Никейского символа веры.

Однако ключевая мысль Дрейпера об истинности в христианстве явно не принимается Лесковым. В начале главы «Столкновение относительно критерия истины» американский философ пишет: «Что есть истина? Таков был страстный вопрос римского прокуратора в одном из самых многозначительных событий в истории. И Божественная Личность, которая стояла перед ним, к которой был обращен вопрос, не дала ответа – если молчание не заключало в себе ответа»²⁵¹. На полях возле этой записи Лесков ставит знак вопроса и дописывает: «Я истина». На самом деле, если следовать тексту Библии, Лесков не совсем прав. Ответ Иисуса Христа: «Я есть путь и истина и жизнь», который, по-видимому, подразумевает Лесков, был дан Фоме, а не Понтию Пилату. Вопрос же о том, что такое истина, родился у Пилата после слов Христа: «Ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего». Однако данное замечание Лескова показывает нам, что единственным критерием истины писатель считал ту нравственную позицию, которую представляет жизнь Иисуса Христа. Следование Христу, подражание ему, было в глазах писателя основой жизни христианина, праведника.

²⁵⁰ Дрейпер Дж.У. История отношений между католицизмом и наукой. СПб., 1876. С. 207.

²⁵¹ Там же. С. 193.

Общий вывод, сделанный американским исследователем, был следующим: «В летописях Христианского общества самым неблагополучным днем был тот, когда новая религия отделилась от науки». Двойное подчеркивание фразы: сначала графитным карандашом, а затем еще раз, на полях, ее отчеркивание синим – говорит о том, что Лесков разделял эту мысль и считал ее очень важной и справедливой. Тезис Дрейпера, вытекающий из его деистических воззрений, Лесков разделяет, привнося в него свое понимание вопроса. Для него наука имеет лишь практическую ценность. Чтобы претендовать на обладание истиной, она нуждается в религии, в христианском объяснении мира. В качестве доказательства этого тезиса сошлемся на образ старообрядца Мароя, героя «Запечатленного ангела». Не зная физики, он, однако, благодаря своим умениям, догадался, как можно уменьшить металлические болты, заготовленные для постройки моста. Англичане видят в его действиях смекалку, основанную на знании физики. Однако рассказчик разубеждает нас в этом: Марой поступил так, как его «Господь надоумил». Авторская оценка прямо не высказывается, но ясно то, что никакой физики полуграмотный старообрядец знать не мог и не знал, а потому точка зрения англичан абсурдна.

В книге Дрейпера Лесков обнаруживает суждения, близкие к своим, но существенно корректирует их. Если для Дрейпера разрыв между религией и наукой пагубен прежде всего для религии, то Лесков смещает акцент в сторону науки. Если религиозное мышление предлагает целостную завершенную картину мира, то наука ее предложить не может. Возможно, именно поэтому в произведениях Лескова ученые не становятся главными героями, а являются второстепенными персонажами.

В рассказе «Несмертельный Голован» появляется эпизодический персонаж, Антон, друг самого Голована, астроном-любитель, который не только сам проводит все время перед самодельным телескопом, но и пристрастил к этому Голована. «Свобода мышления» прощается ему только благодаря тому, что народом он признан «дурачком», юродивым. Он не делает ничего плохого, но не делает и ничего хорошего для людей, а потому кажется им и предельно опасным.

В этом отношении он противопоставлен Головану, который живет добрыми делами, тогда как с Антоном окружающие ведут себя настороженно-нейтрально. Образ Антона, героя, фактически, внесюжетного, помогает Лескову полнее очертить образ Голована: помимо предельно высокой нравственности, главный герой еще и интересуется наукой, стремится к образованию. И Антон, и Голован представляются народному сознанию «еретиками»: Голован, в силу своей исключительности, был признан «молоканом» (хотя в основе этого мнения лежала «профессия» героя, который держал коров и поставлял сливки и молоко), однако это ему прощается, даже добавляет уважения; Антон же пытается рационально, научно толковать библейские пророчества, за что и осуждаем, из-за чего к нему и относятся настороженно, потому что подобные мысли прощаются только немцам или ученым, а Антон – из простонародья, и совсем не немец.

Еще один эпизодический персонаж, герой-самоучка, появляется у Лескова в «Обойденных» – это Кирилл Сергеевич Онучин, аристократ-ботаник. Читатель узнает о нем совсем немного: что он был чрезмерно увлечен ботаникой, мог часами просиживать за гербариями и совершенно не замечал людей.

Если Антон и князь Онучин изображены, скорее, иронически, то безусловно сатирически подан Лесковым образ Варнавы Препотенского в хронике «Соборяне». Стремясь занять положение антагониста по отношению к отцу Савелию, Варнава пытается опровергнуть, свести к абсурду содержание тех библейских притч, которые изучаются на уроках Закона Божьего. Однако «достать» ему удастся лишь отца Захарию, который не может ничего ответить «дерзкому Варнавке», и дьякона Ахиллу, который слишком эмоционально реагирует на его провокации, пытаясь разрешить конфликт, основываясь не на духовной, а на физической силе. Варнавка прячется от Ахиллы и полирует кирпичами кости утопленника, с будто бы научными целями, он смеется над абсурдностью логических мотивировок в христианских текстах, которые традиционно трактуются символически, но не может предложить достойной созидательной концепции. Подобная «наука» сама по себе не имеет никакой созидательной силы. Поэтому Варнава и боится отца Савелия, а Лесков далеко не

случайно приводит «ученого героя» к трагической гибели. Однако по сюжету хроники антагонистом Савелия Туберозова оказывается не Варнава Препотенский, а Термосесов. Одним из способов характеристики героя становится энантиосемия: именно Термосесов высказывает принадлежащее самому Лескову мнение о том, что народ, «обученный грамоте», будет «святые книги читать», что приведет «к созиданию», однако отношение к *созиданию* у автора и его героя полярно различается. Термосесов видит в образовании источник опасности, причем особо опасно, с его точки зрения, не столько само просвещение, сколько религиозная литература, так как она ведёт к подрыву авторитета власти. Для Лескова же *созидание* – одна из ключевых категорий, значимых в контексте его духовно-нравственных поисков: образование для народа означает прежде всего более глубокое знакомство с этическими заветами религиозной литературы, что и приведет к *нравственному созиданию*, формированию «свободной воли». Иначе говоря, Термосесов понимает созидание как одно из явлений общественно-политической жизни общества, а потому относится к нему крайне негативно, сам же Лесков понимал созидание как элемент нравственной жизни человека, одну из ступеней на пути к «синтезу всего духовного мира».

Другой тип ученого – Червев, выведенный Лесковым в конце хроники «Захудалый род». Княгиня Протазанова, занятая поисками воспитателя для своих сыновей, собирает различные мнения о нем. Обращаясь с этим вопросом к Дон-Кихоту, она слышит в ответ притчу об ученом, который сто книг прочитал. Решив похвастаться, ученый отправляется к мудрецу, который в ответ называет его дураком, за что обидевшийся ученый избил мудреца палкой. С точки зрения мудреца, ученый книги прочел без толку, и ему необходимо учиться снова, так как он не помнит ничего из того, что прочел. Рассказанная князем притча имеет непосредственное отношение к образу Червева, который «все, что прочел, помнит». Однако, как следует из текста хроники, сила героя еще и в том, что он «постиг путь, истину и жизнь», т.е. Христа. Иными словами, герой предстает положительным благодаря тому, что совмещает в своем мировосприятии как

высокую «ученость», так и высокую религиозность, что и делает его идеальным воспитателем в глазах княгини Протозановой и, по всей видимости, автора. Отметим, что реальное отношение Лескова к прототипу Червева – Григорию Сковороде²⁵² – было все же менее апологетичным, однако идея Лескова-художника заключалась в том, что в основе духовного обновления общества должен лежать синтез научного знания и христианской религии.

К идеям Дрейпера Лесков на протяжении жизни обращался, судя по всему, неоднократно: в его последней записной книжке (1893-1894 гг.) мы находим три цитаты из произведений американского философа. Они поднимают те же проблемы, которые привлекли внимание писателя при чтении «Истории борьбы...». Прочитируем их:

Мир ожидает такой книги, определительно и вполне точным языком будет сказано, что такое Бог, что такое мир, что такое душа и имеет ли человек критериум истины; что она нам объяснит: как может существовать зло в мире, Создатель которого всемогущ и всеблаг; в каких случаях людские дела определяются судьбой и в каких свободною волею; откуда мы пришли, какая цель нашего существования и что будет с нами после» /Дрейпер ч. I, 279/²⁵³

Очевидно, что первая цитата привлекает внимание писателя теми же самыми вопросами, ответы на которые он искал в книгах Э. Навиля: откуда в мире зло и какова цель человеческой жизни? Скорее всего, эти вопросы для писателя оставались открытыми всю жизнь, вынуждая к постоянному поиску возможных ответов. Можно предположить, что цитата привлекла внимание Лескова прежде всего потому, что в емкой и ясной форме ставит те вопросы,

²⁵² О философии Григория Сковороды в романе-хронике «Захудалый род» см.: Озерова Н.И. «Захудалый род»: украинский философ Г.С. Сковорода как прототип Мефодия Мироновича Червева // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета. Материалы. Вып. I. Н.С. Лесков. Орел, 2001. С. 157-164.

²⁵³ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109.

которые в наибольшей степени дискутировались в спорах богословов и ученых. Как было показано выше, Лесков склонялся к ответу, данному религией.

Имп. Константин /св./ выбил медаль, на которой вычеканен титул его; как «Бога», вместе с монограммой Христа, и возвел порфиновый столб в 120 фут. на вершине кот. статуя, соединявш. в себе солнце, Спасителя и императора. Корпус ее /статуи/ составлял колоссальное изображение Апполлона, черты лица кот. были заменены чертами Константина, а вокруг головы, в сиянии были прибиты гвозди от креста Спасителя, найденные пред тем в Иерусалиме».
/Дрэйпер 240/

Папа Бонифаций VIII говорил /покаянно на суде/, что «Мы должны говорить так, как верит народ, а верить так, как немногие. Божеств. закона нет, существование Троицы – ложь, которой верить глупо; рождение от девы – нелепость, как невозможное; будущая жизнь есть мечта» /Дреп. II, 75/²⁵⁴.

В центре второй и третьей цитат находится образ лживого правителя: причина лжи императора – чрезмерный эгоизм и желание еще при жизни добиться признания собственной святости перед лицом людей, а не на Божьем суде; папы – неискренность веры, притворство и карьеризм. Можно предположить, что, делая эти выписки, Лесков задумывал их использовать в каком-либо из произведений, однако эти замыслы не были реализованы.

Взгляды писателя на отношения религии и науки не сложились в логически завершенную концепцию, однако можно утверждать, что отношение писателя к науке было двойственным: без просвещения, основанного на научном знании, он считал невозможным ни дальнейшее общественное развитие, ни обновление религиозного духа, однако, наука, чуждая религиозных нравственных устоев, представлялась ему опасной для общества. К такому выводу приводит проведенный нами анализ помет Н.С. Лескова, в которых достаточно определенно отразилась позиция писателя, занятая им в ходе полемики по поводу трактата Дрейпера, а также «отзвуки» ее в художественных произведениях писателя.

²⁵⁴ Там же.

В художественных произведениях писателя отзвуки данной дискуссии прослеживаются, в основном, в образах второстепенных персонажей («Несмертельный Голован», «Запечатленный Ангел»). Герои, увлеченные наукой, становятся положительными персонажами только в том случае, если в их мировоззрения научная картина мира сочетается со следованием нравственным заветам христианства. Идея «чистой науки» не находит одобрения у Н.С. Лескова, что нашло отражение в трагикомическом подходе к изображению Варвары Препотенского, который пытается занять позицию антагониста по отношению к Савелию Туберозову. Но в системе образов хроники подлинным антагонистом протопопа становится Термосесов, осознающий значение религиозной литературы в становлении самосознания народа.

Помимо системы персонажей, позиция Лескова прослеживается и на примере написанных им рецензий. Идея о «конечном синтезе всего духовного мира» проанализирована в рецензии на книгу Б. Чичерина. По мнению писателя, объединение всех аспектов духовного мира личности возможно только в том случае, если в основе мировоззрения лежат определенные нравственные установки, определяемые искренностью веры («Запечатленный Ангел»).

ВЫВОДЫ.

В круг чтения Н.С. Лескова, начиная со второй половины 1870-х годов включаются работы современных писателю богословов – Ж.Э. Навиля, Ф.В. Фаррара, Ф. Шафа, Р. Голларда, Б.Н. Чичерина и др. Интерес писателя к актуальным дискуссиям, разворачивающимся на страницах богословских сочинений и в периодической печати, приводит к формированию такого качества, как тенденциозность (неразрывная связь высказываемых в произведениях идей с актуальными вопросами общественной жизни).

Можно выделить несколько форм проявления тенденциозности в произведениях Н.С. Лескова. С одной стороны, она проявляется в публицистичности художественных текстов. Идеи, обосновываемые в публицистических произведениях, получают творческую реализацию в художественных сочинениях («Великосветский раскол» и «На краю света»). Основой для выражения авторской позиции становится система отсылок к трудам известных теологов и философов (именно на сравнении Редстока с другими проповедниками строится критика его учения в очерке «Великосветский раскол»).

С другой стороны, тенденциозность формируется через включение образа читателя в авторский текст, прежде всего, на основе постоянных обращений автора к читателю (подобно призыва к *соборному* обсуждению проблем церкви в заметке «Два слова «Вестнику Европы»»).

Конкретизация круга чтения писателя позволяет уточнить и его мировоззренческую позицию. Вопреки представлениям современников, Лесков никогда не стремился к критике церкви. Мнение о «разрыве» писателя с православной церковью не подтверждается ни анализом художественных произведений писателя, ни его высказываниями в переписке. Интерес писателя к опыту иных христианских течений был обусловлен поиском возможных путей выхода общества из духовного кризиса. Единственный возможный выход

писатель увидел не в реформировании устройства церкви, а в нравственных основах религии, которые должны стать основой нравственной жизни каждого человека, поэтому Лескову оказались близки представления Ж.Э. Навиля о «нравственных основах религии».

Представления Ф.В. Фаррара и его жизнеописание Иисуса Христа повлияли и на художественную структуру произведений Лескова. Ряд сюжетных ситуаций в повести «На краю света» и рассказе «Христос в гостях у мужика» может быть прочитан с опорой не только на библейские аллюзии, но и с учетом сделанных писателем указаний на подобную интерпретацию типологически сходных ситуаций в книге английского богослова. «Записные книжки» писателя дают возможность проследить эволюцию замысла повести «Гора», в которой в основе представлений об истинной вере лежит использованная Фарраром метафора. Понимание жизни Иисуса Христа Фарраром помогает понять и изменение жанровой структуры повести «На краю света», которая утрачивает подзаголовок «рождественский рассказ».

Комплексное изучение приемов Лескова-публициста (цитирование «источника» полемики, создание иронического подтекста, использование «эпистолярного свидетельства») показывает, что характерной чертой произведений 1870-1890-х годов было стремление обнаружить дихотомию тех или иных представлений о вере, показав, что, с одной стороны, истина принадлежит каждому представлению – «мужицкой вере» и «барским измышлениям», устоявшимся на протяжении веков церковным догматам и вновь возникающим течениям, подобным штунде. Однако ни одна из религиозных теорий и концепций не кажется Лескову совершенной, поэтому истинно мудрым представляется ему только их синтез. Поэтому обращение писателя к протестантской теологии рассматривается нами в качестве одного из закономерных этапов его творческого пути, важной ступенью на пути к созданию «синтетической» идеи.

Заметим также, что творческая история многих произведений Н.С. Лескова была обусловлена не только закономерностями поэтики художественного целого,

но и эволюцией мировоззрения писателя, изменением восприятия важнейших нравственных категорий христианства.

Заключение.

Художественный мир Н.С. Лескова тесно связан с различными проявлениями христианской культуры, и прежде всего с религиозной литературой и книжностью. В художественных произведениях и публицистике писателя нашли отражение идейно-художественные особенности различных типов религиозных текстов.

Центральное внимание на протяжении всего творческого пути Н.С. Лесков уделял Библии. В его публицистических произведениях нашли отражение вопросы перевода, издания и даже продажи текстов Ветхого и Нового Завета. В художественных произведениях цитаты из Библии становятся значимыми элементами композиции, основой характерологии и сюжетных ситуаций. Интертекстуальный анализ показывает, что цитируемые фрагменты Ветхого и Нового Заветов нередко становятся семантическим центром хроник, повестей и рассказов Н.С. Лескова, который определяет структуру и содержание других элементов художественного целого. Поэтому фрагменты Священного Писания часто выполняют функцию эпитафий, так как именно с выбора эпитафии и образно-тематически обусловленного эпитафией названия произведения Лесков нередко начинал работу над своими произведениями.

В творчестве писателя Библия, как и другие религиозные тексты, теряет признаки сакральности (Священное Писание мыслится героями художественных произведений Н.С. Лескова как неотъемлемая часть жизни, а не отвлеченный идеал). Поэтому Лескову свойственен особый принцип интерпретации библейского текста – составление антологий. Новаторство писателя в издании сборников заключается в изменении целевой аудитории издания, которое обращается не к демократическому, а к образованному читателю, разбирающемуся в вопросах теологии и знакомому со святоотеческой литературой.

Ключевой при издании антологий для Н.С. Лескова была идея о «разумном исполнении Священного Писания» (Нил Сорский), сочетающая в себе как

представления об осознанном прочтении текста Библии, апеллирующем к разуму, а не чувствам верующего человека, так и мысль о деятельном исполнении христианских заповедей. Способом выражения авторской позиции в составленных Н.С. Лесковым антологиях становятся элементы архитектоники, двуплановость повествования (дублирование мыслей в авторской речи и в цитируемом Библейском тексте) и соотношение с традицией составления христианских флорилегий. Наконец, следует заметить, что составленные писателем антологии стали своеобразной «творческой лабораторией» писателя: появившиеся в них мотивы и образы позднее нашли отражение в художественных произведениях (мотив постоянного обращения к Библии, сюжетная ситуация игры в карты, образ «хитона», понимание образа Мессии и др.)

Несмотря на то, что составленные Н.С. Лесковым антологии были изданы в 1870-1880-х гг., Лесков продолжал обращаться к проблемно-тематическому подбору цитат Ветхого и Нового Завета, делая соответствующие выписки, не предназначавшиеся для публикации, что подтверждает вывод о том, что Библия воспринималась писателем как воплощение этического и аксиологического идеала.

Большое внимание Н.С. Лесков уделяет и жанру молитвы, при этом оценивая не только содержательную сторону, но и художественные достоинства религиозного текста. Молитва, как и житие, представляется писателю как неотъемлемой частью жизни верующего человека, так и литературным памятником. Поэтому при издании «Молитвенных возношений к Богу отца нашего Кирилла епископа Туровского» писатель стремится провести содержательную и стилистическую правку, сделав молитвы понятными современному читателю. Обращение к молитве Кирилла Туровского в повести «На краю света» свидетельствует о том, что молитва становится в творчестве писателя способом создания психологического портрета. Поэтому составленный писателем сборник «Молитвенные возношения...» должен анализироваться и как попытка воссоздать литературный образ самого Кирилла Туровского, несмотря на то, что первоначально писатель (как показывает текстологическая правка)

связывал замысел издания молитв с очерком «Великосветский раскол». Обращение Лескова к текстам древнерусского проповедника было связано с просительным характером молитв, в текстах которых мотив страдания человеческой души от осознания неизбежной греховности становится первым этапом на пути к раскаянию и духовно-нравственному преобразению.

Помимо влияния тем, сюжетов, образов, мотивов, хронотопа и жанров религиозной литературы на произведения Н.С. Лескова, следует указать на отражение топики древнерусских текстов в рассказах 1880-1890х гг. Различные формы мотива *imitatio* определяют характер «переложений» Пролога в цикле «Византийские легенды». Обращение к «общим местам» агиографической литературы лежит в основе создания психологизма и обоснования уникальности пути нравственного преобразования каждого из героев. Средствами воссоздания топики древнерусских текстов в произведениях Лескова, помимо использования повторяющихся мотивов, становятся синтез признаков различных жанров, изменение хронотопа произведений, языковые приемы (прежде всего, связанные с лексикой и фразеологией), а также различные типы аллюзий древнерусским или проповедническим сочинениям.

Стремление к «разумному исполнению Священного Писания» побуждало Лескова к чтению и интерпретации не только Библии, но и философско-религиозных экзегетических сочинений. В круг чтения Н.С. Лескова, начиная со второй половины 1870-х годов, вошли работы современных писателю богословов – Ж.Э. Навиля, Ф.В. Фаррара, Ф. Шафа, Р. Голларда, Б.Н. Чичерина и др. Через осмысление богословских трактатов и сборников проповедей формируется собственное представление писателя о экзегетике и аксиологии христианства, что побуждает его занимать активную позицию в дискуссиях о роли религии в жизни современного ему общества. Писатель видит в религии возможный путь выхода общества из нравственного кризиса, однако восприятие нравственных основ веры должно, по его мнению, оставаться личным свободным выбором каждого человека.

Интерес Н.С. Лескова к актуальным дискуссиям, разворачивающимся на страницах богословских сочинений и в периодической печати, приводит к формированию такого качества, как тенденциозность (неразрывная связь высказываемых в произведениях идей с актуальными вопросами общественной жизни).

Можно выделить несколько форм проявления тенденциозности в произведениях Н.С. Лескова. Идеи, обосновываемые в публицистических произведениях, получают творческую реализацию в художественных сочинениях («Великосветский раскол» и «На краю света»). Основой для выражения авторской позиции становится система отсылок к трудам известных теологов и философов (именно на сравнении Редстока с другими проповедниками строится критика его учения в очерке «Великосветский раскол»). Кроме того, тенденциозность формируется через включение образа читателя в авторский текст, прежде всего, на основе постоянных обращений автора к читателю (подобно призыва к *соборному* обсуждению проблем церкви в заметке «Два слова "Вестнику Европы"»).

Конкретизация круга чтения писателя позволяет уточнить и его мировоззренческую позицию. Вопреки представлениям современников, Лесков никогда не стремился к критике церкви. Мнение о «разрыве» писателя с православной церковью не подтверждается ни анализом художественных произведений писателя, ни его высказываниями в переписке. Интерес писателя к опыту иных христианских течений был обусловлен поиском писателем возможных путей выхода общества из духовного кризиса. Единственный возможный выход писатель увидел не в реформировании устройства церкви, а в нравственных основах религии, которые должны стать основой нравственной жизни каждого человека, поэтому ему оказались близки представления Ж.Э. Навиля о «нравственных основах религии».

В данном исследовании большее внимание было уделено западноевропейским богословским работам, отразившимся в творчестве Н.С. Лескова. Это связано с распространенным в середине XIX века мнением о

том, что развитие ортодоксального богословия отстает от католического и протестанского. Поэтому в периодической печати и издательской практике этого периода уделялось большое внимание публикации переводов протестантских теологических исследований. Однако, несомненно, не менее подробного рассмотрения заслуживает и круг чтения Лесковым русских богословских сочинений и проблема их рецепции в творческом наследии писателя.

В работе также лишь в необходимой степени были затронуты вопросы творческого диалога писателя с Л.Н. Толстым. Однако сопоставление идей, сформировавшихся у Лескова во второй половине 1870-х гг. под влиянием сочинений западноевропейских богословов позволяет поставить вопрос о том, что некоторые из тезисов толстовского учения появляются в публицистике Лескова еще до знакомства с Толстым, прежде всего, под влиянием протестантского богословия (вопросы историчности Нового Завета и восприятия Иисуса Христа как исторической личности; синтетичности всего духовного мира; отношение к христианству как прежде всего этическому учению и т.п.). Предметом дальнейшего исследования должен стать вопрос о причинах того духовного «совпадения» Лескова с Толстым, которое произошло в 1880-е годы.

Большие возможности для исследования контекста творчества Лескова могло бы представить комментированное издание «записных книжек» писателя, что позволило бы как систематизировать в той или иной степени круг чтения писателя во второй половине 1880-х – 1890-х годов (более ранние «записные книжки» не сохранились), так и ответить на вопрос об отношении Лескова к тем произведениям, рецепция которых прослеживается в его художественных произведениях и публицистике.

Несомненно, что исследование проблемы, поставленной в диссертационном исследовании, о влиянии религиозной литературы на произведения Н.С. Лескова и об особенностях ее интерпретации и переосмысления в его творчестве, должно быть продолжено. Прежде всего, следует отметить, что за рамками рассмотрения остались жанры проповеди, послания, апокрифические жанры, малые жанры

Библии и др. Все они так или иначе отразились в произведениях Н.С. Лескова и заслуживают пристального внимания исследователей. Кроме того, значимым для изучения творчества писателя представляется дальнейшее выявление и уточнение круга чтения Н.С. Лескова на основе его художественных и публицистических произведений, эпистолярия и «записных книжек».

Библиография.

1. Неопубликованные материалы.

1. Избранные молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. Памятник двенадцатого века / Кирилл, архиеп. Туровский; [Конволют оттисков, правленных Н.С. Лесковым]. – [б.д.] – 55 л. // ОГЛМТ. Инв. 610/130 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 81.

2. Каирова, Н.В. Сказка о нужде (Фламандская легенда) – [Б.м., первая половина 1870х]. – 30 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 347.

3. Лесков, Н.С. Выписки из Библии, относящиеся к вегетарианству – 1 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 390

4. Лесков, Н.С. Выписки из евангельских текстов – [1870-1890-е гг.] – 3 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 391.

5. Лесков, Н.С. Записная книжка с выписками из «Прологов» – 1880-е. – 59 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108.

6. Лесков, Н.С. Записная книжка с выписками из книг С.М. Георгиевского «Принципы жизни Китая» (СПб., 1889), М. Нордау «Ложь как основа морали» и др.; с записями сатир Горация, элегий Тибула, изречений древних философов, с набросками [повести «Оскорбленная Нэтэта»]. На л. 32 выписка из газеты «Новое время». 1863. №6384 – [1890]. – 37 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108а.

7. Лесков, Н.С. Записная книжка с выписками из сочинений Эврипида, Сенеки, Паскаля, Стерна, Г. Спенсера, Г. Сковороды и др. с записями пословиц и изречений; выписками из «Сборника Кирши Данилова», Талмуда и др. – 1893-1894. – 33 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109.

8. Лесков, Н.С. Записная книжка с записями устаревших слов, фразеологических оборотов и пословиц. – 1894 – 7 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 110.

9. Лесков, Н.С. Памятный листок – [б.д.] – 3 л. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 612. Оп.1. Ед.хр.117.

10. Лесков, Н.С. Письма Н.С. Лескова к Сазоновой Софье Ивановне – 1892-1894– 6 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 170.

11. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Арсений, архимандрит (Иващенко Арсений Ильич). Жизнь по писанию, или правила христианского жития в мире с Богом / Рукопись. – [Б.м.], 1878. – 10 л. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 612. Оп.1. Ед. хр.110.

12. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Афанасьев, А.Н. Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым / Изд. Щепкина и Солдатенкова. – М. : Тип. В. Грачева и Комп., 1859. – 203 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/125 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 46.

13. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Ветхий Завет. Книги Священного Писания Ветхого Завета / Пер. с еврейского текста и изд. Обществом распространения Библии в Британии и в других странах. – Лондон, 1875. – Т. 1 – 484 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/251 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 82.

14. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Ветхий Завет. Книги Священного Писания Ветхого Завета / Пер. с еврейского текста и изд. Обществом распространения Библии в Британии и других странах. – Лондон, 1875. – Т.2 – 492 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/252 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 83.

15. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Гете И.В. Изречения в прозе. – СПб.: Изд. В. Бермана и С. Войтинского, [б.д.]. – 148 с. // ОГЛМТ. 610/269 оф. РК. Ф.2 Оп. 2. Ед. хр. 15.

16. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Голятовский, И. Ключ разума / Сборник проповедей. Отрывок. – [Б.м.], 1659. – 8л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 372.

17. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Гюго В. Из речей и воззваний Виктора Гюго в изгнании. – СПб. : Изд. В. Бергмана и С. Войтинского, [1887]. – 51 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/79 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 11.

18. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Дрэпер Дж.У. История отношений между католицизмом и наукой / Дж.У. Дрэпер; [Под ред. А.Н. Пыпина]. – СПб. :

Издание редакции журнала «Знание», 1876. – 353 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/207 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 239.

19. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Игнатий. Для истинных христиан сочинение Игнатия / Carouge. M. Elpedine, libraire-éditeur – [Женева], 1893. – 30 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/77 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 75.

20. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Изречения древности / Сост. Г.А. Златогорский. – СПб. : издание Г. Дюнтца, 1884. – 92 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/81 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 13.

21. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – СПб. : в Синодальной типографии, 1864. – 626 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/246 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 86.

22. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Сенека Л.А. Избранные письма к Люцилию / Л.А. Сенека; [Пер. с лат. П. Краснова]. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, [б.д.]. – 258 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/74 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 60.

23. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Сергей, иеромонах. Зеркало для старообрядцев, не покоряющихся православной церкви, или ясное и подробное описание старообрядческих заблуждений, с опровержением оных, и воззвание их к истинной христовой церкви – [1799]. – 126 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 353.

24. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Собрание древних евангелий, кои выбраны из Фабриция и прочих ученых игуменом Б*** [Пер. сокращенным образом с французского языка]. – [Б/м, б/г.]. – 192 с. // ОГЛМТ. Инв. 15859 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 258.

25. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Спурджон. Сети ловца. Мысли из сочинений / Ч. Спурджон – СПб. : Тип. Ф.Г. Елеонского и А.И. Поповицкого, 1876. – 47 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/75 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 74.

26. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Тихон. Христианские нравоучения, почерпнутые из творений Святителя Тихона, Епископа Воронежского и Елецкого. – 7-е изд. – СПб. : Изд. Книгопрод. Бисмера, 1873. – 16 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/271 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 99.

27. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Фаррар Ф.В. Жизнь и труды Св. Апостола Павла. / Ф.В. Фаррар; [Перевод с XIX английского издания А.П. Лопухина]. – СПб. : Изд. И.Л. Тузова, 1887. – 1078 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/230 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 198.

28. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Фаррар Ф.В. Жизнь и труды Св. отцов и учителей церкви. Очерки церковной истории в биографиях. / Ф.В. Фаррар [Пер. с англ. А.П. Лопухина]. – СПб. : Изд. И.Л. Тузова, 1891. – 1036 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/231 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 200.

29. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа. / Ф.В. Фаррар; [Пер. А.П. Лопухина с 30-го английского изд]. – Изд. 2-е, вновь просмотренное и исправленное. – СПб. : Изд. И.Л. Тузова, 1887. – 824 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/228 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 197.

30. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Фомы Кемпийского О подражании Иисусу Христу / Фома Кемпийский; [Пер. с лат.]. – М. : Тип. Августа Семена при императорской медико-хирургической академии, 1834. – 548 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/248 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 242.

31. <Лесков, Н.С. Пометы на книге:> Эзоп. Избранные басни / Эзоп; [Пер. с греч. В. Алексеева]. – СПб. : издание А.С. Суворина, [б.д.] – 103 с. // ОГЛМТ. Инв. 610/119 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 248.

32. Лесков, Н.С. Указатель к «Новому Завету». – 1879 г. – 2 л. // РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 814.

2. Опубликованные материалы.

2.1. Источники.

2.1.1. Собрания сочинений.

33. Лесков, Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Николай Семенович Лесков; [ред. К.П. Богаевская, И.В. Видуэцкая, А.А. Горелов, Е.Ю. Звездинская и др.]. – М. :Терра, 1996-2012. – 11 т.

34. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. / Николай Семенович Лесков; [Под общ.ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума]. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1956-1958. – 11 т.

35. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. / Николай Семенович Лесков; [Сост. В.Ю. Троицкого]. – М. : Правда, 1989. – 12 т.

36. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. / Николай Семенович Лесков. – СПб. : тип. А.С. Суворина, 1889-1896. – 12 т.

2.1.2. Сборники.

37. Лесков, Н.С. Иродова работа. Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. Историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу 1882-1885. / Н.С. Лесков; [Вступ. ст., сост., подготовка текстов и коммент. А.П. Дмитриева]. – СПб. : изд-во «Пушкинский Дом», 2010. – 576 с.

38. Лесков, Н.С. Легендарные характеры / Н.С. Лесков; [Сост. и примеч. Н.Н. Старыгиной]. – М. : Советская Россия, 1989. – 574 с.

39. Лесков, Н.С. О литературе и искусстве. – Л.: издательство Ленинградского университета, 1984. – 285 с.

40. Лесков, Н.С. Русская рознь. Очерки и рассказы / Н.С. Лесков – СПб. : тип. И.Л. Тузова, 1881. – 442 с.

41. Лесков, Н.С. Три праведника и один Шерамур / Н.С. Лесков – 2-е изд. – СПб. : тип. А.С. Суворина, 1886. – 240 с.

42. Лесков, Н.С. Три праведника и один Шерамур / Н.С. Лесков – СПб. : тип. А.С. Суворина, 1880. – 240 с.

43. Лесков, Н.С. Час воли Божией: Рассказы / Н.С. Лесков – М. : Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-т., 1998. – 366 с.

2.1.3. Отдельные произведения.

44. Амвросий, епископ [Ключарев Алексей Иосифович]. Слово на Новый год о средствах к возвращению утраченной веры / Преосвященный Амвросий Епископ Харьковский // Вера и разум. – Харьков. – 1884. – Кн. 1. – С. 5-27.

45. Беллюстин, И. К вопросу о раскольниках / И.С. Беллюстин // Церковно-общественный вестник. – 1879. – №43,44 (11, 13 апреля).

46. Берсье, Е. Соль земли. Беседа пастора / Э. Берсье; [Пер. А. Забелин]. – СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К., 1880. – 32 с.

47. Буньян, Д. Путешествие Пилигрима. Духовная война / Пер. с англ. Ю.Д. Засецкой. – СПб.: тип. Пуцыковича и тип. А. Траншеля, 1878. – 779 с.

48. Киреев, А.А. Несколько ответных слов на брошюру г. Навиля «Католическая церковь и свобода вероисповедания» / А.А. Киреев. – М., Тип. Л.Ф. Снегирева, 1879. – 24 с.

49. Кирилл Туровский. Молитвенные возношения к Богу святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского (Литературный памятник XII в.). – СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1876. – 86 с.

50. Лесков Н.С. Изборник отеческих мнений о важности Священного писания [Собрал и издал Н.С. Лесков]. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. – 40 с.

51. Лесков Н.С. Сентиментальное благочестие (Ежемесячное издание «Русский рабочий» М.Г. Пейкер) / Н.С. Лесков // Православное обозрение. – 1877. – Т.1. – №3. – С. 526-551.

52. Лесков, Н.С. Анафема / Н.С. Лесков // Новое время. – 1880. – №1446. – С. 2-3.

53. Лесков, Н.С. Великопостный указ Петра Великого // Исторический вестник. 1882. Т. VIII. С. 233-235.

54. Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. [С присовокуплением молитв пастора Берсье, в пер. на рус. яз.]. – М.: Университетская тип. (М. Катков), 1877. – 119 с.

55. Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. [В прил.: 1. Сентиментальное благочестие. Великосветский опыт престопадного журнала (Этюд). 2. Молитвы паст. Берсье в русском переводе]. – 2-е изд., вновь просмотр. и доп. прил. – СПб.: тип. В. Тушнова, 1877. – 392 с.

56. Лесков Н.С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. [В прил. 1. Сентиментальное благочестие (Этюд). 2. Молитвы паст. Берсье]. – 3-е изд., вновь просм. и доп. прил. – СПб.: тип. В. Тушнова, 1877. – 292 с.

57. Лесков, Н.С. Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу / Н.С. Лесков; [Предисл. Л. Аннинского] – М. : Книга, 1990. – 29 с.

58. Лесков, Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова (Со старинного на ново пересм. и изд. Н.Л.) / Н.С. Лесков – СПб. : тип. духовного журнала «Странник», 1877. – 30 с.

59. <Без автора> [Лесков, Н.С.] Зеркало жизни истинного ученика Христова / Н.С. Лесков – 2-е изд. – СПб. :Тип. Деп. уделов, 1879. – 21 с.

60. Лесков, Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова / Н.С. Лесков – 3-е изд. – СПб. :Тип. А.С. Суворина, 1881. – 18 с.

61. Лесков, Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова / Н.С. Лесков – 4-е изд. – М. : А.Д. Ступин, 1890. – 30 с.

62. Лесков, Н.С. Зеркало жизни истинного ученика Христова / Н.С. Лесков – 5-е изд. – М. : А.Д. Ступин, 1900. – 30 с.

63. Лесков, Н.С. Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания // Русский рабочий. – 1878. – №11, 12; 1879. – №№1,2,3,4,5,11.
64. Лесков, Н.С. К истории анафемы / Н.С. Лесков // Новое время. – 1880. – №1450. – С. 2-3.
65. Лесков, Н.С. Кадетский малолеток в старости. К истории «Кадетского монастыря» / Н.С. Лесков // Исторический вестник. – 1885. – Т. XX. – №4. – С. 111-131.
66. Лесков, Н.С. Книжки для народа // Новое время. – 1879. – №1233. – 5 (17) августа. – С. 1.
67. Лесков, Н.С. Коварный прием. Два слова «Вестнику Европы» / Н.С. Лесков // Исторический вестник. 1883. – Т. 12. – №5. – с. 487-488.
68. Лесков, Н.С. Наука и религия (О книге Б. Чичерина «Наука и религия») / Н.С. Лесков // Новое время. – 1879. – №1306. – 17 (29) октября. – С. 2-3.
69. <Без автора> [Лесков, Н.С.] Новая назидательная книга // Церковно-общественный вестник. – 1878. – № 40 (2 апреля).
70. <Без автора> [Лесков, Н.С.] Об односторонности // Новое время. – 1879. – №1438. – С. 2-3.
71. Лесков, Н.С. Обнищеванцы (Религиозное движение в фабричной среде 1861-1881) / Н.С. Лесков // Сажин А.В. Неизвестный Лесков. «Обнищеванцы»: текст, претекст, исследование, комментарии. – СПб, 2008. – с. 54-114.
72. Лесков, Н.С. Объяснение по трем пунктам / Н.С. Лесков // Новости. – 1885. – № 40 (10 февраля).
73. Лесков, Н.С. Один из трех праведников. К портрету Андрея Петровича Боброва / Н.С. Лесков // Исторический вестник. – 1885. – Т. XIX. – №1. – С. 80-85.
74. Лесков, Н.С. Откуда заимствован сюжет пьесы графа Л.Н. Толстого «Первый винокур» // Новости. – 1886. – №156 (9 июня).
75. Лесков, Н.С. Педагогическое юродство (Педагогический журнал «Детский сад» и его приложения) / Н.С. Лесков // Православное обозрение. – 1877. – Т. II. – №7. – С. 510-526.

76. Лесков, Н.С. Письмо Н.С. Лескова к В.А. Гольцеву / Н.С. Лесков // Памяти В.А. Гольцева. – М., 1910. – С. 250-251.
77. Лесков, Н.С. Поповская чехарда и приходская прихоть / Н.С. Лесков // Исторический вестник. – 1883. – Т. XI. – №2 (февраль). – С. 263-293.
78. Лесков, Н.С. Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг ветхого Завета / Н.С. Лесков – СПб. : Тип. М.И. Попова, 1878. – 41 с.
79. Лесков, Н.С. Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Ветхого Завета / Н.С. Лесков. – СПб. : Тип. М.И. Попова, 1878. – 40 с.
80. Лесков, Н.С. Сентиментальное благочестие / Н.С. Лесков // Православное обозрение. – 1876. – Т. 1. – №3. – С. 510-526.
81. <Без автора> [Лесков, Н.С.] Указка к книге Нового Завета – [Б.м.], 1879.
82. Лесков, Н.С. Фигура (Из воспоминаний о праведниках) / Н.С. Лесков // Труд. – 1889. – Т. 3. – №13.
83. Лесков, Н.С. «Характер». Сочинение Самуила Смайльса. Перевод с английского. СПб. 1872 г. / Н.С. Лесков // Русский Мир. – 1872. – №222 (27 августа). – С. 2.
84. Лесков, Н.С. Энергичная бестактность («Народный листок», простонародная газета М.М. Дмитриева) / Н.С. Лесков // Православное обозрение. – 1877. – Т. II. – №5. – С. 128-149.
85. Мордовцев, Д.Л. Ванька Каин: Исторический очерк / Д.Л. Мордовцев. – СПб. : хромолит. и тип. В. Грацианского, 1876. – 193 с.
86. <М.П.> Современная ученость и христианство / М.П. // Православное обозрение. – 1877. – Т.1. – №1. – С. 111-151; №3. – С. 544-574.
87. Навиль Ж.Э. Христос. Публичные чтения / Ж.Э. Навиль [Перев. с франц. яз.]. – М.: Университетская тип., 1881. – 176 с.
88. Навиль, Ж.Э. Вечная жизнь. Публичные чтения / Ж.Э. Навиль // Православное обозрение. – 1862. – Т. VII. – №2. – С. 131-170; №3. – С. 283-327; №4. – С. 417-445; Т. VIII. – №6. – С. 145-161; №7. – С. 241-264.

89. Навиль, Ж.Э. Вечная жизнь. Публичные чтения Эрнеста Навиля, бывшего профессора философии в Женеве / Ж.Э. Навиль; [Пер. свящ. Н. Сергиевским, проф. богословия в Московском ун-те] – М. : Тип. Каткова и К., 1862. – 154 с.

90. Навиль, Ж.Э. Вечная жизнь. Публичные чтения Эрнеста Навиля, бывшего профессора философии в Женеве / Ж.Э. Навиль; [Пер. свящ. Н. Сергиевским, проф. богословия в Московском ун-те] – 2-е изд., доп. автором в тексте и особыми обозрениями содержания каждого чтения в конце книги. – М. : Университетская типография, 1865. – 187 с.

91. Навиль, Ж.Э. Вопрос о зле / Ж.Э. Навиль; [Пер. с франц. В приложении брошюра, заключающая две беседы о долге того же автора]. – СПб. : Тип. А.М. Котомина, 1871. – 196, 50 с.

92. Навиль, Ж.Э. Небесный Отец. Беседы о Боге и его отношении к миру и к человеку / Ж.Э. Навиль; [Пер. с франц. яз.]. – СПб. : Тип. А. Головачова, 1868. – 199 с.

93. Никольский, Константин, свящ. Анафематствование (отлучение от Церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Историческое исследование о чине Православия / К.Т. Никольский. – СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К., 1879. – 314 с.

94. Отклик. Литературный сборник в пользу голодающих. / В.И. Немирович-Данченко, П.И. Вейнберг, Н.Н. Златовратский, Н.М. Минский и др. – Одесса : тип. и лит. «Одесского листка», 1892. – 276 с.

95. <П-ч.> Вера и знание: Рецензия на книгу Дж.У. Дрэпера «История отношений между католицизмом и наукой» / П-ч // Странник. – 1877. – Т. 2. – С. 59-86.

96. Рождественский В. Библиографические очерки / В. Рождественский // Христианское чтение. – 1869. – №5. – С. 774-801.

97. Тихон Задонский. Из творений Св. Тихона Задонского (Сокровище духовное от мира собираемое). Зеркало / Свят. Тихон Задонский // Русский рабочий. – 1883. – №8. – С. 5-6.

98. Фома Кемпийский. О подражании Христу. Четыре книги / Фома Кемпийский, монах; [Новый пер. с лат. К.П. Победоносцева. С предисл. и примеч. Переводчика]. – 2е изд. [по вновь открытой подлинной рукописи] – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1880. – 280 с.

99. Шафф, Ф. Иисус Христос – чудо истории. Сочинение, заключающее в себе опровержение ложных теорий о лице Иисуса Христа и собрание свидетельств о высоком достоинстве характера, жизни и дел его со стороны неверующих / Ф. Шафф; [Пер. с нем.]. – СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1874 [1875]. – 177 с.

100. <Без автора.> Theologus maniacus (письмо в ред.) // Церковный вестник. – 1879. – №16-17. – С. 1-3.

101. <Без автора.> Веротерпимость и славянство // Церковный вестник. – 1879. – №10. – С. 7-8.

102. <Без автора.> «Генерал» Пашков и его «проповеди» // Новое время. – 1880. – №1413. – С. 3.

103. <Без автора.> Достоверность чудес [Из книги Фаррара: The witness of history to Christ, которая составила из лекций, читанных им в 1870 г. в Кембриджской коллегии, так-назыв. Hulsean lectures] // Православное обозрение – 1876. – Т. II. – С. 245-270.

104. <Без автора.> Женские истории. Приключения в современном духе // Новости. – 1878. – №269 (21 октября). – С. 1-2

105. <Без автора.> Жизнь Иисуса Христа Фаррара в русском переводе // Православное обозрение. – 1876. – Т. II. – №5. – С. 205-208.

106. <Без автора.> Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. – Казань: В типографии Губернского правления, 1857. (То же: Православный собеседник. – Казань, 1857. – С. 212–260, 273–351).

107. <Без автора.> Наше духовенство по беллетристическим произведениям. // Православное обозрение. – 1876. – Т. I. – №1. – С. 73-109

108. <Без автора.> Отчет отдела общества любителей д. просвещения по распространению духовно-нравственных книг за 1875 г. // Православное обозрение. – 1876. – Т. 2. – №6. – С. 349-366.

109. <Без автора.> Рецензия на книгу «Иисус Христос – чудо истории. Сочинение Филиппа Шаффа. Санкт-Петербург. 1875 года» // Странник. Духовный учено-литературный журнал [раздел «Библиография»]. – 1876. – Т. 1. – с. 6-8 (106-108).

110. <Без автора.> Рецензия на очерк Н.С. Лескова «Анафема» // Сын отечества. – 1880. – №10 (9 марта). – С. 133.

111. <Без автора.> Следуй за Господом Иисусом Христом // Русский рабочий. – 1879. – №11; 1880. – №1,3,8,9.

112. <Без автора.> Типы современных газет. Новое время. // Слово. – 1879. – №8 (август). – С. 229-230.

113. <Без автора.> [Укрепляйся в благодати Христом Иисусом] // Русский рабочий. – 1882. – №10. – С. 67-69; №11. – С. 78-80; №12. – С. 84-86.

114. <Без автора.> Французская газета о русской проповеди // Новое время. – 1880. – №1467. – С. 2.

115. <Без автора.> Что вы думаете о Христе? // Русский рабочий. – 1882. – №2. – С. 2-4.

116. Hollard, R. Essai sur le Caractère de Jésus-Christ / Roger Hollard. Paris : C. Meyrueis, 1866. – 172 p.

117. Naville, E.-A. Archaeology of the Old Testament / Édouard-Henri Naville. – L. : Robert Scott, 1913. – 212 p.

118. Naville, E.-A. The Mount of Jew and City of Onias, Belbeis, Samanood, Abusir, Tukh el Karmus / Édouard-Henri Naville. – L. : Messrs. K. Paul, Trench, Trübner and Co., 1887. – 76 p.

2.2. Научная литература

119. Агеева, Е.А. «Лексинские доживалки» в творчестве И.С. Лескова: (По материалам архива писателя в РГАЛИ) / Е.А. Агеева // Женщина в старообрядчестве. – Петрозаводск, 2006. – С. 152-158.
120. Алексеев, П.П. Православная духовность романа Н. Лескова «Соборяне» / П.П. Алексеев // Литература и культура в контексте христианства. – Ульяновск, 1999. – С. 62-63.
121. Андреева, Т.А. О коллекции документов, собранных Н.С. Лесковым / Т.А. Андреева // Памятники культуры. – Л., 1986. – С. 70-75.
122. Аннинский, Л.А. Блажные и блаженные Николая Лескова / Л.А. Аннинский // Вопросы литературы. – М., 1988. – №7. – С. 189-198.
123. Аннинский, Л.А. Лесковское ожерелье / Л.А. Аннинский. – 3е изд., перераб и дополн. – СПб. : Библиополис, 2012. – 560 с.
124. Аннинский, Л.А. Три еретика: Повести о А.Ф. Писемском, П.И. Мельникове-Печерском, Н.С. Лескове / Л.А. Аннинский. – М. : Книга, 1988. – 352 с.
125. Антонова, М.В. Патериковая манера в «Заметках неизвестного» Н.С. Лескова / М.В. Антонова // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н.С. Лескова. – Орел, 1991. – С. 22-23.
126. Ауэр, А.П. Русская литература XIX века. Традиция и поэтика / А.П. Ауэр. – Коломна : Коломенский государственный педагогический институт, 2008. – 208 с.
127. Афонин, Л.Н. Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И.С. Тургенева / Л.Н. Афонин // Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860—1890-х годов. – Т. 87. – М. : Наука, 1977. – С. 130-158.
128. Багно, В.Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство / В.Е. Багно. – СПб. : Наука, 2009. – 228 с.
129. Балабушевич, В.Ю. Религиозный текст: диалектика содержания и интерпретации: дисс. ... канд. филос. наук / Виктор Юрьевич Балабушевич. – Новосибирск, 1997. – 153 с.

130. Барковская, Ю.В. О составе ономастикона Н.С. Лескова : Имя Господа Иисуса Христа / Ю.В. Барковская // Русский язык и славистика в наши дни. – М., 2004. – С. 511-514.
131. Барковская, Ю.В. Особенности произведений Н.С. Лескова на темы Пролога / Ю.В. Барковская // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. – М., 2006. – С.105-106.
132. Барковская, Ю.В. Тенденция в выборе имени библейского героя: («Гора» Н.С.Лескова) / Ю.В. Барковская // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка. – М., 2002. – С. 208-211.
133. Березкина, Е.П. «Соборяне» Н.С.Лескова: (К проблеме евангельских мотивов) / Е.П. Березкина // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте. – Улан-Удэ, 1999. – С. 57-63.
134. Бобровская, И.В. Трансформация агиографической традиции в творчестве писателей XIX в.: (Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова) / И.В. Бобровская // Текст: структура и функционирование. – Барнаул, 2001. – Вып. 5. – С. 115-119.
135. Бобровская, И.В. Элементы агиографии в рассказе Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» / И.В. Бобровская // Текст: структура и функционирование. – Барнаул, 2002. – Вып. 6. – С. 127-131.
136. В мире Лескова: сборник статей / Ред.-сост. В. Богданов. – М. : Советский писатель, 1983. – 370 с.
137. Варганова, О.В. Смерть как одна из основных составляющих типа праведника в романе Н.С. Лескова «Соборяне» / О.В. Варганова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. – М., 2004. – С. 19-27.
138. Васильева, О.В. Христианский мотивный комплекс раннего творчества Н.С. Лескова / О.В. Васильева // VI Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2009. – С. 10-16.
139. Видмарович, Н. Иконный текст «Сошествия во ад» Н.С. Лескова / Н. Видмарович // Нарративные традиции славянских литератур: (Средневековье и Новое время). – Новосибирск, 2007. – С. 182-191.

140. Видуэцкая, И.П. Гоголь и Лесков: (К вопросу о творческой преемственности) / И.П. Видуэцкая // Гоголь и литература народов Советского Союза. – Ереван, 1986. – С. 128-146.

141. Видуэцкая, И.П. Николай Семенович Лесков / И.П. Видуэцкая. – М. : Знание, 1979. – 64 с.

142. Видуэцкая, И.П. Н.С. Лесков: пафос практического переустройства жизни и воспитания человека / И.П. Видуэцкая // Очерки русской культуры XIX века. – М., 2005. – С. 373-413.

143. Видуэцкая, И.П. Толстой и Лесков. Нравственно-философские искания (1880-1890-е годы) / И.П. Видуэцкая // Толстой и литература народов СССР. – Ереван, 1978. – С. 146-159.

144. Визгелл, Ф. Блудные сыновья или блуждающие души: «Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованный странник» Лескова / Ф. Визгелл // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 50. – СПб.: Наука, 1997. – С. 754-762.

145. Веницкий, И. Духовный карцер. Н.С. Лесков и «Палата №6» А.П. Чехова / И. Веницкий // Вопросы литературы. – М., 2006. – Вып. 4. – С. 310-322.

146. Веницкий, И. Русские духи: Спиритуалистический сюжет романа Н.С. Лескова «На ножах» в идеологическом контексте 1860-х годов / И. Веницкий // Новое литературное обозрение. – М., 2007. – №87. – С. 184-213.

147. Виноградов, И.А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя / И.А. Виноградов. – М. : ИМЛИ РАН ; «Наследие», 2002. – 446 с.

148. Власкин, А.П. Заочный диалог Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского по проблемам религиозности и народной культуры / А.П. Власкин // Русская литература – СПб., 2003. – №1. – С. 16-48.

149. Гебель, В.А. Н.С. Лесков: В творческой лаборатории / В.А. Гебель. – М. : Советский писатель, 1945. – 223 с.

150. Головачева, О.А. Тема стыда и стыдливости в публицистике Н.С. Лескова: лексико-стилистический аспект / О.А. Головачева // Русский язык в

системе славянских языков: история и современность. – М., 2009. – Вып. 3. – С. 81-89.

151. Головкин, В.М. Историческая поэтика русской классической повести: учеб. пособие / В.М. Головкин. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 280 с.

152. Горелов, А.А. Лесков и народная культура / А.А. Горелов. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1988. – 294 с.

153. Горелов, А.А. Патриотическая легенда Н.С. Лескова: (Поэтика «преобразований» и стилизации в повести «Запечатленный ангел») // Русская литература – Л., 1986. – №4. – С. 153-165.

154. Горелов, А.А. «Художный муж» Никита Рачейсков в судьбе Николая Лескова // Художественные традиции в русской литературе. – Тверь, 2003. – С. 68-72.

155. Гримстад, К.А. Полиэтничность как религиозная проблема в «Очарованном страннике» Н.С. Лескова / К.А. Гримстад // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. – Петрозаводск, 1998. – Вып. 2. – С. 454-461.

156. Гродецкая, А.Г. Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого / А. Г. Гродецкая. – СПб.: Наука, 2000. – 262 с

157. Громов, В.А. Лондонские издания Герцена в библиотеке Н.С. Лескова / В.А. Громов // Вопросы литературы. – 1962. – №5. – с. 15-24.

158. Гроссман, Л.П. Н.С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика / Л.П. Гроссман. – М. : Гослитиздат, 1945. – 320 с.

159. Гунн, Г.П. Лесков и Нил Сорский / Г.П. Гунн // Святые и святыни северорусских земель (По материалам VII науч. региональной конф.) / Сост. и науч. ред. Н. И. Решетникова. – Каргополь : Каргоп. гос. историко-архитектур. и художеств. музей, 2002. – С. 62-66.

160. Данилова, Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова (на материале произведений 1860 – 1880-х гг. об иностранцах и инородцах): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Надежда Юрьевна Данилова. – СПб., 2011. – 30 с.

161. Двинятин, Ф.Н. Лингвопоэтический анализ Торжественных слов св. Кирилла Туровского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Федор Никитич Двинятин. – СПб., 1996. – 18 с.

162. Дзюба, Е.М. Символическая формула «искушение – исцеление – обращение» и ее инварианты в русской литературе: («Повесть о Савве Грудцыне» и очерк Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда») / Е.М. Дзюба // Российская система ценностей. – Н. Новгород, 2005. – С. 174-178.

163. Долинина, И.В. Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н.С. Лескова / И.В. Долинина // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. – Иваново, 2010. – Т.1. – №1. – С. 67-73.

164. Долинина, И.В. Н.С. Лесков 1870-х гг.: Тип художественного мышления и динамика жанров: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Долинина Ирина Вячеславовна. – Иваново, 2001. – 216 с.

165. Долинина, И.В. Художественный концепт «христианство» в цикле «Русские богоносцы» Н.С. Лескова / И.В. Долинина // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик. – Курск, 2009. – Ч. 1. – С. 261-266.

166. Дмитренко, С.Ф. Факт и вымысел в художественном сознании Н.С. Лескова / С.Ф. Дмитренко // Время и творческая индивидуальность писателя. – Ярославль, 1990. – С. 49-58.

167. Дмитриев, А.П. «Православие и русская литература» в публикациях последних лет» / А.П. Дмитриев // Русская литература. – 1995. - №1. – С. 255-269.

168. Другов, Б.М. Н.С. Лесков: Очерк творчества / Б.М. Другов. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 190 с.

169. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках / М.М. Дунаев. – М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с.

170. Дурылин, С.Н. Н.С. Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества / С.Н. Дурылин // Москва. – 2011. – № 2. – С. 114-137.

171. Душечкина, Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра / Е.В. Душечкина . – СПб. : Языковой центр, СПбГУ, 1995. – 256 с.
172. Дыханова, Б.С. В зазеркалье волшебника слова (поэтика «отражение» Н.С. Лескова): монография / Б.С. Дыханова. – Воронеж: Воронежский гос. педагогический ун-т, 2013. – 204 с.
173. Дыханова, Б.С. В зеркалах устного слова: (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н.С. Лескова) / Б.С. Дыханова. – Воронеж: Изд-во Воронежского педуниверситета, 1994. – 191 с.
174. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 3. – Петрозаводск, 2001. – 511 с.
175. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 6. / Отв. ред. В.Н. Захаров. – Петрозаводск; СПб., 2011. – 408 с.
176. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 8. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2013. – 460 с.
177. Евдокимова, О.В. Диалог Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским: Рассказ Н.С. Лескова «По поводу "Крейцеровой сонаты"» как образ памяти писателя / О.В. Евдокимова // Достоевский и мировая культура. – М., 1999. – №13. – С. 95-110.
178. Евдокимова, О.В. Н.С. Лесков и Ф.И. Буслаев / О.В. Евдокимова // Русская литература. – Л., 1990. – №1. – С. 194-199.
179. Евдокимова, О.Е. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова / О.В. Евдокимова. – СПб. : Алетейя, 2001. – 315 с.
180. Евдокимова, О.В. Память, интуиция, вера в художественном мире Н.С. Лескова: («Владычный суд») / О.В. Евдокимова // Христианство и русская литература. – СПб., 1999 . – Сб. 3. – С. 237-249.

181. Есаулов, И.А. Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 288 с.
182. Есаулов, И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есаулов. – М.: Кругъ, 2004. – 560 с.
183. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. – М.: Наука, 1989. – 372 с.
184. Жирунов, П.Г. Аксиологическая триада в контексте творчества Н.С. Лескова: К вопросу о религиозности писателя / П.Г. Жирунов // Пасхальные чтения: Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2004. – С. 119-126.
185. Жирунов, П.Г. Жанр святочного рассказа в творчестве Н.С. Лескова / П.Г. Жирунов // Художественный мир русского романа. – Арзамас, 2001. – Вып. 4. – С. 64-69.
186. Жирунов, П.Г. Концепция веры в «Соборьях» и «Захудалом роде» Н.С. Лескова / П.Г. Жирунов // Православие и русская литература. – Арзамас, 2004. – С. 52-62.
187. Жирунов, П.Г. Мотив чуда в легендах из Пролога Н.С. Лескова. (К вопросу о жанровой типологии) / П.Г. Жирунов // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. – Арзамас, 2006. – С. 347-354.
188. Жирунов, П.Г. Особенности поэтики произведений цикла «проложных» легенд Н.С. Лескова / П.Г. Жирунов // Проблемы этико-художественной преемственности в литературе. – Арзамас, 2006. – С. 150-159.
189. Жолковский, А. «Из новейших одобрялся несомненно один Тургенев...»: (К теме И.С. Тургенев и Н.С. Лесков) / А. Жолковский // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. – М., 2009. – С. 266-281.
190. Заварзина, Н.Ю. Оппозиция «свое» / «чужое» в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» / Н.Ю. Заварзина // Русская литература. – 2002. – №5. – С. 174-185.

191. Заварзина, Н.Ю. Теория заимствования эпических сюжетов и повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник» / Н.Ю. Заварзина // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы. – Орел, 2004. – С. 87-91.
192. Зевалд, Ю.А. Митрополит Филарет в книге Н.С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни» / Ю.А. Зевалд // Славянский мир: общность и многообразие. – Коломна, 2007. – Ч. 1. – С. 72-75.
193. Зонова, Ю.В. К вопросу о композиционном своеобразии повестей Н.С. Лескова (традиции древнерусской агиографии) / Ю.В. Зонова // Слово в контексте времени. – Курган, 2004. – С. 70-74.
194. Зырянов, О.В. Христианская религиозность в структуре феномена русской литературной классики / О.В. Зырянов // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2009. – Ч. 1. – С. 7-13.
195. Иванова, Т.В. К вопросу о цитате в хронике Н.С. Лескова «Соборяне» / Т.В. Иванова // Интерпретация художественного текста. – Петрозаводск, 2001. – С. 112-116.
196. Игнатий [Брянчанинов, Д.А.]. Сочинения епископа Игнатия: в 7 т. [Репринт.] / еп. Игнатий [Дмитрий Александрович Брянчанинов] – М. : Правило Веры: Дон. монастырь, 1993. – 7 т.
197. Св. Игнатий [Брянчанинов, Д.А.]. Аскетические опыты. / св. Игнатий (Брянчанинов). – СПб., 1886. – Т. 1.
198. Ильинская, Т.Б. Антитолстовская проповедь о. Иоанна Кронштадского и творчество Н.С. Лескова 1890-х годов / Т.Б. Ильинская // Историко-литературный сборник. – СПб., 2003. – С. 123-128.
199. Ильинская, Т.Б. «Власть тьмы» – библейское и толстовское в интерпретации Лескова: (Неизвестная статья Лескова «О дурацких обычаях») / Т.Б. Ильинская // Мир русского слова. – СПб., 2009. – №4. – С. 64-70.
200. Ильинская, Т.Б. Н.С. Лесков в церковной и религиозно-философской критике / Т.Б. Ильинская // Российская словесность: эстетика, теория, история. – Самара, 2007. – С.185-188.

201. Ильинская, Т.Б. Религиозно-фольклорные мотивы в творчестве Лескова (1860-1875) / Т.Б. Ильинская // Петербургские чтения. – СПб., 2007. – С. 122-129.
202. Ильинская, Т.Б. Русское разноверие в творчестве Н.С. Лескова / Т.Б. Ильинская; [науч. ред. И.В. Столярова]. – СПб. : Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2010. – 252 с.
203. Ильяшенко, Т.А. Библейские и богослужебные элементы в прозе Н.С. Лескова.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Александровна Ильяшенко. – Москва, 2002. – 273 с.
204. Ипатова, С.А. Достоевский, Лесков и Ю.Д. Засецкая: спор о редстокизме: (Письма Ю.Д. Засецкой к Достоевскому) / С.А. Ипатова // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб., 2001. – Т. 16. – С. 409-426.
205. Карпов, И.П. Автор и герой в онтологической ситуации: (Творчество Н.С. Лескова) / И.П. Карпов // Природа и человек в художественной литературе. – Волгоград, 2001. – С. 188-194.
206. Карташева, Н.В. Русский Бог русского миссионера: (Рассказ Н.С. Лескова «На краю света») / Н.В. Карташева // Феномен творческой личности в культуре. – М., 2005. – С. 166-172.
207. Кашинская, Л.В. Печать Русской православной прессы: традиции и перспективы / Л.В. Кашинская // Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. – М., 1994. – 2 ч.
208. Каццола, П. К проблеме изучения диалога в произведениях Николая Лескова / П. Каццола // Книга и литература. – Новосибирск, 1997. – С. 123-131.
209. Клишина, О.С. Ценностные ориентации российского общества XIX века (по произведениям Н.С. Лескова) / О.С. Клишина // Российская ментальность как компонент новой парадигмы социального управления. – М., 2004. – С. 138-144.
210. Ковалева, Е.В. Средневековый лечебник «Прохладный ветроград» как источник рассказа Н. Лескова «Несмертельный Голован» / Е.В. Ковалева // Проблемы филологии в синхронии и диахронии. – Челябинск, 2005. – С. 394-403.

211. Ковалева, Ю.Н. Роль образов русского фольклора в раскрытии национальной самобытности героев Н.С. Лескова («Очарованный странник») / Ю.Н. Ковалева // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – Волгоград, 2005. – С. 512-116.
212. Кольцова, Ю.Н. Духовные искания Н.С. Лескова. Кризис христианской идеи в творчестве Лескова 70-х гг. / Ю.Н. Кольцова // Вестник Московского университета. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2000. – № 4. – С. 87–95.
213. Комов, А.В. О роли канонов Ангелу-хранителю в повести Н.С. Лескова «Запечатленный ангел» / А.В. Комов, М.А. Комова // Духовные начала русского искусства и образования. – Новгород, 2007. – С. 220-226.
214. Комова, М.А. Об иконографии образов в повести Н.С. Лескова «Запечатленный ангел» / М.А. Комова // Духовные начала русского искусства и образования. – Новгород, 2007. – С. 226-233.
215. Коробкова, А.А. Кто является главным героем в рассказе Н.С.Лескова «На краю света»? / А.А. Коробкова // Сравнительное и общее литературоведение. – М., 2008. – Вып. 2. – С.105-114.
216. Коробкова, А.А. Мотив СЛЕПОТЫ и ПРОЗРЕНИЯ в рассказе Н.С. Лескова «Павлин» / А.А. Коробкова // Сравнительное и общее литературоведение. – М., 2006. – Вып. 1. – С.176-185.
217. Косых, Г.А. Концепция праведности Н.С. Лескова 60-70-х годов / Г.А. Косых // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге. – Волгоград, 1999. – Вып. 4. – С. 35-37.
218. Косых, Г.А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова 1870-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Галина Алексеевна Косых. – Волгоград, 1999. – 224 с.
219. Котельников, В.А. «Восточнохристианская аскетика на русской почве» / В.А. Котельников // Христианство и русская литература. РАН Институт русской литературы (Пушкинский Дом): сб. науч. ст. – СПб.: Наука, 1994. – С. 396-412.

220. Котельников, В.А. Язык церкви и язык литературы / В.А. Котельников // Русская литература. – 1996. – №1. – С. 5-26.
221. Кротова, А.А. «Будьте совершенны...»: (Религиозно-нравственные искания в святочном творчестве Н.С. Лескова и его современников) / А.А. Кротова. – М.; Орел, 1999. – 303 с.
222. Кротова, А.А. Святочные рассказы Н.С. Лескова в контексте русской литературы XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Алла Анатольевна Кротова. – М., 1992. – 21 с.
223. Кротова, А.А. Христианские заповеди в святочных рассказах Н.С. Лескова «Христос в гостях у мужика», «Под Рождество обидели» / А.А. Кротова // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. – Петрозаводск, 1998. – Вып. 2. – С. 471-478.
224. Кудряшов, И.В. «По суду любящих имя Твое провести невежд...»: (К проблеме жанра и характерологии хроники Н.С. Лескова «Соборяне») / И.В. Кудряшов // Проблемы этико-художественной преемственности в литературе. – Арзамас, 2006. – С. 116-149.
225. Курганская, А.А. Творчество Н.С. Лескова в оценке М.А. Протопопова / А.А. Курганская // Художественное творчество и взаимодействие литератур. – Алма-Ата, 1985. – С. 51-56.
226. Лавринец, П.М. Н.С. Лесков в журнале «Сельское чтение» / П.М. Лавринец // Русская литература. – СПб., 1996 – №1. – С. 175-182.
227. Левин, С. «По разуму и по совести...» Повествователь в очерке Н.С. Лескова «Евреи в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу» / С. Левин // Филологические записки – Воронеж, 2006. – Вып. 25. – С. 91-107.
228. Леденева, В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова / В.В. Леденева. – М., 2000. – 185 с.
229. Лейбов, Р.Г. Рассказ Лескова и «миф 1812 года» / Р.Г. Лейбов // Лотмановский сборник. – М. : О.Г.И.; Изд-во РГГУ, 1997. – Т. 2. – С. 328-339.
230. Лепяхин, В.В. Образ иконописца в русской литературе XI-XX веков / В.В. Лепяхин. – М. : Русский путь, 2005. – 472 с.

231. Лесков и русская литература: сборник статей / Отв. ред. К.Н. Ломунов., В.Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1988. – 255 с.
232. Лесков, А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: в 2-х т. / А.Н. Лесков. – М.: Художественная литература, 1984. – 2 т.
233. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 1: Творчество Н. С. Лескова: прошлое, настоящее, будущее: Международный сборник научных трудов: Материалы первой международной научной интернет-конференции / Науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. : НИП «ВФК», 2008. – 295 с.
234. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 2: Творчество Н. С. Лескова: Международный сборник научных трудов: Материалы второй международной научной интернет-конференции / Науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. : НИП «ВФК», 2009. – 193 с.
235. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 3: Творчество Н. С. Лескова в современном изучении: Международный сборник научных трудов: Материалы первой международной научной интернет-конференции / Науч. ред. Д. В. Неустроев. – М., Орел : НИП «ВФК», 2010. – 336 с.
236. ЛЕСКОВИАНА. – Т. 4: Документальное наследие Н.С. Лескова: текстология и поэтика: Международный сборник научных трудов: Материалы международной научной конференции (г. Москва, 21-23 ноября 2011 г., Российский государственный архив литературы и искусства): Сб. науч. тр. / Сост и науч. ред. Д. В. Неустроев. – М. : НИП «ВФК», 2011. – 341 с.
237. Литературное наследство. Неизданный Лесков / отв. ред. К.П. Богаевская, О.Е. Майорова, Л.М. Розенблюм. – М. ИМЛИ РАН., «Наследие», 2000. – Т. 101. – Кн. 1, 2.
238. Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература: Статьи. / Д.С. Лихачев. – Л. : Советский писатель, 1984. – 271 с.
239. Лотман, Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю.М. Лотман // Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. – Т. II. – Таллинн, 1992. – С. 389-415.

240. Лукашевич, М. Библия в художественном мире рассказа Н.С. Лескова «Однодум» / М. Лукашевич // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2012. – С. 259-266.

241. Лукьянчикова, Н.В. Влияние агиографической традиции на формирование образа литературного героя в творчестве Н.С. Лескова (на материале «Жития одной бабы») / Н.В. Лукьянчикова // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2008. – Вып. 4. – С. 44-46.

242. Лукьянчикова, Н.В. Произведения Н.С. Лескова и агиография: диалог-интерпретация / Н.В. Лукьянчикова // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2009. – Ч. 1. – С. 175-178.

243. Любомудров, А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев / А.М. Любомудров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 271 с.

244. Майорова, О.Е. «...Жаль наших православных...»: (О затерянной статье Н.С. Лескова «Безбожные школы в России») / О.Е. Майорова // Путь. – М., 1994. – №5. – С. 183-193.

245. Майорова, О.Е. К истории пожизненного диалога: Из переписки Н.С. Лескова с А.С. Сувориным / О.Е. Майорова // Новое литературное обозрение. – М., 1993. – №4. – С. 78-101.

246. Майорова, О.Е. Н.С. Лесков: структура этно-конфессионального пространства / О.Е. Майорова // Тыняновский сборник. – М., 1998. – Вып. 10. – С. 118-138.

247. Майорова, О.Е. Митрополит московский Филарет в общественном сознании конца XIX века / О.Е. Майорова // Лотмановский сборник. – М., 1997. – Т. 2. – С. 615-638.

248. Майорова, О.Е. «Непонятное» у Н.С. Лескова: О функции мистифицированных цитат / О.Е. Майорова // Новое литературное обозрение. – М., 1994. – №6. – С. 59-66.

249. Майорова, О.Е. Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции / О.Е. Майорова // Русская литература. – Л., 1987. – №3. – С. 170-179.

250. Макарова, Е.А. Вопрос о «русском чуде» в религиозно-философском споре Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского / Е.А. Макарова // Святоотеческие традиции в русской литературе. – Омск, 2005. – Ч. 2. – С. 143-146.

251. Макарова, Е.А. Житийная традиция в миропонимании Н.С. Лескова / Е.А. Макарова // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского государственного ун-та, 8-10 декабря 1998 г. – Томск, 1999. – Ч. 1. – С. 228-233.

252. Макарова, Е.А. Круг чтения как отражение культурной интуиции писателя: (На материале библиотеки Н.С. Лескова) / Е.А. Макарова // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1997. – Вып. 19. – С. 98-100.

253. Макарова, Е.А. Мотив русского чуда в «рождественском тексте» Н.С. Лескова / Е.А. Макарова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Новосибирск, 2006. – Вып. 7. – С. 184-191.

254. Макарова, Е.А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Елена Антониновна Макарова. – Томск, 1992. – 21 с.

255. Макарова, Е.А. Старообрядческая «модель» человека в эстетике Н.С. Лескова: (К постановке проблемы) // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1994. – Вып. 18. – С. 183-192.

256. Макарова, Е.А. Формирование русской житийной традиции и ее отражение в творческом сознании Н.С. Лескова / Е.А. Макарова // Мотивы и сюжеты русской литературы от Жуковского до Чехова: к 50-летию научно-педагогической деятельности Ф.З. Кануновой : [сб. статей]/ Отв. ред. А.С. Янушкевич. – Томск : Знамя Мира, 1997. – С. 130-138.

257. Марецкая, Е.В. Н.С. Лесков в оценке русской критики и литературоведения / Е.В. Марецкая // *Littera Terra*. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 4. – С. 268-276.
258. Маркадэ, Ж.-К. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с франц. А.И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман – СПб. : Академический проект, 2006. – 478 с.
259. Мартыненко, З.М. К вопросу о духовных исканиях Н.С. Лескова / З.М. Мартыненко // *Славяне. Письменность и культура*. – Смоленск, 2002. – С. 34-42.
260. Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / Подгот. к печати Ю.И. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. – М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956—1960. – 4 т.
261. Мелентьева, И.Е. Древнерусские традиции в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» / И.Е. Мелентьева // *Литература Древней Руси*. – М., 2004. – С. 142-156.
262. Мелентьева, И.Е. Образ и труды преподобного Нила Сорского в восприятии Н.С. Лескова / И.Е. Мелентьева // *Мир житий : Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 окт. 2001 г.)*. – М., 2002. – С. 278-284.
263. Мелентьева, И.Е. Образы и темы литературы Древней Руси в творчестве Н.С. Лескова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ирина Евгеньевна Мелентьева. – Москва, 2004. – 178 с.
264. Мелентьева, И.Е. Преподобный Нил Сорский и образы праведников Н.С. Лескова / И.Е. Мелентьева // *Макариевские чтения*. – Можайск, 2003. – Вып. 10. – С. 518-524.
265. Миндлин, А. Еврейская тема в публицистике Н.С. Лескова / А. Миндлин // *Параллели : Рус.-евр. ист.-лит. и библиогр. альм.* – М., 2004. – №4/5. – С. 101-117.
266. Минеева, И.Н. Византийская легенда в творчестве Н.С. Лескова: (Повесть «Прекрасная Аза») / И.Н. Минеева // *Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах*. – Петрозаводск, 2001. – С. 129-134.

267. Минеева, И.Н., Годяева, Н.В. Жанр сократического диалога в творчестве Н.С. Лескова (на примере рассказа «На краю света») / И.Н. Минеева, Н.В. Годяева // Художественный текст: опыты интерпретации: Сб. науч. статей к 75-летию Карельского государственного педагогического университета / Отв. редактор А.В. Пигин. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – С. 25-32.

268. Минеева, И.Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Инна Николаевна Минеева. – СПб, 2003. – 24 с.

269. Минеева, И.Н. К проблеме интерпретации «древлепечатного» Пролога Н.С. Лесковым / И.Н. Минеева // Русская историческая филология : Проблемы и перспективы. – Петрозаводск, 2001. – С. 344-352.

270. Минеева, И.Н. Материалы к издательскому проекту «Пометы Н.С. Лескова в "Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа (СПб., 1864)": Описание. Комментарии. Интерпретации» / И.Н. Минеева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2011. – №6. – С. 113-125.

271. Минеева, И.Н. «Память преподобного отца нашего Феодула епарха» в восприятии Н.С. Лескова / И.Н. Минеева // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – М., 2007. – Т. 2. – С. 117-122.

272. Морозова, Н.А. Старообрядчество в оценке Н.С. Лескова / Н. Морозова // Труды по русской и славянской филологии. Новая серия IV: Русские староверы за рубежом. – Тарту, 2000. – С. 85-97.

273. Мотеюнайте, И.В. Некрасовская цитата в лесковском «Шерамуре» / И.В. Мотеюнайте // Некрасов в контексте русской культуры. – Ярославль, 2008. – С. 53-56.

274. Мотеюнайте, И.В. От «Шерамура» к «Дурачку»: (О восприятии юродства Н.С. Лесковым) / И.В. Мотеюнайте // Время и текст. – СПб., 2002. – С. 235-247.

275. Мюллер де Морог, И. Марфа и Мария. Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. Сб. науч. тр. – Вып. 2. – Петрозаводск, 1998. – С. 442-453.

276. Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175-летию со дня рождения) / Отв. ред. И.П. Видуэцкая. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 376 с.
277. Н.С. Лесков: классик в неклассическом освещении: Аким Волинский. Н.С. Лесков; Александр Измайлов. Лесков и его время / Отв. ред. О.Л. Фетисенко. – СПб. : «Владимир Даль», 2011. – 590 с.
278. Неизвестный фельетон Н.С. Лескова / Вступ. заметка и публ. Зенкевич С.И. // Русская литература. – СПб., 1999. – №3. – С. 111-117.
279. Нематова, А.Т. Литературные, фольклорные, житийные реминисценции в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» / А.Т. Нематова // Коммуникации. Общество. Духовность – 2008. – Ухта, 2009. – С. 129-132.
280. Непомнящих, Н.А. Мотив прозрения в «Пугале» Н.С. Лескова / Н.А. Непомнящих // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. – Новосибирск, 2008. – С. 421-428.
281. Непомнящих, Н.А. Сюжетная ситуация встречи с лесным отшельником и житийная топика в произведениях Н.С. Лескова и Л.М. Леонова / Н.А. Непомнящих // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Новосибирск, 2009. – Вып. 8. – С.176-188.
282. Нетужилов, К.Е. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX веков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Нетужилов Константин Евгеньевич – СПб., 2010. – 36 с.
283. Неустроев, Д.В. Неизвестные источники повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» / Д.В. Неустроев // Филологические науки. – М., 2006. – №6. – С. 106-112.
284. Николаева, С.Ю. Закон и благодать в рассказе Л.Н. Толстого «Воров сын» / С.Ю. Николаева // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. – Волгоград, 2007. – Т. 2. – С. 132-138.
285. Николаева, С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе: монография / С.Ю. Николаева. – М.; Ярославль: Издательство Литера, 2004. – 360 с.

286. Нистратов, С.Ф. Лесков-критик в журнале «Исторический вестник» / С.Ф. Нистратов // Филологические этюды. – Саратов, 1998. – Вып. 1. – С. 63-65.
287. Новикова, А.А. Евангельский эпиграф в поэтике святочного рассказа Н.С. Лескова «Отборное зерно» / А.А. Новикова // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер.: Рус. филология – М., 2006. – №2. – С. 234-238.
288. Новикова, А.А. Н.С. Лесков о религиозной жизни России / А.А. Новикова // Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы. – Орел, 2004. – С. 21-24.
289. Новикова, А.А. Новозаветная концепция преобразования мира и человека в творчестве Н.С. Лескова: (Повесть «Некрещеный поп») / А.А. Новикова // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007. – Ч. 2. – С. 361-373.
290. Новикова, А.А. Религиозно-нравственные искания в творчестве Н.С. Лескова 1880-1890х гг.: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Алла Анатольевна Новикова. – М., 2003. – 493 с.
291. Новикова, А.А. Христианские основы мировидения и творчества Н.С. Лескова (К 170-летию писателя) / А.А. Новикова // Науч. альманах. Сер.: Религиоведение. – Орел, 2003 – Вып. 2. – С. 98-110.
292. Новикова, А.А. Художественное богопознание в творчестве Н. С. Лескова / А.А. Новикова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. – Вып. 6. – Петрозаводск; СПб., 2011. – С. 97-111.
293. Озерова, Н.И. Достоверность вымысла и мистика факта в прозе Н.С. Лескова / Н.И. Озерова // Образование в России: перспективы и реальность. – СПб., 2001. – С.114-116.
294. Озерова, Н.И. Мудрое смирение: влияние книги Екклесиаста на концепцию смысла бытия в хронике Н.С. Лескова «Захудалый род» / Н.И. Озерова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. – Петрозаводск, 2005. – Вып. 4. – С. 381-399.

295. Осечкина, С. Идея соборности в повести Н.С. Лескова «Запечатленный ангел» / С. Осечкина // Святые Кирилл и Мефодий и современная культура. – Калининград, 1996 – Вып. 1. – С. 32-34.
296. Осягина, Е.В. Лесковские праведники / Е.В. Осягина // Дергачевские чтения. 2000 : Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 2001. – Ч. 1. – С.154-157.
297. Пантин, В.О. Кадетский цикл Н.С. Лескова / В.О. Пантин // Российский литературоведческий журнал. – М., 1993. – №3. – С. 24-32
298. Пантин, В.О. Легенды и «апокрифы» в художественной системе Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Виктор Олегович Пантин. – СПб., 1993. – 26 с.
299. Панченко, А.М. Русская культура в канун петровских реформ / А.М. Панченко. – Л. : Наука, 1984. – 208 с.
300. Панченко, О.В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) / О.В. Панченко // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 54. – СПб.: Наука, 2003. – С. 491-534.
301. Пауткин, А.А. Апокриф и древнерусская иконопись в художественной интерпретации Н.С. Лескова («Сошествие во ад») / А.А. Пауткин // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1995. – N 4. – С. 54-59.
302. Пауткин, А.А. Горизонты прочтения («На краю света» Н.С. Лескова: взгляд медиевиста) / А.А. Пауткин // Диалог с Чеховым. – М., 2009. – С. 373-380.
303. Першина, М.А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н.С. Лескова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Марина Андреевна Першина. – Киров, 2013. – 23 с.
304. Петрова, А.Л. К источникам знаний Н.С. Лескова о философии Сократа / А.Л. Петрова // Русская литература. – 2013. – №3. – С. 152-167.
305. Пиккио, Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. – М: Знак., 2003. – 703 с.

306. Пильд, Л.Л. Н.С. Лесков в оценке Мережковских / Л.Л. Пильд // Блоковский сборник. – Tartu, 2000. – Вып. 15. – С. 76-89.
307. Пономарева, Г.Б. О житийности романов Лескова и Достоевского / Г.Б. Пономарева // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007. – Ч. 2. – С.338-346.
308. Прокофьева, Т.А. О способах формирования художественного целого в рассказе Н.С. Лескова «На краю света» / Т.А. Прокофьева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М.,1989. – №4. – С. 50-53.
309. Пульхритудова, Е.М. Достоевский и Лесков: К истории творческих взаимоотношений / Е.М. Пульхритудова // Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. – М., 1971. – С. 94-119.
310. Ранчин, А.М. К поэтике литературной мистификации: Легенды Н.С. Лескова по старинному Прологу / А.М. Ранчин // Тыняновский сборник: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. – Вып. 10. – М., [Улан-Батор : Издательский дом «Агийма»], 1998.– С. 96-117.
311. Ранчин, А.М. Легенда Н.С. Лескова «Скоморох Памфалон» (1887) и ее литературные и фольклорные источники / А.М. Ранчин // Этнолингвистика текста. – М., 1988. – Вып. 2. – С. 9-12.
312. Ранчин, А.М. Старец Герасим в сказании Пролога и в легенде Н.С. Лескова «Лев старца Герасима»: Некоторые наблюдения / А.М. Ранчин // Макариевские чтения. – Можайск, 2006. – Вып. 13. – С. 294-298.
313. Растягаев, А.В. Топика *imitatio Christi* как типологический признак житий мучеников / А.В. Растягаев // Концептосфера – дискурс – картина мира : междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / отв. ред. Е.Е. Стефанский. – Самара, 2006. – С. 100-104.
314. Растягаев, А.В. Топика агиографической литературы: русская концепция святости // *Reosiahag : Journal of Institute for Russian Studies / Chungbuk National University*. – Cheongju, 2007. – № 2. – С. 55-64.
315. Рейсер, С.А. Н.С. Лесков и народная книга / С.А. Рейсер // Русская литература. – Л., 1990. – №1. – С.181-194.

316. Рижский, М.И. Русская Библия: История переводов Библии в России / М.И. Рижский. – 2-е изд. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 256 с.
317. Рогачевская, Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 280 с.
318. Родченко, В., диак. Генезис и типология современной отечественной церковной периодики: автореф. дисс. ... кандидата богословия / диакон Владимир Родченко. – Сергиев Посад, 2008. – 38 с.
319. Руди, Т.Р. Из комментария к рассказу Н.С. Лескова «Александрит» / Т.Р. Руди // Русская литература. – СПб., 2008. – №3. – С. 119-129.
320. Руди, Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) / Т.Р. Руди // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. С. А. Семячко и Т. Р. Руди. – СПб., 2005. – С. 59—101.
321. Румянцев, А.Б. Н.С. Лесков и русская православная церковь / А.Б. Румянцев // Русская литература. – 1995. – №1. – С. 212-217.
322. Савелова, Л.В. Евангельский фон в структуре повести Н.С. Лескова «Юдоль» / Л.В. Савелова // Литература и христианство. – Белгород, 2000. – С. 66-68.
323. Сажин, А.В. Н.С. Лесков и сектанты: к истории изучения вопроса / А.В. Сажин // Российская словесность: эстетика, теория, история. – СПб.; Самара, 2007. – С. 189-196.
324. Сажин, А.В. Неизвестный Лесков: «Обнищеванцы»: текст, претекст, исследование, комментарии. – СПб. : Алетейя, 2008. – 196 с.
325. Сажин, А.С. Две реальности: к творческой истории очерка Н.С. Лесков «Обнищеванцы» / А.С. Сажин // Печать и слово Санкт-Петербурга : Петербургские чтения – 2007. – СПб., 2008. – С. 129-135.
326. Семенов, В.С. Николай Лесков. Время и книги / В.С. Семенов. – М. : Современник, 1981. – 303 с.
327. Сепик, Г.В. Жития святых и поэтика Н. Лескова: (На материале произведения «Лев старца Герасима») / Г.В. Сепик // Проблемы славянской культуры и цивилизации. – Уссурийск, 2003. – С. 99-103.

328. Серман, И.З. Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова / И.З. Серман // Труды отдела древнерусской литературы – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XIV. – С. 404-407.

329. Сидяков, Ю.Л. «Великосветский раскол» и народные этические искания в публицистике Н.С. Лескова 1870х гг. / Ю.Л. Сидяков // Ученые записки Тартусского университета. – 1987. – Вып. 748. – С. 110-119.

330. Сидяков, Ю.Л. Лесков в борьбе с церковной реакцией / Ю.Л. Сидяков // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1986. – Вып. 683. Труды по русской и славянской филологии. – С. 38-49.

331. Сидяков, Ю.Л. Публицистика Н.С. Лескова 1870-х годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Юрий Львович Сидяков. – Тарту, 1987. – 16 с.

332. Силантьев, И.В. Мотивный анализ: учеб. пособие / И.В. Силантьев, В.И. Тюпа, Ю.В. Шатин. – Новосибирск : НГУ, 2004. – 240 с.

333. Силантьев, И.В. Сюжетологические исследования / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.

334. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 гг.: в 9 кн. / И.К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994-1997. – 9 т.

335. Соловьев Вл. Три речи в память Достоевского / Вл. Соловьев. – М. : Университетская тип., 1884. – 55 с.

336. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 437 с.

337. Старыгина, Н.Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции / Н.Н. Старыгина // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. – Петрозаводск, 1998. – Вып. 2. – С. 203-221.

338. Старыгина, Н.Н. К вопросу о циклизации произведений в творчестве Н.С. Лескова / Н.Н. Старыгина // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1988. – С.110-116.
339. Старыгина, Н.Н. К проблеме понимания и объяснения христианского контекста русской литературы второй половины XIX века / Н.Н. Старыгина // Литература и искусство в истории Отечества. – СПб., 1998. – С. 56-59.
340. Старыгина, Н.Н. Новеллистический цикл в творчестве Н.С. Лескова 1880-х годов: опыт целостного анализа / Н.Н. Старыгина // Анализ художественного текста. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 63-78.
341. Старыгина, Н.Н. Образ праведника как художественное воплощение христианской концепции человека / Н.Н. Старыгина // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института: материалы. – М., 1998. – С. 112-121.
342. Старыгина, Н.Н. Циклизация в русской литературе XIX в. и творчество Н.С. Лескова / Н.Н. Старыгина // Модификация художественных форм в историко-литературном процессе. – Свердловск, 1988. – С. 59-72.
343. Столярова, И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова / И.В. Столярова. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1978. – 231 с.
344. Столярова, И.В. Молитва Кирилла Туровского в художественной системе рассказа Н.С. Лескова «На краю света» / И.В. Столярова // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков. – Вып. 4.– Петрозаводск, 2005. – С. 365-380.
345. Столярова, И.В. Традиции Гофмана в романе Н.С. Лескова «Чертовы куклы» / И.В. Столярова // От Пушкина до Белого. – СПб., 1992. – С. 170-193.
346. Творчество Н.С. Лескова: Межвузовский сборник научных трудов / отв. Ред. Г.Б. Курляндская. – Курск : КГПИ, 1986. – 153 с.
347. Творчество Н.С. Лескова: сборник научных трудов. – Курск, 1977. – 147 с.
348. Творчество Н.С. Лескова в контексте русской и мировой литературы: Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной

100-летию со дня смерти писателя. Орел, 5-7 сентября 1995 / Отв. ред. Е.В. Тюхова. – Орел : ОГПУ, 1995. – 95 с.

349. Терехова, Е.А. Н.С. Лесков о христианской этике как основе нравственного воспитания детей: (На материале публицистики писателя) / Е.А. Терехова // Православие и отечественная культура: наука, образование, искусство. – Орел, 2006. – Т. 2. – С. 235-240.

350. Терновская, Е.А. Проблема "праведничества" в прозе Н.С. Лескова 1870-1880-х годов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Елена Александровна Терновская. – Мичуринск, 2006. – 213 с.

351. Терновская, Е.А. Лесковская концепция "праведничества" в оценке современной критики // Проблемы моделирования в развивающихся образовательных системах: Материалы IV Международной науч.-практич. конф. (Мичуринск, 20-21 октября 2004 г.) / Ред. В.Н. Яценко, В.И. Козырев, П.А. Гончаров. – Мичуринск : Изд-во МГПИ, 2004. – С. 150-152.

352. Тихонская, Н.Л. К вопросу о природе гротеска у Н.С. Лескова / Н.Л. Тихонская // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. – Саратов, 2000. – Вып. 3. – С.120-123.

353. Тредголд, Д.У. Влияние православного христианства на политические взгляды русских писателей XIX в.: Гоголя, Достоевского, Лескова / Д.У. Тредголд // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – М., 1992. – №1. – С. 24-29.

354. Троицкий В.Ю. Духовный и зримый идеал женщины у Лескова // Литература в школе. – №2. – М., 1991. – С. 8-13.

355. Троицкий, В.Ю. Лесков – художник / В.Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 216 с.

356. Троицкий, В.Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер: (К вопросу о методологии исследования) / В.Ю. Троицкий // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М., 2007. – Ч. 2. – С. 346-360.

357. Трофимов, И.В. Социально-психологический портрет старовера в творчестве Н.С. Лескова / И.В. Трофимов // Международные заволокинские чтения. Сб. 1. – Рига, 2006. – С. 195-207.
358. Туниманов, В.А. Лесков и Л. Толстой / В.А. Туниманов. // Туниманов, В.А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи / Отв. ред. С.Н. Гуськов. – СПб. : Издательство «Пушкинский Дом», 2013. – с. 347-366.
359. Туниманов, В.А. Рассказы и легенды Лескова о праведниках / В.А. Туниманов. // Туниманов, В.А. Лабиринт сцеплений: Избранные статьи / Отв. ред. С.Н. Гуськов. – СПб. : Издательство «Пушкинский Дом», 2013. – с. 319-329.
360. Туниманов, В.А. Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков в 1873 году: Литературная дуэль / В.А. Туниманов // *Arg philologiae*. – СПб., 1997. – С. 172-189.
361. Тюхова, Е.В. О психологизме Н.С.Лескова / Под ред. Громова В.А. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1993. – 107 с.
362. Уртминцева, М.Г. Н.С. Лесков – интерпретатор проложных сюжетов / М.Г. Уртминцева // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. – Арзамас, 2006. – С. 326-333.
363. Ученые записки Орловского государственного университета. – Т. III: Лесковский сборник / Ред. М.В. Антонова и др. – Орел : Издательство Орловского государственного университета, ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2006. – 148 с.
364. Ученые записки Орловского государственного университета. Лесковский сборник – 2007 / Отв. ред. М.В. Антонова. – Орел : Издательство Орловского государственного университета, 2006. – 400 с.
365. Фаресов, А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А.И. Фаресов. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1904. – 411 с.
366. Федотова, А.А. Поэтика поздней прозы Н.С. Лескова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Анна Александровна Федотова. – Ярославль, 2012. – 209 с.

367. Филарет (Кулешов), иеромонах. Использование русского перевода Священного Писания в отечественной литературе XIX века / иеромонах Филарет (Кулешов) // Вышенский паломник. – М., 1997. – №4. – С. 124-129.

368. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / прот. Георгий Флоровский. – Киев : Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. – 599 с.

369. Хабаров, О.Б. Жанр челобитной в эпистолярном наследии Н.С. Лескова / О.Б. Хабаров // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1997. – №4. – С. 138-141.

370. «Христианство на Руси еще не проповедано...»: Затерянная статья Николая Лескова / Вступление, публ. и коммент. Майоровой О // Литературная газета – М., 1993. – 21 июля. – №29. – С. 5.

371. Черемисинова, Л.И. Фет и Лесков: Один эпизод из истории журнала «Заря» / Л.И. Черемисинова // Афанасий Фет и русская литература. – Курск, 2006. – С. 133-142.

372. Чернов, А.В. «Программа» архиепископа Оренбургского Варлаама и замысел «Соборян» Лескова / А.В. Чернов // Северо-Запад. – Череповец, 1995. – Вып. 1. – С. 21-28.

373. Шелаева, А.А. Шут, дурак и плут в романе Лескова «Чертовы куклы» / А.А. Шелаева // Русская история и культура : Статьи. Воспоминания. Эссе. – СПб., 2007. – С.191-197.

374. Шелаева, А.А. Н.С. Лесков и античность: К вопросу о месте писателя в русской культуре конца XXI в. / А.А. Шелаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. – СПб., 2006. – Вып. 1. – С. 89-99.

375. Шелковникова, Л.Ф. «Грех» и «добродетель» в системе религиозно-нравственных ценностей Н.С. Лескова / Л.Ф. Шелковникова // Культура и текст : Литературоведение. – СПб., 1998. – Ч.2. – С. 11-19.

376. Шкута, Г.А. Агиографические источники рассказа «Котин доилец и Платонида» / Г.А. Шкута // Диалог культур. – Барнаул, 2004. – С. 110-118.

377. Шкута, Г.А. Актуализация сюжета о праведнице в творчестве Н.С. Лескова (на материале повести «Житие одной бабы») / Г.А. Шкута // Святоотеческие традиции в русской литературе: Сб. материалов научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Соломонова. – Омск: Издательство Вариант-Омск, 2005. – Ч. 2. Русская литература как культурный феномен. – С. 151-154.
378. Шкута, Г.А. Евангельские мотивы и символы в творчестве Н.С. Лескова / Г.А. Шкута // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. – Арзамас, 2006. – С. 333-339.
379. Шкута, Г.А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Галина Александровна Шкута. – Новосибирск, 2005. – 215 с.
380. Шляпкин, И.А. К биографии Н. С. Лескова / И.А. Шляпкин // Русская старина. – 1895 – № 12.
381. Шмелева, Ю.В. Поэтика «преобразований» жанра очерка Н.С. Лесковым в 1880-х годах / Ю.В. Шмелева // Малые жанры: теория и история. – Иваново, 2003. – С. 102-115.
382. Эльзон, М.Д. Существовала ли рукопись повести Н.С. Лескова «Амур в лапоточках»? / М.Д. Эльзон // Русская литература. – Л., 1988. – №2. – С. 163-165
383. Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета: Материалы. – Вып. I: Н.С. Лесков / Отв. ред. Е.В. Тюхова – Орел : Орловский государственный университет, 2001. – 274 с.
384. Ямпольский, М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре / М. Ямпольский. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 616 с.
385. Янчевская, К.А. «Странный» герой Н.С. Лескова (к проблеме юродства) / К.А. Янчевская // Литература и общественное сознание: варианты интерпретации художественного текста. – Бийск, 2002. – Вып. 7, ч. 1. – С. 208-211.

386. Яхненко, Е.В. «Путь паломника» Джона Беньяна в творчестве Н.С. Лескова / Е.В. Яхненко // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 2003. – №2. – С. 141-147.
387. Cavaion, D. Polémique, rhétorique et poésie dans l'œuvre narrative de Leskov / Danilo Cavaion // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – №3. – P. 281-291.
388. Cazzola, P. Les « parents » dans le monde poétique leskovien : la grand-mère, l'oncle, le neveu / Piero Cazzola // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 321-329.
389. Edgerton, W.B. Leskov moraliste malin / William Edgerton // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 271-280.
390. Edgerton, W.B. Nikolai Leskov: the Intellectual Development of a Nonconformist: doc. dissertation for Columbia Un. / William Edgerton. – 1954. – 370 p.
391. Gery, C. Psychopathes d'autrefois de Nikolai Leskov et la mise en question du réalisme / C. Gery // Герменевтика литературных жанров. – Ставрополь, 2007. – С. 114-128.
392. Grimstad, K.A. Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov / Knut Andreas Grimstad. – Bergen : University of Bergen, 2007. – 256 p.
393. Jolles, A. Formes simples / André Jolles. – Paris, Éditions du Seuil, 1972. – 213 p.
394. Lantz, K.A. N.S. Leskov / Kenneth A. Lantz. – Boston : Twayne Publishers, 1979. – 166 p.
395. Lantz, K.A. Отношение к времени в творчестве Лескова / Kenneth A. Lantz // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 365-372.
396. Marcadé, J.-C. Les légendes chrétiennes de Leskov / Jean-Claude Marcadé // Revue des études slaves. – 1988. – V. 60. – № 1. – P. 169-176.
397. Marcadé, J.-C. Les premières versions du Clergé de la collégiale de Leskov : Ceux qui attendent le bouillonnement de l'eau et les Habitants de la maison de Dieu / Jean-Claude Marcadé // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 347-364.

398. McLean, H. Nikolai Leskov. *The Man and His Art* / Hugh McLean. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1977. – 796 p.
399. Muckle James, Y. Nikolai Leskov and the "Spirit of Protestantism" / James Y. Muckle. – Birmingham : Department of Russian Language and Literature, University of Birmingham, 1978. – 171 p.
400. Muller de Morogues, I. Leskov face aux schismatiques / Inès Muller de Morogues // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1988. – V. 29. – №3. – P. 399-414.
401. Muller de Morogues, I. N.S. Leskov: propagandiste religieux et critique de littérature édifiante / Inès Muller de Morogues // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. – 1996. – Vol. 37. – № 4. – P. 381–395.
402. Muller de Morogues, I. N. S. Leskov : Premières polémiques / Inès Muller de Morogues // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1982. – V. 23. – №2. – P. 243-255.
403. Picchio, R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom / Riccardo Picchio // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists (Warsaw, August 21-27, 1973)*. – Vol.2 Literature and Folklore – The Hague; Paris, 1973. – P. 439-467.
404. Pritchett, V.S. Leskov / V.S. Pritchette // *II Oxford Slavonic Papers*. – Vol. X. – Oxford at the Clarendon Press, 1962. – P. 18-24.
405. Sciences and humanities : современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест. / Сост. и науч. ред. Н.И. Озерова. – Вып. 7. – СПб. : Изд-во «Осипов», 2006. – 220 с.
406. Sciences and humanities : современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест. / Сост. и науч. ред. Н.И. Озерова. – Вып. 8. – СПб., 2007. – 209 с.
407. Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. Лесковский палимпсест: Материалы научной сессии «XII Невские чтения». – Вып. 12. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2011. – 192 с.

408. Sémon, M. La nostalgie de la Beauté ou l'expression du Sacré dans le texte prosaïque profane / Marie Sémon // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1988. – V. 29. – № 3. – P. 375-386.

409. Sigal, G. Les répétitions chez Leskov / Geoges Sigal // Revue des études slaves. – 1986. – V. 58. – № 3. – P. 307-319.

410. Trojanowska, B. Об эволюции образа праведника в литературной практике Николая Лескова и Ивана Шмелева / B. Trojanowska // Герменевтика литературных жанров. – Ставрополь, 2007. – С. 159-177.

Приложение 1

Памятный листок.

В книгах Священного Писания сказано ¹:

Второзаконие, глава 4.

«И так, Израиль, слушай уставы и постановления, что бы исполнять их которым я учу вас, что бы исполнять их» ст.1

глава 27.

Проклят, кто не устоит в словах этого закона, чтобы исполнять их» [ст.27] ст.26

глава 31.

«Собери народ, мужей и жен и детей, и пришельцев твоих, которые будут в городах твоих, что-бы они слушали и что бы учились и боялись Господа, Бога вашего, и старались исполнять все слова этого закона». Ст.12.

Книга Иисуса Навина.

глава 1.

«Пусть не отходит эта книга закона от уст твоих, но поучайся в ней день и ночь, что бы тебе тщательно исполнять все, что в ней написано» ст. 8

Псалтырь²

Псалом /17/18.

«Пусть воздаст мне Господь по правде моей; по чистоте рук моих пусть наградит меня» ст. 21

Псал. /39/40.

«Исполнить волю Твою, Боже мой, я хочу, и закон Твой у меня в сердце». Ст. 9.

Пс. /105/ 106.

«Блаженны, соблюдающие правосудие и поступающие по правде во всякое время» ст. 3.

Пророк Иеремия.

глава 9.

«И Господь сказал: за то, что оставили закон [мой] Мой, который Я дал для них и не слушали гласа Моего и не следовали ему» Ст.12

«А ходили по упорству сердца своего, за Ваалами, как научили их отцы их» ст.13

«Я накормлю этот народ полынью, и напою их ядовитой водою».ст.14

Евангелие Матфея.

глава 12.

«Кто будет исполнять волю Отца Моего небесного; тот Мне брат, и сестра и мать». ст. 50.

глава 5

«И так, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит тем людей; тот малейшим наречется в царстве небесном; а кто сотворит и научит; тот великими наречется в царстве небесном». Ст. 19.

«Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев; то вы не войдете в царство небесное».ст.20.

глава 7.

«Не всякий, говорящий мне: Господи. Господи.войдет в царство небесное; но исполняющий волю Отца Моего небесного». Ст. 21.

«И так, всякого кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне». Ст. 24.

«А всякий, кто слушает сии слова Мои сии и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке». Ст. 26.

глава 19.

- Если хочешь жизнь вечную, соблуди заповеди». Ст. 17.

Евангелие св. Луки.

глава 12.

«Раб же тот, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его бит будет много» Ст. 47.

«А который не знал и сделал достойное наказания бит будет меньше».ст. 48.

Евангелие св. Иоанна.

глава 15.

«Если заповеди Мои соблюдете; пребудете в любви [моей] Моей, как и Я

Стр. 2

соблюл заповеди Отца Моего, и пребываю «в его любви». ст. 10.

св. ап. Павла посл. К Римлянам.

глава 2.

«Не слушатели законаправедны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут».ст.13.

св. ап. Иакова, соборн.посл.

глава 1.

«Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя».ст.22.

св.ап. Павла 2-е посл. К Тимофею.

«Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготвлен». ст. 17.

[1] Так как в известных слоях общества есть недоверие к тексту русской Библии синодального издания, то я, для соблазняющихся этою редакциею, беру тексты из русской Библии Лондонскаго издания 1875 г., к которой которой наши светские люди относятся доверчивее.

Н.Л.

[2] Тексты, приводимые католиками из книг Притчей Соломона и Екклесиаста я опускаю, так как этих книг нет в Библии того издания, которое пользуется полным доверием людей людей избегающих Библии синодального издания.

Приложение 2

«Перехожу к коллекции писем, которыми обогатил мой архив литер.сборник в пользу голодающих, вышедший под моей ред. В 1901 году»

«Н.С. Лесков, ссылаясь на свою болезнь, прибавляет, что автограф его «ужасно стесняет и мучает. Что я за знаменитость такая и что я за мудрец, чтобы выставлять меня в ряду таких действительно замечательных людей, как Л.Н. Толстой, Влад. Соловьев, Милютин или подобные. Усердно вас прошу, оставьте меня в «нетях». Этим вы окажете мне самую добрую услугу, так как я решительно не имею мыслей, которые бы стоили воспроизведения. Но если уже вам непременно хочется меня записать в знаменитости, то прилагаю при сем маленькую выписку из тех мест Нового Завета, которые особенно идут к настоящему бедственному году».

А. Кауфман.

Выписываю из книги «Нового Завета» четыре текста, в которых многие могут найти теперь полезнейшие для себя напоминания:

- 1) Кто имеет достаток в мире, но видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое: как пребывает в том любовь Божия? (I том. III ч. 7)
- 2) У кого две одежды, тот отдай нищему, и у кого пища, делай то же (2 т. II 19).
- 3) Отступи от неправды всякий, призывающий имя Христово (2 т. II 19).
- 4) Кто не со Мною, тот против Меня (Л.К. VI 23).

Н.С. Лесков